

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня **и АФРИКА**

2021 № 9

Ежемесячный научный журнал
Выходит с июля 1957 года (до марта 1961 г. - «Современный Восток»)
Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Главный редактор
академик РАН А.М. Васильев

Редакционная коллегия:

И.О. Абрамова (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Б.А. Акинтеринва (Нигерия), В.Я. Белокрыцкий (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Х.Х.С. Вишванатан (Индия), Л.В. Гевелинг (Москва, Россия),
Ян Гуан (КНР), А.Б. Давидсон (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия),
А.В. Денисов (Москва, Россия), Я.М. Ибн Джунейд (Саудовская Аравия),
С.С. Кунанбаева (Казахстан), Р.Г. Ланда (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), В.А. Мельянцева (Институт стран Азии и Африки МГУ
им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия), Д.В. Мосяков, (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Ф.С. Муфаммади (ЮАР), М. Наср аль-Гибали (Египет), У. Рено (США),
С.В. Прожогина (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
О.И. Тетерин (Москва, Россия), Л.Л. Фитуни (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Т.Л. Шаумян (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
В.Г. Шубин (Институт Африки РАН, Москва, Россия)

Редакция:

О.И. Тетерин, первый зам. главного редактора
А.В. Денисов, ответственный секретарь
В.С. Окулов, редактор
Е.А. Львов, зав. редакцией
Г.М. Абишева, оформление и верстка

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES

ASIA today & AFRICA

2021 № 9

Scientific monthly journal

Published since July 1957 (until March 1961 has been issued under the title “Sovremennyi Vostok” / “Contemporary East”). The journal is published under the supervision of the Historical and Philological Department of the Russian Academy of Sciences (RAS)
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Editor-in-Chief

Academician of RAS A.M. Vasiliev

Editorial Board:

I.O. Abramova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
B.A. Akinterinwa (Nigerian Institute of International Affairs, Nigeria), V.Ya. Belokrenitsky (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), Ya.M. Bin Junaid (Center for Research and Islamic Studies, Saudi Arabia), A.B. Davidson (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia),
A.V. Denisov (Moscow, Russia), L.L. Fituni (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
L.V. Geveling (Moscow, Russia), Y. Guang (Chinese Academy of Social Sciences, China),
S.S. Kunanbayeva (Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Kazakhstan), R.G. Landa (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow), V.A. Meliantsev (Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia),
D.V. Mosyakov (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), F.S. Mufamadi (University of Johannesburg, South Africa), M. Nasr El-Gebaly (Ain Shams University, Egypt), S.V. Prozhogina (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), W. Reno (Northwestern University, USA),
T.L. Shaumyan (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow), V.G. Shubin (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia), O.I. Teterin (Moscow, Russia),
H.H.S. Viswanathan (BRICS Think Tank Council, India)

Editorial Staff:

O.I. Teterin, First Deputy Editor-in-Chief
A.V. Denisov, Executive secretary; V.S. Okulov, Text editor
E.A. Lvov, Office manager; G.M. Abisheva, Designer

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

- Буров В.Г.** История длиной в сто лет (к юбилею Компартии Китая) 5

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

- Салицкий А.И., Семенова Н.К.** Два контура: Китай определился с глобализацией 14

- Ищенко Н.С.** Движение талибов и афганский мирный процесс 23

- Елькина Е.А.** Туристическая отрасль Египта перед лицом глобальных вызовов – от «арабской весны» до пандемии 29

Ислам, исламизм и экстремизм

- Хайруллин Т.Р.** Постисламизм: особенности, процессы и перспективы 34

- Денисова Т.С., Костелянец С.В.** Камерун: радикализация ислама и экспансия «Боко Харам» 40

- Годованюк К.А.** Индия в британской внешней политике: вызовы для партнерства либеральных демократий 49

- Рогожина Н.Г.** Политическая ситуация в Таиланде: авторитаризм versus демократия 56

- Трунов Ф.О.** ФРГ и «ливийская проблема» в 2010-е гг. 65

Трибуна соискателя

- Wissal Werfelli** (Tunis). Security issues in the Middle East: The present challenges and threats 73

КУЛЬТУРА ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

- Горошков Н.П., Шподарева Ю.С.** (Воронеж). Кемаль Ататюрк в искусстве республиканской Турции 79

© Российская академия наук, 2021
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня»
(составитель), 2021

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

Журнал включен в список ВАК. Входит в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science и EBSCO Publishing.

Адрес редакции:

123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1
Тел.: +7 495 697 94 50
Тел./факс: +7 495 691 02 70
E-mail: asaf-today@mail.ru
Интернет: www.asaf-today.ru

CONTENTS

TOP PROBLEM

- Vladilen G. Burov.** A hundred-year-long story (for the anniversary of the Communist party of China) **5**

POLITICS, ECONOMICS

- Alexander I. Salitsky, Nelli K. Semenova.** Two circuits: China defined with globalization **14**

- Nikita S. Ishchenko.** Taliban and Afghan peace process **23**

- Ekaterina E. Elkina.** Egypt's tourism industry facing global challenges: From the Arab spring to the pandemic **29**

Islam, Islamism and extremism

- Timur R. Khayrullin.** Post-islamism: Features, processes and prospects **34**

- Tatyana S. Denisova, Sergey V. Kostelyanets.** Cameroon: The radicalization of Islam and the expansion of Boko Haram **40**

- Kira A. Godovanyuk.** India in British foreign policy: Challenges for partnership of liberal democracies **49**

- Natalia G. Rogozhina.** Political situation in Thailand: Authoritarianism versus democracy **56**

- Philipp O. Trunov.** Germany and «Libyan problem» in the 2010s **65**

POST-GRADUATE TRIBUNE

- Wissal Werfelli** (Tunis). Security issues in the Middle East: The present challenges and threats **73**

CULTURE, LITERATURE, ART

- Nikolay P. Goroshkov, Yulia S. Shpodareva** (Voronezh). Kemal Ataturk in the art of republican Turkey **79**

© Russian Academy of Sciences, 2021

© Editorial board of «Asia & Africa today» (compiler), 2021

The authors opinions may not coincide with position of the editorial.

Included in Russian Science Citation Index on WoS platform, and EBSCO Publishing.

Postal Address:

30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian Federation
Tel.: **+7 495 697 94 50**
Tel./Fax: **+7 495 691 02 70**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Website: **www.asaf-today.ru**

DOI: 10.31857/S032150750016627-1

Оригинальная статья / Original article

История длиной в сто лет (к юбилею Компартии Китая)

© Буров В.Г.^a, 2021

^a Институт философии РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0003-1490-9170
burovvg2@yandex.ru

Резюме. 1 июля 2021 года исполнилось 100 лет со времени образования Компартии Китая. За прошедшие годы из небольшой группы, состоявшей из 53 человек, она превратилась в крупнейшую политическую организацию мира, насчитывающую 95 млн членов.

В первый период своей истории КПК пришлось вести вооруженную борьбу за власть с правившим тогда в стране Гоминьданом (Национальной партией Китая). Одержав над ним победу, китайские коммунисты в 1949 г. создали Китайскую Народную Республику. За прошедшие 70 с лишним лет Компартия Китая приобрела ценный опыт управления государством, извлечения уроков и преодоления ошибок. С 1978 г. в стране успешно осуществляется политика реформ и открытости, благодаря которой Китай превратился во вторую по экономической мощи державу мира.

В своей деятельности Компартия Китая руководствуется китаизированным марксизмом, в основе которого лежит учёт национальных особенностей страны, в Китае строится социализм с китайской спецификой. Теоретические поиски китайских коммунистов идут вразрез с положениями классического марксизма. В своей юбилейной речи генеральный секретарь ЦК КПК, председатель КНР Си Цзиньпин подвёл итоги деятельности Компартии за прошедшие 100 лет, обрисовал перспективы внутренней и внешней политики страны, поставил задачи, которые должна решать Компартия в ближайшие десятилетия.

Ключевые слова: Компартия Китая, речь Си Цзиньпина, партийное строительство, внешняя политика КНР, будущее социализма в Китае

Для цитирования: Буров В.Г. История длиной в сто лет (к юбилею Компартии Китая). *Азия и Африка сегодня*. 2021, № 9. С. 5-13. DOI: 10.31857/S032150750016627-1

A hundred-year-long story (for the anniversary of the Communist Party of China)

© Vladilen G. Burov^a, 2021

^a Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0003-1490-9170
burovvg2@yandex.ru

Abstract. On July 1, 2021, celebrations were held in Beijing on the occasion of the centenary of the formation of the Communist Party of China. Its history is full of various tragic and heroic events. After a five-year period of cooperation with the Kuomintang (the National Party of China), due to the betrayal of the latter, a fifteen-year armed struggle between the two parties for power begins, interrupted for the time of Japan's aggression against China.

In 1949, the People's Republic of China was created under the leadership of the Communist Party. The period of socialist construction is replaced by the time of the "great leap forward" and the people's communes, and then by the years of "the cultural revolution". After 1976, the country gradually begins to implement a policy of reform and openness, which continues until the present time.

The Communist Party comes to its anniversary with huge achievements, China has become the second most economically powerful power in the world. The General Secretary of the Communist Party Xi Jinping made a speech at the celebrations. First of all, he recalled the time when, as a result of the opium wars, China turned into a semi-colonial, semi-feudal country and paid tribute to the memory of the revolutionaries of the older generation who ended this condition. Then he listed the majestic tasks that the Chinese state faces in the field of domestic and foreign policy.

The experience of the Chinese Communists in implementing the modernization of their country attracts attention all over the world and certainly deserves to be studied.

Keywords: Communist Party of China, Xi Jinping's speech, party building, China's foreign policy, the future of socialism in China

For citation: Burov V.G. A hundred-year-long story (for the anniversary of the Communist Party of China). *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 9. Pp. 5-13. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750016627-1

ВВЕДЕНИЕ

1 июля 2021 года исполнилось 100 лет со времени образования Коммунистической партии Китая. Торжества, посвященные этому событию, начались в Пекине за несколько дней до знаменательной даты, 29 июня в здании Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) состоялась торжественная церемония вручения 29 особо отличившимся членам партии вновь учрежденного ордена «1 июля». В своей речи генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин отметил, что в их деятельности проявились такие высокие качества китайских коммунистов, как твердость убеждений, неуклонное следование в своей практике избранным целям, готовность жертвовать собой во имя возрождения китайской нации, ставить общественные интересы превыше всего.

ТОРЖЕСТВА В ПЕКИНЕ

1 июля в 8 часов утра на центральной площади Пекина Тяньаньмэнь состоялось торжественное собрание, в котором приняли участие свыше 70 тыс. человек. На трибуне находилось высшее руководство партии и государства во главе с Си Цзиньпином. Знаменательно, что именно на этой трибуне 1 октября 1949 г. Мао Цзэдун провозгласил образование Китайской Народной Республики. Сами торжества были красочным действием, напоминающим театрализованное представление.

На подтрибунной стене, как обычно, висит огромный портрет Мао Цзэдуна. Памятник народным героям, находящийся на противоположной стороне площади, напротив трибуны, украшен полотнищами, на которых герб Коммунистической партии Китая размером в 7.1 м в высоту и ширину, а также два логотипа - 1921 и 2021. На восточной и западной сторонах площади развиваются 100 красных флагов.

В 7.53 утра на трибуну поднимаются Си Цзиньпин и другие руководители партии и государства, затем эскадрилья самолетов демонстрирует в воздухе образцы пилотажа. В 7.55 утра над площадью пролетает 71 самолет ВВС Китая (намек на то, что КНР существует 71-й год). Над площадью появляются 5 вертолетов, несущие знамя Компартии Китая, полотнища с лозунгами «Да здравствует великая Компартия Китая», «Да здравствует великий китайский народ», «Да здравствует великая Китайская Народная Республика», «Да здравствует великое единство многонационального народа страны».

Затем вертолеты и самолеты образуют в воздухе цифры 100 и 71. 15 самолетов *J-20* пролетают над площадью тремя группами. На большом электронном экране, установленном на площади, появляется изображение маятника часов. Вслед за движением маятника на экране последовательно сменяются года: 1921, 1931, 1941... 2021.

Ровно в 8 часов утра начинается торжественное собрание.

Раздается салют из 100 орудий. Военнослужащие почетного караула, неся государственный флаг, чеканным шагом проходят от Памятника народным героям к месту поднятия флага в северной части площади. Объединенный военный оркестр Народно-освободительной армии Китая исполняет «Марш добровольцев». Вся площадь поет государственный гимн, пятизвездный красный флаг медленно поднимается над площадью Тяньаньмэнь.

От имени демократических партий, Ассоциации промышленников и торговцев, беспартийных с приветствием выступает Ван Эсян, председатель Демократической лиги Китая. Он заявляет, что, объединившись вокруг ЦК Коммунистической партии Китая во главе с товарищем Си Цзиньпином, мы будем вносить новый и еще больший вклад в завоевание новых побед во всестороннем построении современного социалистического государства и реализации китайской мечты о великом возрождении китайской нации. Китайские комсомольцы и пионеры приносят торжественную клятву: «Пусть партия не беспокоится, за укрепление государства отвечаем мы».

Затем с юбилейной речью выступает Си Цзиньпин. Собрание заканчивается под звуки Интернационала. 100 тыс. голубей взмывают вверх, 100 тыс. разноцветных воздушных шаров поднимается над площадью.

Так заканчивается информация агентства Синьхуа о торжествах в Пекине по случаю 100-летнего юбилея Компартии Китая [1].

ИСТОРИЯ КОМПАРИИ КИТАЯ БЕЗ ПРИКРАС

Как известно, Маркс и Энгельс позиционировали свое учение:

во-первых, как учение пролетариата, рабочего класса;

во-вторых, как учение о диктатуре пролетариата;

в-третьих, они настаивали на необходимости обобществления всех средств производства и в промышленности, и в сельском хозяйстве, и в торговле;

в-четвертых, они считали, что взятие власти пролетариатом возможно только вооруженным путем, в результате социалистической революции;

в-пятых, руководство социалистической революцией и социалистическими преобразованиями должна осуществлять авангардная пролетарская партия;

в-шестых, мировая социалистическая революция должна первоначально начаться в одной или нескольких развитых странах Европы. Они исходили при этом из того, что сам характер промышленного производства при капитализме является неизбежной предпосылкой его обобществления.

Таков был в основных чертах классический марксизм.

Эдуард Бернштейн (1850-1932)¹ внес в него одно принципиальное изменение: взятие власти пролетариатом возможно и мирным путем, через парламентские методы борьбы. Он, как впоследствии и авторы документов XX съезда КПСС, ссылаясь на высказывания Маркса и Энгельса о желательности мирного взятия власти. Однако у них это было лишь предположение, которое в реальности было невозможно осуществить из-за позиции буржуазии. Поэтому ссылки на Маркса и Энгельса в данном вопросе были признаны неуместными. Бернштейн был объявлен ревизионистом. В своей работе «Оправдание ревизионизма», опубликованной в 2005 г., академик Т.И.Ойзерман показал несправедливость подобного утверждения.

В.И.Ленин выдвинул идею о победе социалистической революции в одной или нескольких странах, являющихся слабыми звеньями в мировой системе империализма. Это была своеобразная ревизия классического, ортодоксального марксизма, произошла русификация марксизма. Но Ленин, в отличие от того, что приписывали ему впоследствии, не рассматривал русскую революцию как изолированное явление, для него она была частью, точнее говоря, *началом* мировой социалистической революции. Отсюда его усилия по развитию мирового коммунистического движения, вылившиеся, в конечном счете, в создание в 1919 г. III Интернационала (Коминтерна), помощь Советской России рабочим других стран Европы в организации вооруженных восстаний (Венгрия, Бавария и др.). Он предполагал, что социалистическая революция в России неизбежно продолжится в других странах Запада, в т.ч. наиболее развитых; введение НЭПа было для него тактической мерой, «временным отступлением», как он говорил.

Такого же мнения в послеоктябрьский период придерживались все руководители большевиков. В частности, выступая на XIII съезде РКП (б) (1924 г.), никто иной, как Бухарин говорил, что через 10 лет российские рабочие будут вместе с немецкими сражаться на улицах Берлина за победу мировой социалистической революции. Все руководители большевиков считали тогда, что без поддержки мирового пролетариата и, прежде всего, развитых европейских стран, социализм в отсталой России не сможет утвердиться.

Естественно поэтому, что в центре внимания классиков марксизма были проблемы социалистической революции в европейских странах, в т.ч. в России. Но это не означало, что они не интересовались политическими движениями на Азиатском континенте. Маркс и Ленин писали о революционных событиях в Китае, Индии, однако они рассматривали их, пожалуй, как резерв мировой социалистической революции. И это было вполне объяснимо, поскольку во второй половине XIX в. и начале XX в. пролетариат в странах Азии только зарождался, они не могли, по их мнению, быть главной силой социалистической революции. В лучшем случае они могли стать союзником пролетариата европейских стран.

В политическом и теоретическом плане положение начинает меняться только после Октября 1917 года. Именно тогда руководители советской России и российской компартии начинают обращать внимание на азиатские страны. Общеизвестно, что коммунистическое движение в Китае возникло под влиянием Октябрьской революции. Мао Цзэдуну принадлежит знаменитая фраза - «орудийные залпы Октябрьской революции донесли до нас марксизм-ленинизм». Примечательно, что её повторил Си Цзиньпин в своей речи 1 июля 2021 г.

В середине 10-х гг. прошлого столетия в Китае было сильно влияние идей западного либерализма. Это объяснялось тем, что представители китайской интеллигенции, начиная с конца XIX в., получали образование за границей, прежде всего в США, на китайский язык переводились произведения западной политэкономии, социологии, философии, социалистические идеи не имели тогда в стране широкого распространения.

В 1915 г. возникает «Движение за новую культуру», которое первоначально ставило своей целью перестроить Китай по западному образцу. Его лозунгами были два слова: «Демократия» и «Наука»; в страну с лекциями приезжают видные западные ученые Дьюи, Рассел, Эйкен и др. Иллюзиям в отношении учебы у Запада серьезный удар нанесли решения Версальской мирной конференции (1919-1920 гг.), которые не учитывали национальные интересы Китая; возникает известное антиимпериалистическое движение «4 мая» 1919 г., в авангарде которого были студенты учебных заведений Пекина и других городов. Именно тогда взоры китайских интеллигентов обращаются в сторону Советской России. Созданный в марте

¹ Немецкий политический деятель, социал-демократ, идеолог ревизии марксизма (бернштейнианства), теоретик реформизма (прим. ред.).

1919 г. Коминтерн также начинает обращать внимание на страны Востока, прежде всего на Китай. Другие страны этого региона (Индия, Вьетнам, Индонезия, арабские государства и т.д.) были колониями, естественно, что там вести революционную работу было труднее, в отличие от Китая, который формально являлся независимым государством.

Коминтерн создавался как своего рода штаб мировой революции, как центр подготовки кадров для будущих революций в странах Европы и Америки, как инкубатор коммунистических партий в различных странах мира. Именно так представляли задачи Коминтерна в 1920-е гг. его руководители - Зиновьев, Каменев, Бухарин и др. Первоначально они делали ставку на Западную Европу, но по мере политической и экономической стабилизации в европейских странах их внимание все больше начинает привлекать Китай.

Образование Компартии Китая в Шанхае в 1921 г. происходит при непосредственном участии представителей Коминтерна, вся её последующая деятельность осуществляется в контакте с его Исполкомом. В Москве создается специальный Коммунистический университет трудящихся Востока им. Сунь Ятсена и другие учебные заведения. Даже один из съездов компартии Китая, 6-й, проходит в Советском Союзе под Наро-Фоминском в 1928 г., ввиду невозможности провести его в Китае из-за гоминьдановского террора². Многие китайские коммунисты проходили подготовку в советских военных учебных заведениях. На содержание китайских учащихся - членов КПК в Советском Союзе, их приезд и отъезд из него, помощь организациям КПК в самом Китае тратились значительные финансовые средства. При том, что в то время Советскому Союзу приходилось решать задачи восстановления разрушенного в годы гражданской войны народного хозяйства, а затем и индустриализации страны. Об этом подробно пишет в своей книге «Кузница маршалов и революционеров» китайский историк Е.Фань. Он, в частности, справедливо упоминает о том, что материальный уровень находившихся тогда в Советской России китайских коммунистов был значительно выше, чем у советских трудящихся [2].

В настоящее время в российской историографии и публицистике преобладает мнение о том, что в основе конфликта между Троцким, Зиновьевым и Каменевым, с одной стороны, и Сталиным, с другой, лежала исключительно борьба за власть. Действительно, она имела место, но в основе её, кроме личных мотивов, лежала и теоретическая подоплека. И Троцкий, и Зиновьев с Каменевым (независимо от неприязненных отношений первого со вторыми) были классическими, ортодоксальными марксистами. Они были убежденными сторонниками мировой пролетарской революции, они не верили в возможность победы социализма в одной стране, т.е. в Советском Союзе, которая была, по их мнению, отсталой. В отличие от них, Сталин рассуждал иначе; мировая революция провалилась, но это не значит, что большевики должны отдавать власть, необходимо строить социализм даже без поддержки пролетариев других стран. Точно такой же позиции придерживался и Бухарин. При этом оба они считали, что социалистическое строительство в Советском Союзе будет поддержано революционным движением не только в Европе, но и в странах Востока, прежде всего в Китае.

В середине и во второй половине 1920-х гг. в Коминтерне шли бурные дискуссии по «китайскому вопросу». В них принимали участие руководители ВКП(б), среди которых были серьёзные разногласия о характере и движущих силах китайской революции, стратегии и тактики Компартии Китая. Эти дискуссии оказывали влияние на китайских коммунистов, учившихся в Москве, часть из них поддерживали позицию Троцкого.

Сейчас общепризнано, что многие рекомендации и советы руководителей и сотрудников Коминтерна руководству Компартии Китая (как, впрочем, и другим компартиям) далеко не всегда отвечали реальным условиям страны, были ошибочными, наносили ущерб китайскому революционному движению; можно вспомнить, например, ставку на вооруженные восстания в городах в конце 1920-х гг.

В то же время нельзя не учитывать, что это было время революционного романтизма, когда казалось, что достаточно еще «поднажать», «собрать силы и нанести решительный удар» и империалистическая система рухнет, капитализм будет побежден. Так думали не только в Москве, в Исполкоме Коминтерна такого мнения придерживались и руководители многих компартий, в т.ч. и Компартии Китая. Кроме того, необходимо иметь в виду, что революцию делали конкретные люди со своими амбициями, представлениями, они были больше теоретиками, чем практиками, что, несомненно, сказывалось на принятии решений. И это вполне объяснимо, поскольку в 1920-е гг. был только один опыт победоносной революции - опыт российской компартии. Поэтому не следует строго судить поколение революционеров 20-30-х гг.

В оправдание им следует сказать следующее. Китай был отсталой азиатской страной с громадным населением, жившим преимущественно в деревне, где господствовало переплетение отсталых экономических отношений. И сам Мао Цзэдун, который объявлен в Китае творцом победы коммунистов в вооруженной войне с Гоминьданом, не сразу пришел к правильному пониманию стратегии революционной борьбы. Для

² Сейчас в здании, где проходил Шестой съезд КПК, организован музей, который регулярно посещают китайские туристы (прим. авт.).

этого ему потребовалось десятилетие серьезных размышлений и поисков. Его вывод был однозначным - главной силой китайской революции является крестьянство, отсюда возникает лозунг - «деревня окружает народ». Конечно, такой подход не соответствовал догмам классического марксизма, где руководящей силой социалистической революции обязательно должен был быть рабочий класс, но он соответствовал реальным условиям конкретной социально-политической обстановки в Китае.

Так в 30-е гг. прошлого столетия происходит зарождение китаизированного марксизма (подробнее см.: [3]).

После образования КНР в 1949 г. руководство Компартии успешно осуществляет социалистические преобразования в городе и деревне, с помощью Советского Союза в стране строятся 156 промышленных предприятий - основа современной китайской промышленности. Но затем в 1957-1959 гг. в стране начинается забегание вперед - «большой скачок» и организация в деревне народных коммун. Возможно, это было сказано с неоправданным стремлением руководства КПК обойти Советский Союз по темпам социально-экономического развития. Как известно, на XXI съезде КПСС (1959 г.) Хрущев выдвигает лозунг - «Догнать и перегнать США», тогда же в Китае появляется лозунг - «Догнать и перегнать Англию», «десять лет упорного труда - десять тысяч лет счастья».

Конечно, подобные лозунги, не подкрепленные солидной экономической базой, были обречены на провал, что, собственно, и произошло. Ответственность за это, как впоследствии отмечал Дэн Сяопин, несут не только Мао Цзэдун, но и другие руководители партии, в т.ч. и он сам. Затем последовали 10 лет политического и экономического хаоса «культурной революции» (1966-1976), которая была развязана лично Мао Цзэдуном. Первоначальные оценки этого периода (правда, впоследствии смягченные) были достаточно резкими, как, например, что это была «диктатура насквозь прогнившего и мрачного фашизма с примесью феодализма» и т.п.

Мне несколько раз довелось побывать на родине Мао Цзэдуна - в г. Шаошане, посетить посвященный ему музей. Я не мог не обратить внимания, что деятельность Мао Цзэдуна в период «культурной революции» в нем фактически не освещается, она заканчивается 1966 годом, а затем рассказывается о его смерти и похоронах.

Заслуга в том, что Китай смог сохраниться в этот период как государство, безусловно, принадлежит премьеру Чжоу Эньлаю (1898-1976). Ошибки Мао Цзэдуна на посту высшего руководителя партии в современной китайской историографии квалифицируются как «ошибки великого революционера и великого марксиста», что вполне объяснимо, поскольку иная оценка его деятельности может поставить под сомнение легитимность политической власти КПК.

После смерти Мао Цзэдуна (1976 г.) китайское руководство вновь возвращается к идеям китаизированного марксизма. Теперь его продолжателем в новых исторических условиях выступает Дэн Сяопин (1904-1997) и другие ветераны Компартии. Китай вступает на путь политики реформ и открытости, которая продолжается до настоящего времени.

Как и в 1930-х гг., руководство КПК вновь выступает вразрез с догмами ортодоксального марксизма. Оно признает частную собственность законной формой собственности, допускает существование компаний, в т.ч. крупных, принадлежащих частному капиталу, реабилитирует рыночные отношения, расширяет социальные рамки членства в партии и т.д. Фактически теперь КПК претендует на роль общенародной партии, за что в 1960-1970-е гг. её руководители критиковали КПСС, обвиняя в ревизионизме. В то же время, если в 60-70-е гг. Компартию Китая в советской печати критиковали за мелкобуржуазный уклон, то в первой половине 1980-х гг. её стали критиковать за крен в сторону капитализма. Советские аналитики не смогли уловить кардинальных изменений в политике китайского руководства после 1976 г. Именно под их влиянием в докладе Ю.В.Андропова на июньском Пленуме ЦК КПСС 1983 г. появилась фраза о необходимости продолжения борьбы с маоизмом, хотя тогда он уже не был господствующей идеологией КПК.

Новая модель модернизационного развития объявляется в Китае «социализмом с китайской спецификой». Нельзя не признать, что она доказала свою жизнеспособность. Можно согласиться с мнением Дэн Сяопина, высказанным им в беседе с Горбачевым в мае 1989 г. По его словам, во время китайско-советского конфликта обеими сторонами было высказано много пустых слов; со времени смерти Маркса прошло более 100 лет, в мире произошли кардинальные изменения.

Дэн Сяопин прав. Цепляться за старые догмы, пережевывать старые истины означает поступать вопреки историческому прогрессу. Серьезнейший кризис международного коммунистического движения, который мы наблюдаем в настоящее время, объясняется именно тем, что его представители во многих странах, в т.ч. и в России, повторяют устаревшие марксистские догмы, которые уже не работают.

Изменился современный мир, изменилась социальная структура современных стран, изменилась роль различных промышленных отраслей, произошли изменения в расстановке мировых центров силы и т.д. Вот почему Си Цзиньпин в последнее время часто говорит о необходимости «создания современного марксизма». Можно в этой связи добавить, что, возможно, следует вернуться к аутентичному марксизму, мар-

ксизму Маркса, который был искажен его интерпретаторами. На этом настаивал недавно ушедший из жизни видный советский, российский философ Вадим Межуев (1933-2019)³, долгие годы работавший в Институте философии РАН.

ЮБИЛЕЙНАЯ РЕЧЬ СИ ЦЗИНЬПИНА

Речь Си Цзиньпина на площади Тяньаньмэнь была выдержана в торжественном духе, в ней он говорил о героическом пути, пройденном китайскими коммунистами, об успехах в строительстве нового китайского общества.

Компартии, действительно, есть чем гордиться. Под ее руководством бедная, отсталая, унижаемая страна превратилась во вторую экономическую державу мира, с которой теперь вынуждено считаться все мировое сообщество, без участия которой теперь не решается ни один серьезный вопрос международной политики. В своей речи Си Цзиньпин счел необходимым напомнить о том, что после опиумной войны 1840 г. Китай постепенно превратился в полуколониальную и полуфеодальную страну. Понадобилось 100 лет, чтобы Китай смог стать мощным, модернизированным социалистическим государством. Это произошло именно благодаря деятельности Компартии Китая, подчеркнул он.

Естественно поэтому, что речь Си Цзиньпина была, так или иначе, посвящена истории партии, её идеологии, роли партии в обществе, партийному строительству, моральным качествам коммунистов.

Говоря об истории партии, Си Цзиньпин счел необходимым, прежде всего, напомнить о заслугах революционеров старшего поколения - Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая, Чжу Дэ, Дэн Сяопина, Чэнь Юня, которые «внесли важный вклад в создание, укрепление и развитие Компартии Китая». Он также сказал о том, что «мы глубоко чтим память павших героев революции, отдавших жизни ради образования нового Китая, а также тех, кто посвятил себя делу реформ, открытости и социалистической модернизации». Естественно, что в юбилейной речи не было упоминания об ошибках, совершенных руководителями КПК, в т.ч. Мао Цзэдуном.

Идеологию партии Си Цзиньпин связал с продолжением китаизации марксизма, что предполагает его *осовременивание*, т.е. непрерывное обогащение в связи с изменениями, происходящими в современном мире. Лидер китайских коммунистов в своей речи повторил неоднократно используемый им тезис о необходимости *создания марксизма XXI века, т.е. современного марксизма*.

Пока что ответа на этот вопрос в работах китайских исследователей нет, хотя некоторые предположения высказать можно, основываясь на содержании выступлений Си Цзиньпина, в т.ч. и его юбилейной речи.

Современный марксизм, независимо от его географической локации, должен быть непременно связан с национальной культурой. Си Цзиньпин постоянно требует соединения, сочетания основных положений марксизма с «прекрасной традиционной китайской культурой», что отличает его от прежних руководителей КПК. Кроме того, он постоянно подчеркивает *методологическое значение марксистского учения*. Многие конкретные положения, выдвигавшиеся классиками, могут устаревать, но его сердцевина - материалистическое понимание истории - по-прежнему действенно. Наконец, не может потерять своего значения *творческий характер марксизма*.

Очень часто в зарубежных СМИ можно встретить критические высказывания в адрес существующего в Китае политического строя, обвинения в тоталитарном характере политического режима страны. Иногда отголоски подобных мнений можно увидеть в российском экспертном сообществе. Что можно сказать по этому поводу?

На мой взгляд, подобные утверждения основаны на незнании реальной истории Китая, конкретной социально-экономической и идейно-политической ситуации в современном китайском обществе, механическом наложении западных политических стандартов на культурно-национальные особенности китайского государства.

Следует, прежде всего, иметь в виду, что в Китае в течение многих столетий существовал феодальный строй, а в некоторых районах - патриархальный со своими специфическими условиями. Кроме того, необходимо иметь в виду громадную численность населения страны - 1 млрд 400 млн человек (!). Далее, помимо господствующей конфуцианской идеологии, в отдельных районах существовал ислам и буддизм, носителями которых являются некитайские нации - уйгурская, тибетская и монгольская, что накладывает свой отпечаток на их поведение. Наконец, нельзя забывать невысокий, низкий уровень социально-экономического развития страны к моменту прихода к власти коммунистов.

³ См. его работу «Маркс против марксизма» (2007). На китайский язык она, по вполне понятным причинам, переведена как «Мое философское мировоззрение». Уже после его ухода из жизни в Китае вышел перевод его книги о марксистском понимании культуры - «Идея культуры. Очерки по философии культуры» (2006) (прим. авт.).

В этих условиях поспешное осуществление в Китае западных стандартов демократии могло вызвать негативные последствия. Нелишне в этой связи вспомнить, к чему привела инспирируемая извне «арабская весна».

В первые годы после образования КНР китайские коммунисты зачастую пытались проводить свою политику насильственными методами, что вызывало недовольство местного населения, особенно в районах проживания национальных меньшинств. После 1978 г. управление Компартии обществом становится более соответствующим запросам и интересам граждан страны. Её можно назвать *мягким авторитаризмом*, если использовать современную политологическую терминологию, или «демократией с китайской спецификой», как принято в Китае (подробнее см.: [4]).

Но это модель мягкого авторитаризма, соответствующая конкретным условиям Китая: кроме Компартии, существует еще 8 других партий (по отношению к ним в Китае используется термин «демократические»). В своей речи Си Цзиньпин специально подчеркнул необходимость укрепления и развития единого фронта. По его словам, патриотический единый фронт - это важнейшее чудодейственное средство, которое помогает КПК в сплочении сынов и дочерей китайской нации в стране и за её пределами для осуществления великого возрождения китайской нации.

Помимо демократических партий, в стране действуют различные общественные организации, работает вертикаль системы собраний народных представителей, органы местного самоуправления и т.д. Цементируемой силой общества является Коммунистическая партия, насчитывающая в настоящее время в своих рядах 95 млн членов. Как бы ни относиться к этому феномену китайского политического режима, он, безусловно, обеспечивает успешное функционирование государственного организма, экономической системы. Это - объективный исторический факт, который нельзя отрицать. Можно в этой связи сослаться на негативный пример отмены 6-й статьи советской Конституции, гарантировавшей руководящую роль КПСС, которая была системообразующим фактором политической системы СССР. В условиях отсутствия необходимых экономических реформ это неизбежно привело к коллапсу в стране.

Конечно, существование в стране одной руководящей политической партии создает определенные возможности для концентрации у нее всей власти в стране, т.е. монополии на власть, и рождает условия для злоупотреблений со стороны её руководителей. Что, собственно, и случилось в Китае в последние годы жизни Мао Цзэдуна. Это обстоятельство, по-видимому, отчетливо сознают Си Цзиньпин и другие нынешние руководители КПК. В этом, на мой взгляд, заключается причина решительной борьбы с коррупцией, развернутой в стране после XVIII съезда партии в 2007 г. [5].

Несколько лет назад Си Цзиньпин ввел в политический лексикон термин «самореволюционизация партии». Именно эта особенность, подчеркнул в своей речи Си Цзиньпин, отличает её от всех других политических партий. «Мы все время придерживаемся принципов партийного самоконтроля и всестороннего устройства внутрипартийного управления и создали относительно совершенную систему внутрипартийных норм. Необходимо уничтожать все вирусы, оказывающие разлагающее влияние на её здоровый организм, не допускать её загнивания, изменение её цвета и стиля», - сказал он в своей речи.

В юбилейной речи Си Цзиньпин вновь повторил слова, которые он неоднократно использует в своих выступлениях и которые прочно вошли в лексикон китайской пропаганды - «во имя великого возрождения китайской нации Компартия Китая должна неизменно следовать своей изначальной цели и выполнять свою историческую миссию».

Речь в данном случае идет «о кровной связи Компартии с народом». «КПК всегда представляет коренные интересы самых широких слоев народа, разделяет с ним радость и печаль и живет с ним одной судьбой. У партии нет собственных особых интересов, она никогда не представляла интересы каких-нибудь групп по интересам, правящих кругов и привилегированных сословий. Любые попытки оторвать КПК от китайского народа и противопоставить их друг другу непременно будут обречены на провал», - подчеркнул он.

В последние годы руководство КПК обращает особое внимание на идейно-политическую работу. Это явно связано с распадом Советского Союза и исчезновением КПСС. В одном из своих выступлений Си Цзиньпин сказал следующее: «Почему распался Советский Союз? Почему потерпела крах Коммунистическая партия Советского Союза? Одна из главных причин заключается в том, что шла очень ожесточенная борьба в сфере идеологии, полностью отрицались история Советского Союза, история Компартии Советского Союза, отрицались Ленин, Сталин, проповедовался исторический нигилизм, царил идейный хаос, партийные организации не играли какой-либо роли, армия не находилась под руководством партии. Члены такой большой партии, как Коммунистическая партия Советского Союза, в панике разбежались, а такое большое социалистическое государство, как Советский Союз, развалилось» [6].

Достаточно сбалансированным был тот раздел юбилейной речи Си Цзиньпина, где он говорил об особых административных районах - Сянгане (Гонконге) и Аомыне (Макао) и об отношении к Тайваню. Си Цзиньпин подчеркнул приверженность КПК курсу «Одна страна - две системы», когда осуществляется вы-

сокая степень самоуправления: «Сянганом управляют сами сянганцы», а «Аомынем управляют сами аомыньцы». В то же время он отметил, что будет осуществляться полная юрисдикция Центра над обоими административными районами. Подтвердив приверженность КПК процессу мирного воссоединения Родины, Си Цзиньпин в то же время предупредил, что будут пресекаться любые попытки создания «независимого Тайваня». Ничего нового, по сравнению с прежними заявлениями относительно Сянгана и Тайваня, сказано не было.

Когда Си Цзиньпин переходит к рассмотрению международных отношений, он позиционирует Китай как страну, проводящую самостоятельную и независимую внешнюю политику. Китайская нация, сказал он, это нация, ценностями которой на протяжении всей её пятитысячелетней истории были концепты «мир, согласие и гармония», в крови китайской нации нет генов захватчиков и гегемонов. Китайский народ, продолжил он, «никогда не третировал, не угнетал и не поработал народы других стран, не делает так в настоящее время, не будет так делать и в будущем. В то же время китайский народ ни в коем случае не позволит никаким внешним силам третировать, угнетать и поработать себя. Тот, кто попытается это сделать, непременно потерпит полный провал перед стальной Великой стеной, возведенной из своей плоти китайским народом». Так мог говорить только руководитель государства, сильного в экономическом, политическом и военном отношениях.

Си Цзиньпин вновь напомнил о двух глобальных проектах международного развития, выдвинутых им в последние годы - инициативе «Один пояс и один путь» и концепции «построение единой судьбы человечества». Следует в этой связи заметить, что эти проекты, несмотря на противодействие со стороны различных государств Запада и Востока, находят поддержку не только среди развивающихся стран, но и в европейском регионе. Нельзя не отметить, что, в отличие от резких заявлений последнего времени официальных представителей Китая, речь Си Цзиньпина была выдержана в спокойном, я бы даже сказал, доброжелательном духе. Руководство Китая явно заинтересовано в нормальных межгосударственных отношениях со всеми странами Запада, в т.ч. и с США.

В заключение своей речи Си Цзиньпин специально обратился к молодежи, призвав её взять на себя ответственность за великое возрождение китайской нации. Такая концовка речи, возможно, объяснялась тем, что большинство участников собрания составляла молодежь, студенты пекинских вузов.

Если оценивать речь Си Цзиньпина в целом, следует сказать, что эта была не просто юбилейная речь. В ней больше говорилось не о прошлом, а о будущем. Касаясь той или иной конкретной проблемы, стоящей перед партией, Си Цзиньпин начинал рассматривать её следующими словами: «*Извлекая уроки из истории, открывая будущее, необходимо...*». Указывая далее способы решения любой проблемы он, чтобы придать им значимость, прибегает к нестандартному словосочетанию: «*В новом походе мы должны...*».

В речи лидера китайских коммунистов были поставлены задачи выполнения цели второго столетия - вхождение Китая к 2049 году (100-летней годовщине образования КНР) в число среднеразвитых стран мира. Первая цель - построение среднезажиточного, по китайским стандартам, общества и, соответственно, ликвидация абсолютной бедности к 2021 году (100-летней годовщине образования КПК) была успешно выполнена (подробнее см.: [7]).

В речи Си Цзиньпина по случаю столетнего юбилея Компартии были обрисованы перспективы внутренней и внешней политики Китая. Вот почему она вызвала широкий отклик во всем мире.

БУДУЩЕЕ СОЦИАЛИЗМА В КИТАЕ

Очевидно, что история социально-экономического развития КНР заслуживает серьёзного изучения. И не только с точки зрения опыта модернизации страны, но самое главное, на мой взгляд, состоит в том, что правящей политической партией Китая является Коммунистическая партия. Её идеологией является марксизм, притом китаизированный марксизм. И здесь возникает вопрос как о его содержании, так и о причинах его жизнеспособности, а также о том, является ли опыт китайской модернизации, т.е. социализм с китайской спецификой, универсальным или единичным явлением.

В свое время пропагандируемый советскими теоретиками концепция социалистической ориентации показала свою нежизнеспособность, она канула в небытие с исчезновением Советского Союза. Возникает вопрос о том, что такое вообще современный марксизм? В этом отношении теоретические поиски руководителей Компартии Китая заслуживают пристального внимания.

Согласно официальной историографии, Китай в настоящее время находится на *начальном этапе социализма, который может продлиться 100 и даже более лет*. Вполне возможно, что его окончание будет отнесено на конец XXI столетия.

В настоящее время в Китае существуют *три главные* социально-экономические проблемы - разрыв в уровне развития западных и восточных районов страны, различие между городом и деревней и имущественное расслоение. Последняя проблема, на мой взгляд, для страны, позиционирующей себя как социали-

стическая, является самой важной. Именно её наличие становится причиной существования в зарубежном и российском экспертном сообществе мнений о том, что в Китае строится капитализм. Отвечая на подобные утверждения, Си Цзиньпин в свое время сказал, что в Китае не существует каких-либо других «измов», кроме социализма с китайской спецификой.

В стране, как мы уже отмечали выше, решена проблема ликвидации бедности, но это не значит, что перестал существовать социальный слой с относительно низкими доходами; кроме того, в стране есть богатые и очень богатые люди, миллионеры и миллиардеры. На начальном этапе социализма их существование вполне объяснимо. Дэн Сяопин в свое время справедливо говорил о том, что невозможно сразу все население страны сделать зажиточным, одни люди достигнут этого уровня раньше, другие позже.

Но рано или поздно начальный этап социализма закончится и тогда неизбежно - во весь рост встанет проблема имущественного расслоения. Руководство КПК поступает правильно, не вынося данную проблему, которая станет актуальной позднее, на всеобщее обсуждение сейчас, ибо не следует провоцировать «болезнь красных глаз», т.е. разжигать зависть между людьми. Но оно «держит руку на пульсе». Когда один миллионер, член КПК попытался заняться финансовыми спекуляциями, ему указали на его место. И это не единичный случай, руководство Китая внимательно отслеживает ситуацию в предпринимательском сообществе. Известно, что на предприятиях, принадлежащих частному капиталу, существуют организации КПК. На одном симпозиуме в Китае я попытался узнать о том, существует ли эксплуатация на предприятиях, принадлежащих крупному капиталу, но ответа на свой вопрос не получил.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сейчас китайское руководство успешно решает задачи социально-экономического развития страны на начальном этапе социализма. Можно предположить, что когда этот этап закончится и страна перейдет в следующий этап построения социалистического общества, будет найден путь решения проблемы имущественного расслоения, *в любом случае - в развитом социализме значительного имущественного расслоения быть не может.*

Вместе с тем, несомненно, в будущем станет вопрос и о «самом высшем идеале и самой высшей цели партии - осуществление коммунизма», что зафиксировано в самом начале программной части Устава КПК, ибо XXI век по причине объективных факторов всё больше доказывает неосуществимость этой благородной мечты человечества. Или придётся давать этому понятию новую интерпретацию.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. People's Daily. July 2, 2021 (In Chin.)
2. Е. Фань. Кузница маршалов и революционеров. М., 2020. С. 54-58. ISBN 978-5-7777-0771-0
Ye Fan. 2020. Blacksmith of marshals and revolutionaries. Moscow. 272 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0771-0
3. Буров В.Г. Китаизированный марксизм - теоретическая основа деятельности Компартии Китая. *Азия и Африка сегодня*. 2019, № 12, С. 9-21. DOI: 10.31857/S032150750007091-2
Burov V.G. 2019. Sincized Marxism as the theoretical basis for the work of the Communist Party of China. *Aziya i Afrika segodnya*. 2019, №. 12 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750007091-2
4. Буров В.Г. Демократия с китайской спецификой. *Свободная мысль*. 2010, № 6. С. 159-174.
Burov V.G. 2010. *Free Thought*. № 6. Moscow. (In Russ.)
5. Буров В.Г. Борьба с коррупцией в Китае. *Азия и Африка сегодня*. 2017, № 6. С. 11-17.
Burov V.G. 2017. The fight against corruption in China. *Aziya i Afrika segodnya*. № 6 (In Russ.)
6. Xi Jinping. *Qiushi*. 2019. № 10. P. 10 (In Chin.)
7. Бони Л.Д. Ликвидация бедности в Китае (ч. 1 и 2). *Азия и Африка сегодня*. 2020, № 8 и 9. DOI: 10.31857/S032150750010444-0; 10.31857/S032150750010854-1
Boni L.D. 2020. China: elimination of poverty. *Aziya i Afrika segodnya*. № 8, 9 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750010444-0; 10.31857/S032150750010854-1

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Буров Владилен Георгиевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии РАН; советник Международной конфуцианской ассоциации (Пекин); член редакционного совета журнала «Изучение мирового социализма» (Пекин).

Vladilen G. Burov, Dr.Sc. (Philosophy), Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; Advisor, International Confucian Association (Beijing); member, Editorial Board, "Study of World Socialism" journal (Beijing).

Поступила в редакцию (Received)
25.07.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
10.08.2021

Принята к публикации (Accepted)
29.08.2021

Два контура: Китай определился с глобализацией

© Салицкий А.И.^a, Семенова Н.К.^b, 2021

^a ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0001-6134-768X; sal.55@mail.ru

^b Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0001-7872-8972; semenovanelli-2011@mail.ru

Резюме. Китай поставил достижение технологической независимости своим главным приоритетом на долгие годы. Китай превратил «кризис в возможность» своим ответом на торговую войну США. Промышленные возможности Китая были в полной мере подтверждены во время борьбы с эпидемией COVID-19. Появление и принятие на вооружение в Китае концепта «два контура» сводится к преимущественной опоре на внутренний контур, по сравнению с внешним.

Прежняя стратегия ориентировалась на внешние рынки и внешние ресурсы и помогла Китаю стать «мировой фабрикой». Но времена и Китай изменились: у внутреннего рынка страны огромный потенциал, а за рубежами распространились тенденции к деглобализации. Экономическая активность КНР развернулась в сторону внутреннего рынка и внутренних регионов страны. Государство выступило в защиту рынка - против крупного международного монополиста, не важно, своего или чужого. Это вызов и противовес вялой экономической динамике в промышленных центрах Запада, вызванной монополизацией внутренних рынков крупными и сверхкрупными транснационалами, которые подмяли под себя правительства, другие ветви власти, многие международные и неправительственные организации, сузив и эксплуатируя рыночное пространство.

«Два контура», как и «опора на собственные силы», в Китае имеют выраженную социалистическую направленность. Страна стремится к дальнейшему укреплению своего растущего технологического мастерства. Китай оказывает на мир все большее воздействие и при этом все меньше от него зависит.

Ключевые слова: Китай, деглобализация, «два контура», «опора на собственные силы», технологическая независимость

Для цитирования: Салицкий А.И., Семенова Н.К. Два контура: Китай определился с глобализацией. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 9. С. 14-22. DOI: 10.31857/S032150750016587-7

Two circuits: China defined with globalization

© Alexander I. Salitsky^a, Nelli K. Semenova^b, 2021

^a IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0001-6134-768X; sal.55@mail.ru

^b Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0001-7872-8972; semenovanelli-2011@mail.ru

Abstract. China has made achieving technological independence its top priority for years to come. China has turned a "crisis into an opportunity" in its response to the US trade war. China's industrial capabilities have been fully confirmed during the fight against the COVID-19 epidemic.

The emergence and adoption in China of the concept of "two circuits" (dual-circulation) means the predominant reliance on the internal circuit compared to the external. The old strategy focused on external markets and external resources helped China to become a "global factory". But times and China have changed: the domestic market of the country has huge potential, and tendencies towards de-globalization have spread abroad. The economic activity of the PRC turned towards the internal market and internal regions of the country.

The state came out in defense of the market - against large international monopolists, no matter domestic or foreign. This posture opposes the sluggish economic dynamics in the industrial centers of the West caused by the monopolization of domestic markets by large and super-large transnationals, who overwhelmed governments, other branches of state power, many international and non-governmental organizations by narrowing and exploiting the market space.

"Two circuits", as well as "self-reliance" in China, have a pronounced socialist orientation. The escalating US campaign for technological pressure on China is backfiring. The country is committed to further strengthening its growing technological prowess. China has thrown a strong challenge to Western domination, which has more than just an economic dimension. China has an increasing impact on the world and - less dependent on it.

Keywords: China, de-globalization, «two circuits», «self-reliance», technological independence

For citation: Salitsky A.I., Semenova N.K. Two circuits: China defined with globalization. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 9. Pp. 14-22. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750016587-7

ВВЕДЕНИЕ

Это может показаться банальным, но «длинный» 2020 год стал переломным, историческим, вихревым и, не побоимся слова, «эпохальным». С невероятной силой он, с одной стороны, вскрыл копившиеся десятилетиями проблемы, обозначил колоссальные перемены в жизни миллиардов людей, разбудил дремавшие сейсмические силы. Всё внутреннее пришло в движение и в, казалось бы, парализованном карантинами мире пробуждаются какие-то еще неведомые источники энергии и исторического действия. На глазах, с другой стороны, картины смерти, стремительного увядания, разрушения и распада того, что еще недавно выглядело относительно надежным, живым и работающим. С третьей стороны, началась невиданная реконструкция, лихорадочный поиск в ушедших временах точек опоры для возобновления и воспроизводства, выхода из застоя и прорыва в будущее.

Ниже предлагается попытка как-то инвентаризировать описанные процессы на базе традиционной для нашего востоковедения оппозиции «Запад - Восток» при концентрации внимания на Китае, его экономике, политике и международных отношениях.

НА ЗАПАДЕ

В конце лета минувшего года увидела свет небольшая монография четырех авторов - «Китай и США: глобализация и закат американского господства» [2]. Авторы книги - сотрудники Университета Восточного Лондона (UEL)¹: профессор Василис К.Фускас - руководитель исследовательских программ в сфере бизнеса и права; д-р Шампа Рой-Мукерджи директор по вопросам воздействия и инноваций (DII) и старший преподаватель экономики Королевской школы бизнеса и права (RDSBL UEL); д-р Цинань Хуан - старший преподаватель стратегического менеджмента в Королевской школе бизнеса и права; д-р Эджике Удэогу - директор программы MBA в UEL.

Авторы относят себя к участникам дискуссий, идущих среди левого крыла ученых в Великобритании и мире. Немалая часть их работы посвящена критическому рассмотрению истории, теории и практики неолиберализма, а также политики неолиберальной глобализации, проводимой основными акторами евроатлантического мира во главе с США.

Работа, написанная в обстановке ковидного кризиса и столь же острого противостояния США и Китая, получилась очень насыщенной и внутренне напряженной - в полной мере передавая атмосферу непростого 2020 года. Во многом позиция авторского коллектива отражает уже достаточно давно распространенные в российской научной литературе точки зрения, критические в отношении проводимой в нашей стране экономической политики и объясняющие ее *зависимым от Запада положением*. Подтверждение многих их оценок в совместном проекте университетов Лондона и Гуанчжоу можно назвать весьма своевременным.

На наш взгляд, во-первых, авторы справедливо объясняют закат господства США кризисом проекта неолиберального финансового управления, берущего начало в 1970-х гг. Он к настоящему времени вызвал в бывших империях, в странах ядра «коллективного Запада» неприемлемый уровень уязвимости (в т.ч. проблему долгов) из-за эрозии реального сектора и падения производительности труда. Причина же успеха Китая, по мнению авторов монографии, в его четкой ориентации на экономическое развитие, которое, в свою очередь, стало результатом использования с 1980-х гг. экспансии внешнего капитала и самостоятельности в деле успешного приспособления к своим интересам американского глобального проекта и частного предпринимательства, сначала зарубежных китайцев, а затем и своего.

Во-вторых, согласиться с авторами можно, непременно добавив, что в отечественном китаеведении трудами А.Н.Анисимова, О.Н.Борох, А.В.Виноградова, В.В.Карлусова, Д.Б.Калашникова, Л.И.Кондрашовой, А.В.Ломанова, А.В.Меликсетова, Л.В.Новоселовой, А.В.Островского, Э.П.Пивоваровой, В.Я.Портякова, М.А.Потапова, Е.Н.Самбуровой, Г.Д.Сухарчука, В.И.Фисюкова вскрыты многие важные аспекты экономического подъема Поднебесной, включая такие фундаментальные проблемы, как механизм модернизации, взаимодействие государства и рынка, финансового и реального сектора, стратегических и тактических целей в экономической теории и практике.

Триумф неолиберализма и финансовой глобализации пришелся на 1990-2007 гг. В этот период гипертрофированное развитие финансовой сферы и успехи в политическом и экономическом контроле над периферией отодвинули на задний план промышленный капитал и реальный сектор в самих странах «ядра». Доля обрабатывающей промышленности в Великобритании и США снизилась до, соответственно, 9 и 11% ВВП, лишь в Германии и Японии на долю этого сектора приходилось чуть более 20%.

¹ University of East London. Staff resources. <https://www.uel.ac.uk/staff-overview> (accessed 06.07.2021)

Наращение долгов в странах развитого Запада продолжилось после кризиса 2008-2009 гг. К концу 2019 г. на них приходилось более 75% мирового долга, в отличие от периода 1970-1980-х гг., когда долги, в основном, были уделом стран Юга.

Добавим, что триумф и последовавший за ним прогрессирующий упадок неолиберализма характеризовались также ростом эксплуатации трудящихся, усилением неравенства и обострением социальных проблем в странах Запада. Лишившись в лице советского блока важного внешнего ресурса, профсоюзы, а также приходившие к власти социал-демократы в Германии, социалисты во Франции и лейбористы в Британии стали сателлитами неолиберализма и несут немалую долю ответственности за утверждение этого курса в европейской политике и его последствия. Упадок Запада, таким образом, вызван еще и беспринципным консенсусом между правыми и левыми - при отсутствии модели дальнейшего движения.

Понятно, что причин кризиса западной модели гораздо больше, и лежат они не только в экономической плоскости, но и в политике, культуре, образовании. В политике, например, чрезмерно частые смены правительств и сложные баталии между ветвями власти вряд ли могут быть признаны оптимальными для серьезной корректировки национальных стратегических целей и даже осознания этой необходимости. Подробно останавливаться на этом не будем, в нашей стране и за рубежом написано по этому поводу немало.

НА ВОСТОКЕ

После выдвижения Китая на мировую авансцену на стыке столетий эта страна не стала частью американской системы глобального финансового управления, наложившего институциональные и иные ограничения на общества развитых стран, включая Японию и Австралию. Сказалась *цельность политической системы Китая*. К очень важной причине устойчивости Китая В.Фускас [2] и его соавторы отнесли бдительность Центрального банка страны, ограничивающего движение финансового капитала.

Всепроницающее государство способно вовлекать крупный бизнес, в т.ч. частный и зарубежный, в решение национальных стратегических задач, будь то развитие отсталых регионов страны, освоение зарубежных источников топлива и сырья или экологические и технологические планы. В.Фускас и коллеги отвергают представление о том, что Китай при этом остается лишь «службой Америки», считая, возможно не бесспорно, что его подъем разрушает интегрированность Атлантического блока и лидерство в нем США [2, р. 47].

При подробном рассмотрении компонентов китайского экономического вызова Западу, который отнюдь не исчерпывается достижениями в глобальной промышленной конкуренции, внимание авторов привлекают высокие международные рейтинги госбанков Китая, а также тот факт, что показатели эффективности их западных конкурентов часто завышены из-за низких налогов. В списке Форбса, напоминают авторы, в 2019 г. было 575 компаний США и 309 из Китая (включая Гонконг), а в 2003 г. это соотношение составляло 776 к 43 [2].

В поддержку этому взгляду стоит добавить непрерывное облагораживание структуры китайского экспорта за счет высокотехнологичной и наукоемкой продукции, почти монопольное положение КНР на рынке редкоземельных элементов, имеющих особую ценность для ряда современных производств, а также программу «Сделано Китаем 2025», ориентированную на укрепление технологической независимости. Нам, кстати, как-то встретилось такое ее написание - 中国智造 (чжунго чжицао), т.е. «сделано китайским интеллектом» (игра омонимом «чжи», который может означать «сделать» - 制 и «интеллект» - 智).

Согласимся с зарубежными коллегами и в том, что после кризиса 2008-2009 гг. происходит кардинальный сдвиг в модели развития КНР (правда, не сразу, решающим был III Пленум ЦК КПК 18-го созыва в 2013 г.). На место ориентированному на экспорт и инвестициям в инфраструктуру росту приходит развитие с опорой на внутренний спрос. Тем не менее, на фоне статистических данных о стагнации трудовых доходов в западных странах в течение всего минувшего десятилетия контрастно быстро увеличивалась заработная плата в Китае, не отстает от нее и производительность труда, возростающая в 2010-е гг., в среднем, на 7-8% в год против 1%-ного роста в США. Исключительно актуальной оказалась инициированная в КНР в 2009 г. программа выравнивания доступа к базовым медицинским услугам [2, pp. 58-61].

Наконец, еще одно важное наблюдение В.Фускаса и его коллег. Эффективность мер противостояния распространению *COVID-19* в 2020 г. в Китае, а также во Вьетнаме и на Кубе, они относят на счет устройства их общественного здравоохранения, внимания государства к профилактике заболеваний и т.п. На Западе же, по их мнению, потерпело поражение неолиберальное понимание медицины как частной и платной услуги, а не общественного блага [2, pp. 67-71].

Говоря шире, можно сказать, что Китай бросил уверенный вызов западному доминированию, в котором есть не только экономическая составляющая. Более того, речь идет о новом качестве глобального противостояния: Пекином предложена привлекательная альтернативная модель развития, обеспеченная, вдобавок, таким уровнем обороноспособности, который способен нивелировать американское военное превосходство.

ДВА КОНТУРА

Перенесемся теперь в конец 2020 года. На фоне драматичного политического кризиса в США произошло несколько знаковых событий в экономической, политической и идеологической жизни КНР. К одному из таких событий можно отнести появление и принятие на вооружение в Китае концепта 双循环 (шуан сюньхуань). Это сочетание, на наш взгляд, лучше перевести как «два контура» (в СМИ встречается «два обращения») - по смыслу, который вкладывается в слово «контур» в выражениях типа «воспроизводственный контур», «электрический контур» и т.д.

Выражение «два контура» было впервые использовано Си Цзиньпином на майском заседании Политбюро ЦК КПК в 2020 г.² и в дальнейшем у него появились слова-спутники: «идея», «концепция», «модель развития». В решениях V Пленума ЦК КПК 19-го созыва в октябре 2020 г. и, в частности, в пояснениях Си Цзиньпина к рекомендациям ЦК относительно плана на 14-ю пятилетку (2021-2025) объясняется суть этого построения.

Оно сводится к *преимущественной опоре на внутренний контур*, по сравнению с внешним. Такая стратегия, как отмечается в пояснении, отличается от той, что проводилась после вступления КНР в ВТО (2001 г.), ориентировалась на внешние рынки и внешние ресурсы и помогла Китаю стать «мировой фабрикой». Но времена и Китай изменились: у внутреннего рынка страны огромный потенциал, а за рубежами распространились тенденции к деглобализации и протекционизму³.

Справедливости ради, надо сказать, что это решение было принято под давлением целого спектра факторов, среди которых - развернутая США, начиная с середины 2018 г., мощная кампания по сдерживанию распространения китайского экономического влияния за его пределами и, прежде всего, в странах Запада, по противодействию внедрения китайских инновационных разработок (сети 5-го поколения и пр.), по торпедированию инициативы «Один пояс, один путь».

У концепции «двух контуров», вошедшей теперь в программные документы, принятые мартовской сессией Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 2021 г., немало исторических предшественников. Можно вспомнить идею «западное - на службу Китаю» конца XIX в., работы Сунь Ятсена и Чан Кайши, ну и, конечно же, «опору на собственные силы» Мао Цзэдуна. В годы реформ и открытости «опора на собственные силы» всегда, так или иначе, присутствовала в программных формулировках как «сравнительно целостная промышленная система», локализация (国产化 - гочаньхуа). Года три назад появилось слово 国货 (гохуо), обозначающее престижные высококачественные товары местного производства, известные и дорогие китайские бренды.

В связи с выдвиганием концепта «двух контуров» вспоминается один из документов китайских реформаторов, увидевший свет в октябре 1984 г. Тогда, в рамках политики открытости, была поставлена задача «с помощью международных экономических связей укреплять хозяйственные связи между отдельными районами страны»⁴. По мере развития глобализации и все более активного участия в ней Китая эта цель казалась не очень реалистичной: шла концентрация внешнеэкономической активности в свободных экономических зонах (СЭЗ) и приморских городах. Вплоть до глобального финансового кризиса 2008-2009 гг. эти анклавы все плотнее привязывались к мировой экономике.

Теперь же давнишняя стратегическая цель начинает воплощаться в жизнь: во втором десятилетии XXI в. регионы Китая гораздо теснее взаимодействуют друг с другом, а СЭЗ, приморские города и зарубежные промышленники развернулись в сторону внутреннего рынка и внутренних регионов страны, где один за другим раскрывали свой потенциал провинциальные промышленные центры.

Это отражается и в статистике: за последние 13 лет отношение экспорта Китая к его ВВП снизилось с 36 до 17%, а доля иностранных инвестиций в ВВП сократилась втрое - до 1%. Общий объем импорта и экспорта товаров в 2020 г. достиг 32 155,7 млрд юаней (около \$600 млрд) - что на 1,9% больше, чем в предыдущем году. Из этой суммы экспортировано товаров на сумму 17 932,6 млрд юаней, увеличившись на 4%. Стоимость импортированных товаров снизилась на 0,7% и составила 14 223,1 млрд юаней. Положительное saldo торговли товарами достигло 3709,6 млрд юаней, что на 797,6 млрд больше, чем в предыдущем году⁵.

² The Standing Committee of the Political Bureau of the CPC Central Committee held a meeting chaired by Xi Jinping (In Chin.). *Xinhuanet*. 14.05.2020. http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2020-05/14/c_1125986000.htm (accessed 12.03.2021)

³ Xi Jinping: Explanation of the "Recommendations of the Central Committee of the Communist Party of China on Formulating the Fourteenth Five-Year Plan for National Economic and Social Development and Long-Term Goals for 2035" (In Chin.). http://www.cac.gov.cn/2020-11/03/c_1605968953165481.htm (accessed 12.03.2021)

⁴ The Third Plenary Session of the 12th Central Committee of the Communist Party of China adopted the "Decision of the Central Committee of the Communist Party of China on Economic System Reform". 20.10.1984. (In Chin.). <http://www.reformdata.org/records/1984.shtml> (accessed 12.03.2021)

⁵ Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2020 National Economic and Social Development. National Bureau of Statistics of China. 28.02.2021. http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202102/t20210228_1814177.html (accessed 12.03.2021)

Таблица 1. **Общая стоимость и темпы роста импорта и экспорта товаров в 2020 г.**
(данные не включают САР Гонконг, САР Макао и провинцию Тайвань)
Table 1. **Total value and growth rate of imports and exports of goods in 2020**
(data excludes Hong Kong SAR, Macau SAR and Taiwan Province)

	Стоимость (млрд юаней)	Изменение в % к 2019 г.
Общая стоимость импорта и экспорта товаров	32155.7	1.9
Экспорт	1732.6	4.0
В т.ч.: общая торговля	10646.0	6.9
Торговля с зарубежной переработкой	4858.9	-4.2
В т.ч.: механические и электронные изделия.	10660.8	6.0
Продукты высоких и новых технологий	5369.2	6.5
Импорт	14223.1	-0.7
В т.ч.: общая торговля	8604.8	-0.7
Торговля с зарубежной переработкой	2785.3	-3.2
В т.ч.: механические и электронные изделия.	6562.5	4.8
Продукты высоких и новых технологий	4716.0	7.2
Положительное сальдо торгового баланса	3709.6	

Составлено по: Национальное бюро статистики КНР.

Существенно уменьшилась также доля во внешней торговле продукции, произведенной с использованием импортных компонентов (см. табл. 1), и при этом в цене самой этой продукции значительно возрос удельный вес вклада китайской индустрии. Перед нами действительно экономическая сверхдержава, центр притяжения. Она оказывает на мир все большее воздействие и при этом - все меньше от него зависит.

О ТЕХНОЛОГИЯХ И МОНОПОЛИЯХ

Еще одним крупным событием в экономической и политической жизни Китая последних месяцев был отказ регулятора разрешить первичное размещение акций *Ant Group* - дочерней структуры всемирно известного холдинга *Alibaba*. Многие комментаторы усмотрели в нем зажим свободы предпринимательства, рынка и т.д. В действительности же дело (помимо финансовых тонкостей, заслуживающих отдельного рассмотрения), на наш взгляд, обстоит противоположным образом: государство выступило в защиту рынка - против крупного международного монополиста, не важно, своего или чужого.

Ведь в этом одна из причин нынешнего упадка Запада, там крупные и сверхкрупные транснационалы, действуя стратегично, последовательно и не очень заметно, подмяли под себя правительства, другие ветви власти, многие международные и неправительственные организации, сузив и эксплуатируя рыночное пространство. Вялая экономическая динамика в старых промышленных центрах мира в значительной мере вызвана монополизацией их внутренних рынков [3; 4]. Пекин же играет по писаным законам, тщательно их разрабатывает и дорабатывает.

Так, на упомянутой выше сессии ВСНП принято решение о доработке антимонопольного законодательства, в особенности в сфере цифровой экономики. Мы, конечно, не против укрупнения операций в отдельных отраслях, где это может быть выгодно всем, но государственный и общественный контроль в этой сфере обязательны.

Вся недавняя история поддержки и восстановления экономики Китая после шока в связи с пандемией *COVID-19* свидетельствует об очевидной реальной, а не декларативной ориентации Пекина на поддержку малого и среднего предпринимательства, его защиту от монополизма (характерно снижение тарифов на электроэнергию и Интернет), инкорпорирование в социализм - с неизменной китайской спецификой.

«Два контура» в современном Китае имеют выраженную социалистическую направленность, активную перераспределительную политику, подразумевают «некоммерческий характер образования и развивающее образование»⁶ для «большого числа талантов, которые могут внести свой вклад в качественное разви-

⁶ Xi Focus: Xi demands building quality, balanced basic public education service system. *Xinhuanet*. 06.03.2021. http://www.xinhuanet.com/english/2021-03/06/c_139789921.htm (accessed 12.03.2021)

тие страны и высокий уровень самообеспеченности»⁷. Страна стремится к дальнейшему укреплению своего растущего технологического мастерства в противовес навязываемой США «жестоким гонимым технологиям»⁸.

Усиливающаяся кампания по технологическому давлению на КНР, начатая США, имеет обратный эффект. С одной стороны, тают надежды на сотрудничество двух тяжеловесов, которое могло бы дать эффект для всех жителей планеты. Во-вторых, активные сдерживающие действия только ускоряют решимость Китая на пути к технологическим прорывам, формируют базу массового движения рационализаторов и новаторов, разворачивают новый виток промышленной революции, включающий «отрасли будущего»: искусственный интеллект, новые материалы, квантовые вычисления⁹, промышленный интернет¹⁰, интегральные схемы, науки о жизни, космосе, Земле и океане¹¹.

Китай будет укреплять научные исследования и стратегическое планирование в области коммуникаций 6-го поколения, фотонных устройств следующего поколения, синтеза мозга и компьютера, водородной энергии, стволовых клеток и регенеративной медицины, синтетической биологии и новой морской экономики, чтобы создать прочный фундамент для будущего инновационного промышленного развития. Планируется расширение преимуществ в развитии транспортных средств на новой энергии¹² и интеллектуальных транспортных средств. Уже введены в эксплуатацию полностью автоматизированные морские порты¹³, беспилотные карьерные самосвалы¹⁴. К 2024 г. китайский автопроизводитель *Zhejiang Geely Holding Group* планирует вывести на китайский рынок первый летающий автомобиль¹⁵.

Впрочем, это детали. Главное в повестке дня мартовских 2021 г. сессий ВСНП и Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК) - то, что Китай поставил достижение технологической независимости своим главным и системным приоритетом на долгие годы^{16,17}. Китай превращает кризис в возможность своим ответом на технологическую войну, объявленную ему США¹⁸. Гибкие промышленные возможности Китая были в полной мере подтверждены во время борьбы с эпидемией, хотя обозначились «определенные недостатки и слабые места». Китай теперь быстро продвигается к благоприятному выявлению потенциальных слабых мест в десятках технологических секторов и оперативной работе в областях, подверженных внешним рискам.

О КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Сомневаться в конкурентоспособности китайских начинаний не приходится. Они опираются на мощный и разветвленный промышленный комплекс, которому уже нет равных в мире. Это хорошо показывает исключительно высокая динамика экспорта в конце 2020 г. и особенно в начале 2021 г. (см. табл. 2, 3, 4).

Понятно, что есть «эффект низкой базы» - в январе-феврале 2021 г. экспорт КНР сократился на 17.2% (для восстановления до уровня 2019 г. был нужен прирост около 20%), но цифра прироста в 60.6% (см. табл. 2) не может не изумить.

⁷ The fourth session of the 13th National People's Congress held its closing meeting, Xi Jinping, party and state leaders attended. 15.03.2021. (In Chin.). <http://www.scio.gov.cn/index.htm> (accessed 12.03.2021)

⁸ China aims for tech independence amid looming cut-throat race with US. *Global Times*. 01.03.2021. <https://www.globaltimes.cn/page/202103/1216926.shtml> (accessed 02.03.2021)

⁹ China's first homegrown quantum computer OS was unveiled in Hefei on Monday. *Globaltimes*. 12.02.2021. <https://www.globaltimes.cn/page/202102/1215336.shtml> (accessed 05.03.2021)

¹⁰ China to build 30 'fully connected' 5G factories by 2023. *China Daily*, 24.01.2021. <http://www.chinadaily.com.cn/a/202101/24/WS600cae3da31024ad0baa4a21.html> (accessed 02.03.2021)

¹¹ China's first hybrid rocket to make 2021 maiden flight. *China News*. 27.01.2021. <http://www.ecns.cn/news/2021-01-27/detail-ihafywhr7620186.shtml> (accessed 05.03.2021)

¹² China rolled out its first self-developed hydrogen fuel cell hybrid locomotive. *Xinhuanet*. 27.01.2021. http://www.xinhuanet.com/english/2021-01/27/c_139701205.htm (accessed 07.03.2021)

¹³ Shanghai Yangshan Port Phase IV: The world's largest automated container terminal. 11.12.2017. (In Chin). <https://www.jiemian.com/article/1807938.html> (accessed 04.03.2021)

¹⁴ China speeds up planning future industries for high-quality growth. *China News*. 22.02.2021. <http://www.ecns.cn/news/economy/2021-02-22/detail-ihahvyux8632784.shtml> (accessed 02.03.2021)

¹⁵ Geely to bring flying car to China in around 2024 in partnership with Volocopter. *Global Times*. 12.03.2021. <https://www.globaltimes.cn/page/202103/1216861.shtml> (accessed 02.03.2021)

¹⁶ The fourth session of the 13th National People's Congress held its closing meeting, Xi Jinping, party and state leaders attended. 15.03.2021. (In Chin.). <http://www.scio.gov.cn/index.htm> (accessed 12.03.2021)

¹⁷ Statistical Communiqué of the PRC on the 2020 National Economic and Social Development. National Bureau of Statistics of China. 28.02.2021. http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202102/t20210228_1814177.html (accessed 12.03.2021)

¹⁸ China can turn US trade war 'crisis into an opportunity', says top leadership, as Donald Trump tweets complaint. *South China Morning Post*. 30.07.2019. <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3020694/china-can-turn-us-trade-war-crisis-opportunity-says-top> (accessed 12.03.2021)

Таблица 2. Торговля КНР с основными партнерами в январе-феврале 2021 г.
Table 2. China's trade with major partners in January-February 2021

	Экспорт (\$млрд)	Импорт (\$млрд)	Прирост экспорта в % к 2020 г.	Прирост импорта в % к 2020 г.
Всего	469	366	60.6	22.2
Россия	9	10	48	-13
ЕС (27)	74	46	62	33
- Германия	16	18	71	31
- Нидерланды	15	2	69	37
- Франция	7	5	56	32
- Италия	6	4	54	63
США	81	29	87	66
АСЕАН	67	53	53	30
- Вьетнам	20	14	78	53
- Малайзия	10	13	54	20
- Таиланд	10	8	59	31
- Сингапур	8	5	12	9
- Индонезия	8	8	54	30
- Филиппины	8	3	46	22
Япония	25	28	48	27
Гонконг	45	1	57	-7
Южная Корея	20	29	49	23
Тайвань	11	33	45	41
Австралия	10	21	68	8
Индия	14	4	48	50
Великобритания	12	4	84	12
Канада	7	4	84	29
Новая Зеландия	1	3	89	6
Латинская Америка	31	29	69	10
- Бразилия	8	13	62	4
Африка	21	13	51	4
- ЮАР	3	4	57	18

Составлено по: ГТУ КНР. customs.gov.cn (данные округлены).

Таблица 3. Основные товары китайского экспорта в январе-феврале 2021 г.
Table 3. China's main exports in January-February 2021

Наименование товара	Суммарно с января по февраль 2021 г.		Суммарно с января по февраль 2020 г.		Изменение в % к 2020 г	
	Физический объем	Стоимость (\$млрд)	Физический объем	Стоимость (\$млрд)	Физический объем	Стоимость
Продукция водных промыслов, тыс. т	543	2 916	484	2 360	12	24
Удобрения, млн т	3.5	851	2.7	554	31	53
Пластмассовые изделия	-	13 966	-	7 654	-	83
Текстильные изделия	-	22 134	-	13 762	-	61
Одежда	-	24 054	-	16 034	-	50
Обувь, млн пар	1526	7 543	1252	5 679	22	33
Бытовая техника, млн шт.	596	14 611	353	7 542	69	94
Алюминий и изделия, тыс. т	842	2 564	669	1 846	26	39

Наименование товара	Суммарно с января по февраль 2021 г.		Суммарно с января по февраль 2020 г.		Изменение в % к 2020 г	
	Физический объем	Стоимость (\$млрд)	Физический объем	Стоимость (\$млрд)	Физический объем	Стоимость
Механическое оборудование	-	7 801	-	5 214	-	50
Смартфоны, млн шт.	162	22 944	122	14 398	33	59
Аудио и видеотехника	-	6 139	-	3 943	-	56
Микросхемы, млрд шт.	468	19 771	318	15 118	47	31
Компьютеры и периферия	-	35 891	-	19 935	-	80
Автомобили, тыс. шт.	281	4 172	152	2 017	85	107
Автозапчасти	-	11 857	-	7 786	-	52
Суда, шт.	664	3 378	571	2 724	16	24
Дисплеи, млн шт.	216	3 809	162	2 627	33	45
Мебель	-	11 017	-	6 065	-	82
Светильники	-	7 820	-	3 520	-	122
Игрушки	-	5 020	-	2550	-	97
Медицинские приборы	-	2 804	-	1 560	-	75

Составлено по: ГТУ КНР. customs.gov.cn (данные округлены).

Таблица 4. **Основные товары китайского импорта в январе-феврале 2021 г.**
Table 4. **Main Chinese imports in January-February 2021**

Наименование товара	Суммарно с января по февраль 2021 г.		Суммарно с января по февраль 2020 г.		Изменение в % к 2020 г	
	Физический объем	Стоимость (\$млрд)	Физический объем	Стоимость (\$млрд)	Физический объем	Стоимость
Мясопродукты, млн т	1.6	5 105	1.3	4 638	28	10
Соевые бобы, млн т	1.34	6 274	1.3	5 475	-0,8	15
Растительное масло пищевое, млн т	2	1850	1.4	1 028	48	80
Железная руда, млн т	182	26 224	177	16 296,6	3	60
Медная руда, млн т	3.79	7 529	3.76	5 612	0.9	34
Уголь и лигнит, млн т	41	2 618	68	5 010	-40	-48
Нефть, млн т	89.57	33 962	86.08	42 236	4	-20
Нефтепродукты, млн т	4	2 045	5	2 901	-19	-30
Природный газ, млн т	21	7 312	18	7 041	17	4
Лекарства, тыс. т	34	6129	28	5 043	22	22
Удобрения, млн т	1.67	419	1.79	552	-7	-24
Косметика, тыс. т	59	3 369	53	2 070	11	63
Пластмассы, млн т	5.61	8 761	5.19	6 977	8	26
Каучук, млн т	1.08	1 808	1.06	1 596	2	13
Сталь, млн т	2.40	2 624	2.04	2 076	17	26
Медь, тыс. т	884	7 153	845	5 384	5	33
Микросхемы, млрд шт.	964	57 727	709	42 998	36	34
Автомобили, тыс. шт.	160	8 439	137	6 781	18	24
Автозапчасти	-	6 712	-	4542	-	48
Дисплеи, млн шт.	275	3 297	226	2 534	22	30

Источник: ГТУ КНР. customs.gov.cn (данные округлены).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Китай определился с глобализацией и во многом определяет ее будущие контуры. Изолировать его невозможно. Чинить ему препятствия - не в интересах мировой экономики. Интересно, что в конце 2019 г. к прекращению торговой войны против Китая и реиндустриализации США призывал советник Дж.Байдена по экономическим вопросам [1]. Не исключено, что здравый смысл со временем возьмет верх. Что в истории бывает не всегда.

Пока же международная обстановка остается крайне напряженной: продолжается пандемия и усиленный ею глобальный экономический кризис, фрагментируется мировое хозяйственное пространство, обостряется конкурентная борьба за рынки и технологии. Направленная на сдерживание России и Китая стратегия США ведет к эскалации информационной войны, антироссийской и антикитайской истерии в СМИ.

На пресс-конференции министра иностранных дел КНР в ходе сессии ВСНП было заявлено о том, что Россия и Китай служат опорой друг для друга.

Это действительно так, но наша зависимость от Запада остается высокой. Ее нужно снижать, создавая и расширяя шаг за шагом собственный внутренний контур, включающий, естественно, и плотные связи с партнерами по ЕАЭС. Это задача не на один год, и даже не на один президентский срок. Но она, по крайней мере (в отличие от роста товарооборота), похожа на *стратегическую*. В ее решении нам вполне реально может помочь Китай - у него такой опыт есть. И в нашей независимости (в т.ч. экономической) на долгие времена он тоже заинтересован. Остается провозгласить лозунг - 靠中国 (опираясь на Китай, строить государство) и подумать о структуре и субъектах этого проекта. Китаисты тут много дельного могут предложить.

И последнее.

Китай на Западе часто обвиняют в воровстве (особенно технологий и умов). Отчасти это верно, но это - детали. У нас на глазах Китай совершает два «ограбления века». Он, во-первых, похищает западные ТНК (локализуя их в своей экономике). А во-вторых, как это ни парадоксально, Китай «крадет» еще и *экономический либерализм*, инкорпорируя его в социалистическую рыночную экономику.

REFERENCES

1. Bernstein J. Trump's China Trade War is failing. Democrats should campaign against it. <https://www.nytimes.com/2019/12/11/opinion/trump-china-trade.html> (accessed 12.02.2021)
2. Fouskas V.K., Roy-Mukherjee S., Huang Q., Udeogu E. China & the USA: Globalisation and the decline of America's supremacy. London, New York: Palgrave Macmillan, 2020.
3. Philippon T. The great reversal: How America gave up on free markets. Belknap Press: An imprint of Harvard University Press 2019.
4. Tepper J., Hearn D. The Myth of Capitalism. Monopolies and the death of competition. Wiley. 2018. 320 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Салицкий Александр Игоревич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М.Примакова РАН, Москва, Россия.

Alexander I. Salitsky, Dr.Sc. (Economics), Principal Researcher, Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Семенова Нелли Кимовна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

Nelli K. Semenova, PhD (Political Science), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
30.05.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
21.06.2021

Принята к публикации (Accepted)
17.07.2021

Движение талибов и афганский мирный процесс

© Ищенко Н.С.^а, 2021^а МГИМО МИД России, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-3067; ishchenkonikita@mail.ru

Резюме: В 2021 г. войска американцев и их союзников покидают Афганистан после 20-летнего пребывания, оставляя страну под контролем Движения талибов (ДТ). Стремительный и почти не встретивший сопротивления переход афганской территории под власть вооруженной оппозиции произошел спустя немногим менее года после начала межафганских переговоров в Дохе между делегациями официального Кабула и ДТ, открытых 12 сентября 2020 г.

Талибы осознают себя победителями как над иностранным контингентом, так и над режимом Ашрафа Гани, рухнувшим вслед за уходом натовских военных. У многих афганцев и представителей международного сообщества это обстоятельство вызывает опасение в том, что новые хозяева Афганистана примутся устанавливать свои порядки в вопросе государственного управления, не считаясь с интересами других сторон афганского конфликта. При этом многие эксперты сходятся во мнении, что признание международным сообществом и большинством местных жителей легитимности ДТ возможно лишь при условии его отказа от монополизации власти.

Если талибское руководство признает это, то в ближайшем будущем ему придется договариваться с оппонентами при формировании инклюзивного правительства, а также выработать конструктивные подходы в выстраивании внешнеполитических контактов. Для этого им будет необходимо сделать упор на политико-дипломатическом аспекте своей деятельности. За последние несколько лет Движение приобрело опыт такой работы, активно представляя себя на международной арене в качестве политической силы, нацеленной на мирное решение конфликта.

В статье подводятся итоги работы политического «крыла» ДТ с момента открытия дохийской переговорной площадки, а также на самом первом этапе их фактического руководства страной, делается попытка охарактеризовать талибов как переговорщиков и дипломатов.

Ключевые слова: Афганистан, Движение талибов, афганский мирный процесс, США, НАТО

Для цитирования: Ищенко Н.С. Движение талибов и афганский мирный процесс. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 9. С. 23-28. DOI: 10.31857/S032150750015543-9

Taliban and Afghan peace process

© Nikita S. Ishchenko^a, 2021^a MGIMO-University, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-3067; ishchenkonikita@mail.ru

Abstract: 2021 is the year of the American and their allies troops withdrawal from Afghanistan after a 20-year stay. They are leaving the country under the Taliban control which was established impetuously and met with almost no serious resistance. It has happened all but a year after the launching of the inter-Afghan negotiations in Doha between Kabul and Taliban teams opened on September 12, 2020 which became a milestone in attaining the political settlement.

Taliban perceives itself as a victor over both foreign contingent and the Ashraf Ghani's regime which has come to the end immediately in the wake of NATO troops pullout. This fact is a point of concern for many Afghans and representatives of the international community that the new masters of the country will create a government system without taking into account interests of the other parts of the Afghan conflict. At the same time many experts agree that international community and the majority of Afghans can only recognize the legitimacy of Taliban if it refuses to monopolize power.

If the Taliban leaders admit this approach, then in the near future they will have to negotiate with opponents in order to create an inclusive government, focusing on the political and diplomatic aspects of their activities. Over the past few years, Taliban has gained experience in such work, promoting itself at the international arena as a political force willing to achieve a peaceful solution.

In this article we will look at the participation of Taliban political wing in the peace process since the start of the Doha negotiations and at the very first stage of their de facto power in Afghanistan in order to characterize Taliban representatives as negotiators and diplomats.

Keywords: Afghanistan, Taliban, Afghan Peace Process, USA, NATO

For citation: Ishchenko N.S. Taliban and Afghan peace process. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 9. Pp. 23-28. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750015543-9

ВВЕДЕНИЕ

В 2021 г. войска американцев и их союзников покинули Афганистан после 20-летнего пребывания, оставляя страну под контролем Движения талибов (ДТ).

В середине апреля руководство США объявило, что вывод контингента будет завершен к 11 сентября 2021 г., затем - к 1 сентября, хотя уже 20 июля Центральное командование ВС США заявило о завершении этого процесса более чем на 95% [1].

Делегации ДТ и официального Кабула еще 12 сентября 2020 г. в Дохе, столице Катара, приступили к переговорам о мирном урегулировании в Афганистане. Продвижение переговоров в структуре Движения талибов было возложено на политический офис ДТ, официально открытый в Дохе в 2013 г.

По мере того, как силы иностранной коалиции покидали Афганистан, Движение наращивало боевой напор на позиции правительственных войск. В результате, 15 августа талибы подошли вплотную к Кабулу, президент Исламской Республики Афганистан (ИРА) Ашраф Гани со своим окружением бежал из страны, вооруженная оппозиция без боя заняла столицу.

Сразу после этого ДТ объявило об окончании войны. Однако переговорный процесс между талибами и крупными политиками, включая представителей прежнего режима, нашел свое продолжение в процессе формирования инклюзивного правительства, а также решении вопроса с последним оплотом антиталибского сопротивления в провинции Панджшер.

ПРЯМОЙ ДИАЛОГ

Международные силы, прежде всего Россия и США, активизировали усилия по налаживанию прямого диалога между ДТ и официальным Кабулом в 2018 г. Значительного успеха в этом достигла Москва. Именно в российской столице 9 ноября 2018 г. в ходе второго заседания Московского формата консультаций по Афганистану¹ делегация талибов впервые села за стол переговоров с представителями правительства Исламской Республики Афганистан.

При этом талибы всегда подчеркивали, что не видят смысла в общении с официальными афганскими властями, которые они всегда считали «марионеточным режимом Америки». Поэтому противоположной стороной конфликта в Кветтской² шуре (руководящий орган Движения) видели не Кабул, а Вашингтон. Контакты между США и ДТ в Дохе привели к подписанию 29 февраля 2020 г. спецпредставителем США по вопросам афганского урегулирования З.Халилзадом и главой политического офиса ДТ А.Барадаром американо-талибского соглашения по установлению мира в Афганистане [3]. В церемонии также приняли участие госсекретарь США М.Помпео и представители около 30 стран. Самым важным обязательством американцев стал полный вывод войск иностранной коалиции из страны в течение 14 месяцев с момента подписания соглашения [13].

В структуре ДТ в качестве главного «дипломата» выступал один из основателей ДТ - Абдулгани Барадар Ахунд. В октябре 2018 г. он был освобожден из пакистанской тюрьмы и в конце января 2019 г. возглавил политический офис [2], сменив на этом посту Шер Мохаммада Аббаса Станекзая.

Для усиления контроля над переговорной командой ДТ и синхронизации ее позиции с установками Кветтской шуры главой переговорщиков был назначен моулави Абдул Хаким Исхакзай - авторитетный талибский идеолог, близкий к лидеру ДТ Хайбатулле Ахундзаде, убежденный сторонник восстановления в Афганистане Исламского эмирата³.

Основные требования ДТ, обозначенные еще в начале переговоров, в ходе процесса обмена мнениями не претерпели изменений: неукоснительное соблюдение Дохийского соглашения, полный вывод иностранного военного контингента из ИРА, исключение функционеров Движения из санкционных списков ООН, а также освобождение талибских заключенных из афганских тюрем.

Последний вопрос оказался одним из наиболее чувствительных для талибов. Освобождение до 5 тыс. заключенных из правительственных тюрем было также зафиксировано в американо-талибском соглашении в качестве пред условия для начала переговоров в Дохе, запуск которых неоднократно откладывался из-за нежелания руководства ИРА исполнять этот пункт.

Сам ход диалога не давал особых поводов для оптимизма. Первый раунд завершился 12 декабря 2020 г. Основанием к этому стало заявление вновь избранного президента США Дж.Байдена о необходимости пересмотра американо-талибских договоренностей. Информация о возможной ревизии Дохийского соглашения была воспринята талибами как его нарушение, и 13 декабря 2020 г. делегации решили приостановить переговоры до 5 января 2021 г.

¹ Московский формат был создан в 2017 г. на основе шестистороннего механизма консультаций спецпредставителей России, Афганистана, Китая, Пакистана, Ирана и Индии. Первое его заседание состоялось 14 апреля 2017 г. с участием замминистров и спецпредставителей 11 стран: России, Афганистана, Китая, Пакистана, Ирана, Индии, Казахстана, Таджикистана, Киргизии, Узбекистана и Туркменистана (прим. авт.).

² Кветта - столица пакистанской провинции Белуджистан (прим. авт.).

³ Исламский эмират Афганистан существовал в 1996-2001 гг. (прим. авт.).

В целом, переговорному процессу была присуща вязкость, обусловленная неуступчивостью обеих сторон.

В беседе с автором статьи член правительственной команды Шарифа Зурмати отмечала, что в первые дни работы в Дохе делегаты ДТ отказывались общаться с кабульскими переговорщиками и совместно совершать молитвы, называя их «собаками Америки, достойными смерти». Другой представитель кабульской команды Хафиз Мансур неоднократно высказывал мнение о том, что неготовность талибов к компромиссу не позволит добиться осязаемых результатов в Дохе. По его словам, единственной целью участия правительства ИРА в дохийских переговорах было отмести возможные обвинения в адрес официальных властей в саботаже мирных усилий в случае, если Кабул откажется от диалога.

С другой стороны, афганские власти не выражали готовности «двигаться» в главном для ДТ вопросе - определении параметров будущего политического строя. В глазах Движения персонификацией войны являлся А.Гани, которого в рядах ДТ прямо называли «американской марионеткой». Талибы решительно требовали его отставки. В частности, они указывали на коррумпированность властей, которая проявилась также в ходе президентских выборов 2019 г., в связи с чем напроочь отвергалась легитимность А.Гани, объявленного тогда главой государства. Однако, несмотря на то, что определенная часть кабульских переговорщиков также была настроена оппозиционно по отношению к первому лицу государства и рассматривала возможность создания госсистемы без участия в ней действующего президента, полномочий обсуждать этот вопрос парламентарии не имели. Не спешил расставаться со своим креслом и сам Ашраф Гани.

В ходе первого раунда стороны так и не начали субстантивный диалог. Им лишь удалось договориться о процедуре будущих переговоров [4]. Если правительственная делегация с самого начала подчеркивала необходимость обсудить, прежде всего, введение режима прекращения огня, то делегация ДТ продолжала ставить на первое место вопрос о будущем государственном устройстве страны.

Еще одним камнем преткновения стали требования ДТ об определении текущего афганского конфликта как «джихада»⁴, признании Дохийского соглашения, в котором афганское правительство не принимало участия, в качестве основы переговоров, а также примате ханафитского мазхаба⁵ в решении спорных моментов - это вызвало сильное недовольство афганских шиитов, напомнивших о дискриминационной политике талибов по отношению к ним в период существования Исламского эмирата.

После фактического прекращения диалога в Дохе в декабре 2020 г. талибы продолжили рабочие визиты в страны региона.

16 декабря 2020 г. делегация ДТ посетила Пакистан, 28 января 2021 г. - Россию, 11 февраля - Туркменистан, 26 февраля - Иран. 7 июля Тегеран организовал межафганские переговоры с участием видных афганских политических деятелей и представителей ДТ под руководством бывшего вице-президента ИРА М.Ю.Кануни и замглавы политофиса талибов Ш.М.Станекзая.

8 июля эмиссары Движения вновь посетили Москву. Последним в списке стран, пригласивших к себе делегацию ДТ, стал Китай, куда визит талибов был организован 27-28 июля. В ходе встреч, помимо мирного процесса, обсуждались вопросы экономического развития постконфликтного Афганистана, в частности, обеспечение Движением безопасности реализации масштабных инфраструктурных проектов - ТАПИ и ТАП⁶. Талибские «дипломаты» неизменно уверяли, что они привержены своим обязательствам бороться с международным терроризмом и не допускать использования территории Афганистана какими бы то ни было силами против интересов других государств.

Кроме того, талибы неоднократно встречались с иностранными делегациями в Дохе. В частности, 9 и 15 июня в катарской столице представители политофиса ДТ обсудили ситуацию в Афганистане с министром иностранных дел Индии С.Джайшанкар, 20 июня - со спецпредставителем ЕС Т.Никлассоном, 6 июля - с главой Миссии ООН по содействию Афганистану (МООНСА)⁷ Д.Лайонс. 22 июля замглавы политофиса ДТ моулави Абдуссалам Ханафи в режиме онлайн принял участие во встрече по Афганистану с представителями Великобритании, Италии, Катар, Германии, Норвегии, США, Франции, ЕС, НАТО и МООНСА.

Второй раунд межафганских переговоров, по сути, так и не начался. Хотя технические группы обеих делегаций в Дохе находились в непрерывном контакте вплоть до середины августа, выйти на субстантивное обсуждение мирного урегулирования им не удалось. В этой ситуации важным шагом для придания импульса буксующему мирному процессу стало проведение 18 марта в Москве заседания формата расширенной «тройки», где Россия вновь усадила за стол талибов, делегацию Высшего совета по национальному примирению ИРА, возглавлявшегося А.Абдуллой, а также афганских политиков. Следующая встреча в этом формате состоялась 30 апреля в Дохе.

⁴ То есть священной войны мусульман против «неверных» (прим. авт.).

⁵ Мазхаб - религиозно-правовая школа. Ханафитский мазхаб - один из четырех суннитских мазхабов (прим. авт.).

⁶ ТАПИ - газопровод из Туркменистана в Афганистан, Пакистан и Индию. ТАП - электрическая и оптико-волоконная коммуникационная линия Туркменистан-Афганистан-Пакистан (прим. авт.).

⁷ Действует с 2002 г.

После того как 14 апреля руководство США окончательно объявило, что вывод контингента начнется 1 мая и будет завершен к 11 сентября 2021 г. (несмотря на то, что в Дохийском соглашении в качестве дедлайна пребывания американских сил в Афганистане было обозначено 1 мая), талибы в ответ заявили о нарушении Вашингтоном достигнутых договоренностей. А.Исхакзай был отозван в Кветту на консультации для определения дальнейшей линии ДТ в отношении США.

Еще одна попытка сторон договориться была предпринята 17-18 июля, когда талибы встретились в Дохе с правительственной делегацией ИРА под руководством А.Абдуллы, однако переговоры окончились без каких-либо значительных результатов. Стороны решили сформировать совместный комитет в составе 14 человек (по 7 человек от каждой стороны), в задачи которого должна была войти выработка повестки дня будущих встреч. Принятое совместное заявление состояло лишь из общих фраз об обязательствах сторон продолжать диалог, провести в ближайшем будущем очередную аналогичную встречу, содействовать решению афганского конфликта, а также избегать атак на инфраструктуру и мирное население Афганистана [5].

ПЕРЕД ЗАНЯТИЕМ КАБУЛА

Одностороннее изменение Вашингтоном условий Дохийского соглашения усилило позиции боевого крыла ДТ, представители которого потребовали возобновления нападений на американских военных. Как было отмечено в докладе Санкционного комитета СБ ООН 1988 (май 2021 г.), оба заместителя талибского лидера Хайбатуллы Ахундзады - глава Военной комиссии ДТ мулла Якуб и руководитель т.н. «сети Хаккани» (наиболее радикального крыла Движения) Сираджуддин Хаккани - выступили за силовую опцию [6].

«На публику» талибы заявляли, что окончательное решение относительно дальнейших действий Кветтской шурой пока не принято. Однако отсутствие атак против иностранных военнослужащих весной и летом (особенно на фоне активизации тогда же боестолкновений с правительственными силами) свидетельствовало об обратном. Как представляется, руководство ДТ предпочло не мешать США «достойно» покинуть ИРА, маскируя свое решение видимостью продолжающихся внутриталибских консультаций.

Несмотря на желание крупных талибских командиров «добить» американцев, они все же подчинились приказам из Кветты воздержаться от нападения на покидающие страну иностранные войска. Такое четкое выполнение приказов руководства, если они действительно имели место, может добавить осторожного оптимизма оценкам действий ДТ в ближайшем будущем при условии, что лидеры Движения осознают безальтернативность компромисса в определении послевоенного государственного устройства.

Талибы оказались не заинтересованы в продолжении мирных переговоров. Все их планы на будущее были связаны с выводом иностранного военного контингента из Афганистана. В частности, они без энтузиазма восприняли инициативу США об организации мирной конференции в Турции - изначально она была запланирована на конец апреля 2021 г., но затем сроки ее проведения неоднократно сдвигались.

Общая тональность заявлений ДТ всегда оставалась неизменной - жесткое требование полного вывода всех иностранных военных (талибы также категорически отвергли возможность участия турецких военных в обеспечении безопасности кабульского аэропорта после вывода сил США и НАТО) [7], освобождение 7 тыс. заключенных из афганских тюрем, снятие санкций, признание международным обществом своей легитимности.

За первые летние месяцы боевые действия Движения против Афганских национальных сил безопасности (АНСБ) привели к значительному увеличению подконтрольных талибам территорий. Так, А.Абдулла, выступая 15 июня в Кабуле, признал, что с 1 мая под контроль ДТ перешли 33 уезда [10], а уже 21 июля председатель Объединенного комитета начальников штабов ВС США М.Милли заявил, что Движение контролирует около 200 (из 419) уездов страны [11].

Последний рывок талибов был осуществлен в период с 12 по 15 августа и привел к переходу под их контроль административных центров 19 провинций (Бадгис, Балх, Газни, Герат, Гильменд, Гор, Дайкунди, Заболъ, Кандагар, Кунар, Лагман, Логар, Майдан-Вардак, Нангархар, Нуристан, Пактика, Пактия, Урузган, Фарьяб). Такое молниеносное продвижение, к тому же практически не встретившее серьезного военного противодействия, привело к резкому крушению режима и бегству А.Гани из страны. 15 августа талибы без сопротивления, используя свои «спящие» ячейки, вошли в Кабул.

ФАКТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ

Заняв столицу, талибы де-факто оказались единственной и безальтернативной политической силой в стране. Последний антиталибский очаг сформировался в провинции Панджшер - области Афганистана, ко-

торую талибские отряды решили до времени не занимать во избежание кровопролития. В Панджшере укрылись первый вице-президент ИРА А.Салех и сын знаменитого моджахеда Ахмад-шаха Масуда - Ахмад Масуд. Талибы неоднократно посылали сигнал панджшерским лидерам о намерении решить конфликт за столом переговоров. 25 августа в провинции Парван (расположена между Кабулом и Панджшером) состоялась встреча делегации ДТ под руководством замначальника талибской разведки Мохаммада Мохсена Хашеми с представителями сторонников А.Масуда. Стороны договорились продолжить переговоры и отказаться от боевой опции [14].

Другим вопросом на повестке талибской дипломатии в Кабуле и Дохе стала проблема кабульского аэропорта, контроль над которым с первого дня занятия Движением столицы установили американские вооруженные силы, приступившие к эвакуации своих военных и гражданских сотрудников, граждан США и стран НАТО, а также афганцев, сотрудничавших с иностранным контингентом. Регулярное воздушное сообщение было прекращено. По условиям договоренностей между ДТ и США, последние обязались вывести свои войска, остававшиеся теперь только в столичном аэропорту, до 1 сентября.

В связи с необходимостью налаживания государственной системы в стране в первые же дни новой власти в Кабул из Дохи переехала часть политического офиса ДТ. Несмотря на продолжение консультаций о параметрах будущего правительства, в т.ч. с оставшимися в афганской столице политическими лидерами, такими, как экс-президент ИРА Х.Карзай, А.Абдулла и др., некоторые временные назначения на министерские посты были сделаны незамедлительно.

Талибы стремились демонстрировать свое миролюбие еще до занятия Кабула заявлениями о принятии на себя обязанностей по обеспечению безопасности дипломатических представительств в ИРА, акцентируя, что деятельность ДТ не несет угрозы не только иностранным миссиям, но и афганцам, работавшим на покидаемую страну войска [8]. Ряд экспертов отмечали, что Движение не против раздела властных полномочий с представителями различных политических сил, а также этнических и религиозных меньшинств (но при условии закрепления за ДТ ведущей роли в госуправлении). Сами талибы подчеркивали готовность к диалогу с афганскими политическими лидерами, в частности, с теми моджахедами, кто воевал против ДТ в 1990-е и 2000-е гг. [12]. В своем заявлении от 27 мая 2021 г. талибы гарантировали безопасность религиозным меньшинствам, подчеркнув, что их права закреплены в исламском праве [9].

Эти заверения были подтверждены 17 августа в Кабуле во время пресс-конференции официального представителя ДТ Забиуллы Моджахеда, в ходе которой было объявлено об окончании гражданской войны и введении всеобщей амнистии для всех представителей прежнего режима, включая АНСБ. Он заявил, что талибы обеспечат безопасность диппредставительств и их сотрудников, не допустят возникновения угроз в адрес других государств с территории Афганистана, будут жестко бороться с наркопреступностью. З.Моджахед призвал СМИ продолжать работу, соблюдая нормы ислама, национальные интересы и принцип непредвзятости. Он также утверждал, что женщины не будут подвергаться дискриминации и могут продолжать работать, а сотрудничавшим с иностранцами афганцам со стороны талибов ничто не угрожает. Пресс-секретарь ДТ утверждал, что в скором времени в Афганистане будет создано инклюзивное правительство, основанное на исламских ценностях [14].

Готовой концепции государственного строя у талибов нет. Вместе с тем, как публично, так и в личных контактах представители ДТ заявляли о якобы их нацеленности на формирование всеобъемлющего правительства. Известно, что чем более представительным будет новый госаппарат, тем больше шансов у власти предупредить возникновение недовольства тех или иных сил внутри Афганистана, которое рано или поздно может привести к новому витку гражданского противостояния. Кроме того, вовлеченность всех афганских сил в госуправление могла бы стать одним из определяющих факторов в вопросе международного признания новой власти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе межафганских переговоров талибы показали себя крайне неуступчивыми переговорщиками, демонстрируя нежелание общаться с действующим правительством, существование которого Движение увязывало с волей Вашингтона.

Само объявление США о выводе военных сил из ИРА уже дало талибам ощущение военной победы, что, как представляется, несколько усилило позиции «военного крыла». Это обстоятельство способствовало стремительному переходу под контроль ДТ территории Афганистана. Вместе с тем, линия на достижение такого политического порядка в стране, который был бы приемлем для всех афганцев, включая национальные и религиозные меньшинства, выработанная, по-видимому, руководством ДТ - представителями его «первого поколения», на момент написания настоящей статьи казалась очевидной. Осталось ждать реальных шагов талибов в этом направлении.

С приходом ДТ к власти в Кабуле афганское мирное урегулирование вступило в новую фазу. Определяющим фактором в его продвижении на нынешнем этапе для талибов может быть их стремление к международному признанию.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Update on the withdrawal of U.S. forces from Afghanistan July 20 2021. <https://www.centcom.mil/MEDIA/PRESS-RELEASES/Press-Release-View/Article/2700657/update-on-the-withdrawal-of-us-forces-from-afghanistan-july-20-2021/> (accessed 27.07.2021)
2. Mullah Baradar appointed as head of Taliban's political office in Qatar. <https://www.khaama.com/mullah-baradar-appointed-as-head-of-talibans-political-office-in-qatar-03180> (accessed 18.06.2021)
3. Agreement for Bringing Peace to Afghanistan between the Islamic Emirate of Afghanistan which is not recognized by the United States as a state and is known as the Taliban and the United States of America. <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/Agreement-For-Bringing-Peace-to-Afghanistan-02.29.20.pdf> (accessed 18.06.2021)
4. The Rules of Procedure for Intra-Afghan Talks. <https://www.afghanistan-analysts.org/en/resources/peace-process/aans-working-translation-of-the-rules-of-procedures> (accessed 18.06.2021)
5. Joint Statement - 18 July 2021. <https://smp.gov.af/en/joint-statement-18-july-2021> (accessed 29.07.21)
6. Twelfth report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team submitted pursuant to resolution 2557 (2020) concerning the Taliban and other associated individuals and entities constituting a threat to the peace stability and security of Afghanistan. <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N21/107/61/PDF/N2110761.pdf?OpenElement> (accessed 18.06.2021)
7. Statement of Islamic Emirate regarding stay of some foreign forces in Afghanistan. <http://alemarahenglish.net/?p=46905> (accessed 18.06.2021)
8. Statement of Islamic Emirate regarding evacuation of interpreters for foreign forces from Afghanistan. <http://alemarahenglish.net/?p=46692> (accessed 18.06.2021)
9. Islamic Emirate and Minority Rights. <http://alemarahenglish.net/?p=46266> (accessed 18.06.2021)
10. Abdullah quashes rumors of districts being abandoned intentionally. <https://ariananews.af/abdullah-quashes-rumors-of-districts-being-abandoned-intentionally> (accessed 18.06.2021)
11. Secretary of Defense Austin and Chairman of the Joint Chiefs of Staff Gen. Milley Press Briefing. <https://www.defense.gov/Newsroom/Transcripts/Transcript/Article/2702966/secretary-of-defense-austin-and-chairman-of-the-joint-chiefs-of-staff-gen-mille/> (accessed 27.07.2021)
12. Taliban Invite Afghan Jihadi Leaders to Peace Talks. <https://www.voanews.com/east-asia-pacific/taliban-invite-afghan-jihadi-leaders-peace-talks> (accessed 18.06.2021)
13. Замараева Н.А., Раванди-Фадаи Л.М. Пакистан и вызовы афганскому урегулированию (2020-2021 гг.). *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 4, с. 25-32. DOI: 10.31857/S032150750014643-9
14. Zamaraeva N.A., Ravandi-Fadai L.M. 2021. Pakistan and challenges to an Afghan settlement (2020-2021). *Asia i Afrika segodnya*. № 4 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750014643-9
15. Massoud, Taliban Agree to Not Fight Until Next Round of Talks. <https://tolonews.com/afghanistan-174402> (accessed 27.08.2021)
16. Taliban Pledges Safety for Diplomats, Tells Media to Continue. <https://tolonews.com/afghanistan-174273> (accessed 28.08.2021)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ищенко Никита Сергеевич, 3-й секретарь Посольства России в Афганистане; соискатель МГИМО, Москва, Россия.

Nikita S. Ishchenko, Third secretary of the Russian Embassy in Afghanistan, Kabul; Applicant, MGIMO-University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
18.06.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
30.07.2021

Принята к публикации (Accepted)
29.08.2021

Туристическая отрасль Египта перед лицом глобальных вызовов - от «арабской весны» до пандемии

© Елькина Е.А.^a, 2021

^a Институт Африки РАН. Москва. Россия
ORCID ID: 0000-0002-8021-5970; easerova@list.ru

Резюме. В статье рассматривается состояние туристической индустрии Египта в период с 2011 по 2021 гг. Отрасль является одним из двух основных источников иностранной валюты в стране, наряду с доходами от Суэцкого канала.

Автор выделяет три кризисных момента. Первый - зима 2010-2011 гг. Волнения «арабской весны» сопровождалась утечкой капиталов из страны, социальным хаосом и снижением общего уровня безопасности, что не могло не напугать потенциальных туристов. Следующим ключевым моментом падения туристической индустрии Египта является гибель всех пассажиров в результате крушения над Синайским полуостровом российского самолета, летевшего по маршруту Шарм-эль-Шейх - Санкт-Петербург. И третьим критическим моментом стало начало пандемии, вызванной *COVID-19*, официально объявленной ВОЗ 11 марта 2020 г., и, как следствие, почти полное закрытие границ.

На основе анализа статистических данных из египетских и западноевропейских источников делается вывод о том, что показатели индустрии туризма Египта отражают как траекторию политического состояния страны, так и ее почти полную зависимость от глобальной ситуации в области здравоохранения. Также делается вывод о том, что отрасль чрезвычайно хрупка, и решение о ее частичной переориентации на внутренний туризм, а также на прием гостей из соседних арабских государств, было правильным.

Ключевые слова: Египет, туризм, «арабская весна», пандемия, реформы

Для цитирования: Елькина Е.А. Туристическая отрасль Египта перед лицом глобальных вызовов - от «арабской весны» до пандемии. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 9. С. 29-33. DOI: 10.31857/S032150750016588-8

Egypt's tourism industry facing global challenges: From the Arab Spring to the pandemic

© Ekaterina E. Elkina^a, 2021

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences.
Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-8021-5970; easerova@list.ru

Abstract. In the article, the author examines the status of Egypt's tourism industry in 2011-2021. The critical importance of tourism is that this industry is one of the two main sources of foreign exchange in the country, along with income from the Suez Canal. A downturn in the tourism industry automatically threatens the existence of several million as jobs.

The author identifies 3 critical points from which a sharp drop begins. The first point is the winter of 2010-2011. The unrest of the "Arab Spring" was accompanied by the leakage of large funds from the country, social chaos, and a decrease in the general level of security, which could not but frighten potential tourists. The next key point of the fall of the tourism industry in Egypt is the death of all passengers in the crash over the Sinai Peninsula of a Russian plane flying on the Sharm el-Sheikh - St. Petersburg route, and the subsequent complete ban on flights between Russia and Egypt.

The third critical point was the beginning of the pandemic caused by COVID-19, officially announced by WHO on March 11, 2020, and, as a result, the almost complete closure of borders.

Based on the analysis of statistical data from Egyptian and Western European sources, it is concluded that the indicators of the Egyptian tourism industry reflect both the trajectory of the country's political state and its almost complete dependence on the global health situation. It also concludes that the industry is extremely fragile, and the decision to partially reorient the industry towards domestic tourism, as well as receiving guests from neighboring Arab states, made in the period between the Arab Spring and the pandemic, was correct.

Keywords: Egypt, tourism, the "Arab spring", pandemic, reforms

For citation: Ekaterina A. Elkina. Egypt's tourism industry facing global challenges: From the Arab Spring to the pandemic. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021, № 9. Pp. 29-33. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750016588-8

ВВЕДЕНИЕ

Вот уже более ста лет богатое культурное наследие и множество исторических достопримечательностей Египта привлекают путешественников со всех уголков планеты. В последние десятилетия основным потоком стали желающие насладиться солнечной погодой на прекрасных пляжах курортов Красного моря.

Россияне уверенно занимали первое место среди иностранных отдыхающих, опережая туристов из Великобритании и Германии. Популярен отдых в Египте и среди жителей арабских стран. Отрасль демонстрировала устойчивый рост с 1995 по 2010 гг. Однако события последнего десятилетия поставили задачи, опыта решения которых не было до этого момента ни у руководства отрасли, ни у руководства страны.

«АРАБСКАЯ ВЕСНА». КРУШЕНИЕ РОССИЙСКОГО АВИАЛАЙНЕРА

Зимой 2010-2011 гг. тысячи людей вышли на улицы арабских городов, началась «арабская весна». Как отмечает академик РАН А.М.Васильев, уровень бедности, безработицы (особенно молодежной) и коррупции, региональные диспропорции достигли такого уровня, что решение этих проблем казалось возможным только на улице. Волнения «арабской весны» сопровождались бегством из страны капиталов, социальным хаосом, снижением общего уровня безопасности [1], что не могло не испугать потенциальных туристов.

В годы после «арабской весны» туристическая отрасль Египта пострадала настолько, что главные международные ворота страны - аэропорт Каира - был непривычно тихим, окрестности пирамид в Гизе выглядели пустынными, посетители Египетского музея часто бродили в одиночестве. Еще хуже было в Луксоре. Большая часть круизных кораблей простаивала. Вид праздных торговцев сувенирами и безлюдных магазинов подарков и сувениров стал обычным явлением. Тележки, запряженные лошадьми, столь любимые среди желающих неспешно проехать по городу, стояли возле отелей, а их владельцы день за днем болтали, курия и потягивая сладкий черный чай.

Пляжные курорты у Красного моря жили немного лучше благодаря посетителям из самого Египта и небольшому количеству западных и арабских отдыхающих. Но и здесь туристы исчезли в одночасье после крушения 31 октября 2015 г. над Синайским полуостровом самолета *Airbus 321*, следовавшего по маршруту Шарм-эль-Шейх - Санкт-Петербург, в результате которого погибли все 224 человека, находившиеся на борту.

Вину за нападение взяла на себя террористическая группировка «Исламское государство» (ИГ). Авиакатастрофа стала одновременно крупнейшей в истории Египта, а также самой массовой гибелью граждан России в авиакатастрофе за всю историю авиации. 8 ноября 2015 г. президент РФ В.В. Путин подписал указ № 553 «Об отдельных мерах по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации и защите граждан Российской Федерации от преступных и иных противоправных действий»¹. Было отменено любое авиасообщение с Египтом, и более 2 млн россиян, ежегодно отдыхавших на его курортах, покинули этот рынок. Решение России и приостановка британских рейсов в Шарм-эль-Шейх почти уничтожили туризм в регионе.

Несмотря на первые признаки выздоровления, безмятежные дни предыдущего десятилетия все еще казались далекими. В 2010 г. страна приняла 14,73 млн туристов и поступления от международного туризма составили \$13,63 млрд, в 2011 г. было зарегистрировано 9,85 млн туристов и \$9,3 млрд, соответственно, в 2012 г. - 11,53 млн и \$10,8 млрд, в 2013 г. - 9,46 млн и \$6,74 млрд, в 2014 г. - 9,88 млн и \$7,98 млрд, в 2015 г. - 9,3 млн и \$6,89 млрд. В 2016 г. было зарегистрировано лишь 5,39 млн туристов и \$3,31 млрд [2].

Жесткие меры безопасности, введенные по всей стране, особенно на туристических объектах, и широкомасштабная военная кампания против религиозных экстремистов сократили число нападений, однако они продолжались в провинции Северный Синай, ставшей эпицентром затянувшегося мятежа. Наибольший резонанс вызвала гибель от рук террористов более 300 верующих в мечети в конце ноября 2017 г. Большинство атак было направлено против правительства, военных объектов и их персонала, однако сохранялся риск террористических актов и против гражданского населения по всей стране. Вот лишь некоторые из них: 2 ноября 2018 г. боевики открыли огонь по автобусу с христианами-коптами в провинции Минья, убив 7 человек; 28 декабря 2018 г. в результате подрыва автобуса погибли 3 вьетнамских туриста и местный гид; 19 мая 2019 г., по меньшей мере, 16 человек получили ранения в ходе нападении на автобус с туристами возле пирамид Гизы; 4 августа 2019 г. взрыв прогремел в центре Каира, 20 человек погибли.

Есть и другие проблемы, которые, по мнению египтян, занятых в отрасли, не позволяют ей полностью реализовать свой потенциал.

Египтяне - гордый народ, чья любовь к своей стране граничит с «ура-патриотизмом». Хотя они приветствуют посетителей с распростертыми объятиями, многие проявляют нетерпимость к критике. Так, ливанская туристка, опубликовавшая в июле 2018 г. пост в Фейсбуке, в котором она обвиняла египтян в сексуальных домогательствах во время своего отпуска в Каире, а также отмечала низкий уровень сервиса в ресторанах, была задержана на границе и оказалась в тюрьме. Позднее она была помилована, но ущерб, на-

¹ См.: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/ukazy-prezidenta-rf/3013> (accessed 25.07.2021)

несенный ее тюремным заключением имиджу Египта как туристическому направлению, оказался гораздо серьезнее, чем ущерб от ее видео.

МЕРЫ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ОТРАСЛИ ПОСЛЕ СОБЫТИЙ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

Жизненно важная туристическая индустрия Египта быстро восстанавливалась после спада, вызванного годами беспорядков и насилия в ходе восстания 2011 г., свергнувшего давнего правителя Хосни Мубарака. Туристы вернулись, заполнив узкие переулки средневекового квартала Каира и залы знаменитого Египетского музея, и с удивлением и неверием взирали на пирамиды Гизы.

Восстановление индустрии туризма в Египте в значительной степени было обусловлено повышением уровня безопасности и агрессивным маркетингом, хотя частично этому способствовало обесценивание почти на треть египетского фунта в конце 2016 г., что сделало страну еще более дешевым и конкурентоспособным по цене местом.

Проектом возрождения туристической отрасли руководила первая женщина-министр туризма Египта Рания Аль-Машат. Имея опыт работы в МВФ и в ЦБ Египта, она пыталась поднять репутацию сектора на традиционных и новых рынках, ее назначение стало позитивным сигналом для инвесторов. Министр призвала туроператоров ориентироваться на местный и, в целом, арабский рынок. Так, в 2016 г. Египет посетили 2 млн туристов из арабских стран, что составило почти 40% иностранных посетителей [3]. В отличие от европейских туристов, они приезжают в Египет в течение всего года и тратят, в среднем, в 1,5 раза больше. Удалось стимулировать развитие внутреннего туризма специальными пакетными турами инициативы «Египет в наших сердцах», что спасло многие египетские отели от разорения. Фактически, египтяне стали более мобильными и начали «отдыхать». Также она советовала делать ставку на рынки быстрорастущих экономик Азии, таких как Китай и Индия.

Помимо традиционного пляжного, предлагалось расширить круизный туризм по Восточному Средиземноморью. В мае 2017 г. было заключено соглашение между Грецией и Египтом о создании круизной линии между Афинами, Порт-Саидом и Александрией. В ноябре того же года к соглашению присоединился Кипр.

В мае 2016 г. была открыта линия медицинского туризма для людей, страдающих гепатитом С, - недельный тур, совмещающий путешествие по стране и лечение от вируса (Египет производит собственный препарат, незапатентованный в ЕС). Лицом рекламной кампании стал футболист Лионель Месси.

Крайне интересным выглядело новое направление в религиозном туризме: известно, что Святое семейство скиталось по Египту несколько лет. На территории страны сохранилось немало древних христианских церквей и иных артефактов. Были выбраны 8 мест в 4 городах, подготовлена инфраструктура для принятия посетителей. Папа Франциск посетил страну в апреле 2017 г., совершил мессу и признал маршрут путешествия по следам Святого семейства официальным христианским паломничеством.

Но наиболее яркой инициативой стало проведение маркетинговых кампаний по всему миру с использованием социальных сетей, блогеров и иных «лидеров мнений». Морган Фриман первую часть нашумевшего фильма «*Story of God*» посвятил Египту. Также Египет финансирует серию документальных фильмов *CNN* о современных археологических изысканиях. «Послами» Египта в мире стали Криштиану Роналду, Ким Кардашьян, Николас Кейдж, посетившие Египет и рассказавшие об этом миллионам своих подписчиков. Даже Мелания Трамп, на тот момент первая леди США, в своей поездке по Африке посетила Каир и пирамиды в Гизе в октябре 2018 г. Ее визит дал мощный толчок развитию туризма, продемонстрировав безопасность этого направления тем, кто скептически относился к условиям пребывания в Египте.

Рания Аль-Машат отмечала, что государство стремилось создать отрасль, менее зависимую от нескольких рынков и более приспособленную к разнообразным возможностям получения дохода. Эта политика принесла свои плоды. Доход от туризма в 2018 г. составил \$12,7 млрд, страну посетили 11,34 млн человек. В 2019 г. туристов уже было 13,03 млн и прибыль выросла до рекордных \$14,256 млрд. Однако в марте 2020 г. отрасль ожидал еще один сокрушительный удар [2].

ПАНДЕМИЯ ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ИНДУСТРИЮ ТУРИЗМА

Туристический сектор во всем мире пострадал беспрецедентным образом из-за пандемии, вызванной вирусом *COVID-19*, и официально объявленной Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) 11 марта 2020 г.

Почти полное закрытие границ привело к падению международного туризма в мае 2020 г., по сравнению с маем 2019 г., на 98% [4]. Доход от туризма в Египте в 2020 г. составил лишь \$4 млрд. Страна приняла в 2020 г. около 3,5 млн туристов. По словам министра туризма и древностей Египта Халеда эль-Анани, страна теряла ежемесячно, в среднем, по \$1 млрд [5]. Что критично для страны, т.к. туристическая отрасль, наряду с доходами от Суэцкого канала, является ключевым источником иностранной валюты для страны.

На счету Египта еще один печальный рекорд - 8 марта 2020 г. первой жертвой *COVID-19* не только в Египте, но и на Африканском континенте в целом, стал 60-летний гражданин Германии, прибывший в Хургаду из Луксора после круиза по Нилу.

19 марта 2020 г. правительство Египта объявило о приостановке полетов во всех крупных аэропортах, закрытии музеев и гостиниц в качестве меры для предотвращения дальнейшего ухудшения ситуации. С тех пор, как Египет объявил о первом случае коронавируса в середине февраля 2020 г., число зараженных выросло на начало августа 2021 г. до 284706., включая более 16575 умерших.

В 1-ю волну пандемии (март - июнь 2020 г.) в ряде городов были введены строгие карантинные меры: объявлен комендантский час и полностью закрыты кафе, рестораны и другие предприятия, зависящие от посетителей. Круизы по Нилу были отменены после того, как несколько кораблей простояли на карантине. Нормой жизни стал термин «социальное дистанцирование», что в реальности означает отмену конференций, съездов, спортивных соревнований, одним словом, всех мероприятий, требующих массового скопления людей. Самым тягостным для египтян стал запрет на проведение свадебных и похоронных обрядов традиционным для мусульман образом - с большим количеством родственников, друзей и соседей.

Экономика страны сильно пострадала за первый же месяц локдауна, и кризис поставил под угрозу существование туристической индустрии как таковой, с миллионами рабочих мест как внутри самой отрасли, так и в смежных отраслях (транспорт, поставка сельскохозяйственной продукции и т.п.). С первого дня священного месяца Рамадан (24 апреля 2020 г.) был частично возобновлен внутренний туризм. В июне 2020 г. Египет получил отметку «Безопасные путешествия» от Всемирного совета по путешествиям и туризму благодаря эффективному внедрению широкого спектра мер гигиены и безопасности для сдерживания распространения вируса в соответствии с рекомендациями ВОЗ, и в июле отели смогли принять иностранных отдыхающих. Однако приход 2-й волны пандемии (с декабря 2020 г.) вынудил правительство Египта принять еще более жесткие карантинные меры.

МЕРЫ ПО СОХРАНЕНИЮ ОТРАСЛИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Несмотря на ограничения при пересечении границ и повсеместный пессимизм, туристическая отрасль Египта изо всех сил пытается удержаться на плаву.

Правительства всего мира, а особенно развивающихся стран, несут двойную ответственность - уделяя приоритетное внимание сохранению здоровья, они в то же время стараются сохранить рабочие места. Министерство туризма и древностей проводит политику, направленную на оказание необходимой помощи туристическому сектору и его работникам по смягчению экономических последствий, вызванных появлением коронавируса. Так, в период 1-й волны пандемии более 5 тыс. предприятий сферы туризма Египта подали заявки на субсидирование своих работников. Помощь выплачивается из специального фонда, созданного в 2002 г., для выплаты компенсации тем, чья деятельность прекратилась из-за чрезвычайной ситуации. Выплаты составляют 100% базовой заработной платы.

Была запущена новая программа стимулирования авиасообщения для развития въездного туризма. Она включала в себя снижение цен на авиационное топливо, 50%-ную скидку на посадку и оплату проживания экипажей, 20%-ное снижение платы за наземное обслуживание в египетских аэропортах в туристических провинциях до 31 октября 2021 года [6]. На фоне почти полного исчезновения туристического потока из Европы, особое значение опять приобретает внутренний и арабский туризм. Д-р Халед эль-Анани, ставший министром туризма и древностей на рубеже 2019-2020 гг., в январе 2021 г. огласил начало рекламной кампании в социальных сетях новой инициативы - «Наслаждайтесь зимой в Египте». Она направлена на еще большее стимулирование внутреннего и арабского туризма. Инициатива включает в себя снижение цен на внутренние перелеты для египтян и иностранцев в Луксор, Асуан, Шарм-эль-Шейх, Табу и Хургаду, а также снижение цен на отели, участвующие в инициативе. Далее последовали инициатива «Рамадан в Египте», ориентированная на туристов из арабских стран, и «Лето в Египте».

Также активизации внутреннего туризма должно способствовать 50%-ное снижение цен на билеты для египтян в археологических районах и музеях, открытых для посещения в провинциях Кена, Луксор и Асуан. В знак признания большой роли, которую медики играют в обществе, особенно во время пандемии, всем медработникам и членам их семей предоставляется право бесплатного посещения музеев и археологических памятников в течение 2021 года.

24 января 2021 г. Египет начал вакцинацию медицинского персонала препаратом, разработанным Китайской фармацевтической группой (*Sinapharm*). Также заключены договоры на поставку вакцины *Astra-Zeneca*. В конце февраля 2021 г. российская вакцина *Sputnik V* была одобрена Управлением по лекарственным средствам Египта в соответствии с процедурой выдачи разрешений на использование в чрезвычайных ситуациях. Ежегодно 40 млн доз будут производиться фармацевтической компанией *Minapharm*. О полной вакцинации персонала отелей, ресторанов, базаров, водителей туристического транспорта про-

винций Южный Синай и Красное море было объявлено в начале июня 2021 г. Также отели должны получить сертификат безопасности, чтобы иметь возможность принимать постояльцев.

Министр туризма и древностей Египта д-р Халед эль-Анани заявил: «Случаи COVID-19 в районах Красного моря и Синая незначительны... Спустя почти год после возобновления туризма в Египте, мы рады отметить, что число туристов неуклонно растет и почти удвоилось с января 2021 г.: с 300 000 до 525 000 туристов в апреле. Мы открываем наши двери и приглашаем людей со всего мира, которым надоело сидеть дома и которые очень хотят поехать на летние каникулы» [7].

Не только программы вакцинации, но и усилия Египта по развитию археологических памятников, должны способствовать восстановлению сектора до «допандемического» уровня. Планировалось открытие во второй половине 2021 г. Великого Египетского музея (GEM) - крупнейшего в мире музея, посвященного одной цивилизации. Музей был построен на почти 50 гектарах земли в Гизе, на расстоянии 2 км от Великих пирамид, что очень удобно для туристов. Он демонстрирует миру хронологическое изложение истории Египта за последние 7 тыс. лет. В нем представлены более 5000 артефактов из гробницы Тутанхамона, собранные вместе впервые с момента их обнаружения. Ожидается, что музей будет принимать около 15 000 посетителей в день, что примерно в 3 раза превышает число людей, ежедневно посещающих нынешний музей на площади Тахрир. Это составит более 5 млн посетителей в год, приведет к спросу примерно на 40 новых отелей и создаст около 60 000 рабочих мест в сфере туризма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что показатели индустрии туризма Египта отражают как траекторию политического состояния страны, так и ее почти полную зависимость от глобальной ситуации в области здравоохранения. Очевидно, что пандемия навсегда изменит индустрию путешествий, поскольку люди стали больше беспокоиться о своем здоровье при планировании поездок.

Решение о частичной переориентации на внутренний туризм, а также на прием гостей из соседних арабских государств, оказалось своевременным. Однако цель усилий, прилагаемых абсолютно всеми, кто в той или иной степени задействован в туристическом секторе, не в том, чтобы наверстать упущенное количество денег, а в том, чтобы сделать Египет безопасным во всех отношениях туристическим направлением.

8 июля 2021 г. В.В.Путин подписал Указ № 411 о признании своего Указа № 553 от 8 ноября 2015 г. утратившим силу². Речь идет о возобновлении авиасообщения между нашими странами в полном объеме (рейсы в Каир были возобновлены в 2018 г.). Восстановление прямых перелетов на курорты Красного моря, несомненно, будут способствовать оживлению туристической отрасли Египта.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Васильев А.М. Цунами революций не спадает. *Азия и Африка сегодня*. 2011, № 6. Vasiliev A.M. 2011. The tsunami of revolutions doesn't decrease. *Aziya i Afrika segodnya*. № 6.
2. The World Bank. International tourism, number of arrivals. International tourism, receipts (current US\$) - Egypt - Arab Rep. <https://data.worldbank.org/indicator/ST.INT.ARVL?end=2019&locations=EG&start=1995&view=chart> (accessed 22.07.2021)
3. Oxford Business Group. Egypt sees growth in visitor numbers and tourism revenue. <https://oxfordbusinessgroup.com/overview/road-recovery-improving-visitor-numbers-and-sector-revenues-lead-renewed-optimis> (accessed 22.07.2021)
4. UNWTO World Tourism Barometer and Statistical Annex, update July 2020. <https://www.e-unwto.org/doi/abs/10.18111/wtobarometereng.2020.18.1.4> (accessed 22.07.2021)
5. Egypt's tourism sector projected to lose \$1 billion a month. But people well-being comes first: Minister of tourism. <https://english.ahram.org.eg/NewsContent/1/64/365399/Egypt/Politics-/Egyptys-tourism-sector-projected-to-lose--billion-a.aspx29.06.202> (accessed 23.07.2021)
6. Egypt's average arrivals in April 2021 50% of 2019 monthly median: El-Anani. <https://dailynewsegyp.com/2021/05/17/egypts-average-arrivals-in-april-2021-almost-50-of-2019-monthly-media> (accessed 23.07.2021)
7. Egypt fully vaccinates all tourism staff in Red Sea and South Sinai resorts. <https://english.ahram.org.eg/NewsContent/1/64/413501/Egypt/Politics-/Egypt-fully-vaccinates-all-tourism-staff-in-Red-Se.aspx> (accessed 23.07.2021)

Елькина Екатерина Алексеевна, научный сотрудник, Центр изучения стран Северной Африки и Африканского Рога, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Ekaterina A. Elkina, Researcher, Centre for North African and African Horn studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
15.07.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
12.08.2021

Принята к публикации (Accepted)
29.08.2021

² См.: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107080019> (accessed 23.07.2021)

Ислам, исламизм и экстремизм

DOI: 10.31857/S032150750016589-9

Оригинальная статья / Original article

Постисламизм: особенности, процессы и перспективы

© Хайруллин Т.Р.^а, 2021

^а Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-5418-2792
jumglaw16@yandex.ru

Резюме. Статья посвящена анализу такого неоднозначного явления, как постисламизм, который возник в качестве альтернативы подвергшимся в 1990-е гг. кризису идеям исламизма. Отличительной чертой постисламистских идей является их сочетаемость с принципами демократии в условиях глобализирующегося мира. В отличие от исламизма, постисламизм делает акцент на правах отдельно взятого человека вместо его обязанностей. Однако эти прогрессивные идеи не смогли стать полноценной заменой исламизму, поскольку снижение его популярности в конце XX в. оказалось временным. Успехи ряда исламистских партий в парламентских выборах в начале XXI в. стали тому подтверждением.

События «арабской весны» внесли существенные коррективы в идеологическую архитектуру региона. На волне падения авторитарных режимов и роста призывов к расширению прав и свобод человека произошла активизация исламистских движений - от умеренных до ультрадиректоральных. На фоне победы умеренных исламистов в парламентских выборах в Египте, Тунисе и Марокко вновь заговорили о наступлении фазы постисламизма. Однако неудачи исламистов в вопросах достижения политической власти и создания исламского государства являются, скорее, тактическим сдвигом в их политике, чем стратегическим. Немногие исламистские движения отказались от своей цели создания исламского государства с полноценным применением исламского права.

Поскольку исламизм неоднозначен, границы между ним и постисламизмом до сих пор размыты и неточны. Несмотря на это постисламизм представляет собой более интеллектуальный дискурс об исламе, его месте в современном мире и обществе.

Ключевые слова: исламизм, постисламизм, Ближний Восток, «Братья-мусульмане», Арабский мир, «арабская весна»

Для цитирования: Хайруллин Т.Р. Постисламизм: особенности, процессы и перспективы. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 9. С. 34-39. DOI: 10.31857/S032150750016589-9

Post-Islamism: Features, processes and prospects

© Timur R. Khayrullin^a, 2021

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-5418-2792
jumglaw16@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of such an ambiguous phenomenon as Post-Islamism, which emerged as an alternative to the ideas of Islamism that were subjected to the crisis in the 1990s. A distinctive feature of Post-Islamic ideas is their compatibility with the principles of democracy in a globalizing world. Unlike Islamism, Post-Islamism focuses on the rights of an individual instead of his duties. However, these progressive ideas could not become a full-fledged replacement for Islamism, since the decline in its popularity at the end of the XX century turned out to be temporary. The success of a number of Islamist parties in the parliamentary elections at the beginning of the XXI century became a confirmation of this.

The events of the Arab Spring have made significant adjustments to the ideological architecture of the region. In the wake of the fall of authoritarian regimes and the growth of democratic calls for the expansion of human rights and freedoms, Islamist movements from moderate to ultra-radical have intensified. Against the background of the victory of moderate Islamists in the parliamentary elections in Egypt, Tunisia and Morocco, they again started talking about the onset of a phase of Post-Islamism. However, the failures of the Islamists in achieving political power and creating an Islamic state are more a tactical shift in their policy than a strategic one. Few Islamist movements have abandoned their goal of creating an Islamic State with the full application of Islamic law.

Since Islamism is ambiguous, the boundaries between it and post-Islamism are still blurred and inaccurate. Despite this, post-Islamism is a more intellectual discourse about Islam and its place in the modern world and society.

Keywords: Islamism, post-Islamism, Middle East, Muslim Brotherhood, Arab World, Arab Spring

For citation: Timur R. Khayrullin. Post-Islamism: Features, processes and prospects. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 9. Pp. 34-39. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750016589-9

ВВЕДЕНИЕ

На рубеже 1970-1980-х гг. исламизм в его традиционной версии обрел свою силу в результате провала предшествовавших ему националистических проектов, представив себя в качестве альтернативного, перспективного и восходящего проекта. Однако исламисты столкнулись с репрессиями и политикой сдерживания со стороны светских авторитарных государств. По этому поводу французский исследователь Ф.Бюрга заявил, что провал или «неуместность» исламизма является, в первую очередь, результатом неспособности различных исламистских движений победить диктаторские режимы [1].

Другие зарубежные ученые заявили, что исламизм - т.е. целостная, популистская и часто революционная идеология, целью которой является создание исламского государства и управление всеми аспектами общества в соответствии с исламскими принципами - зашел в тупик [4; 5; 6; 7; 8]. В качестве выхода из кризисной ситуации предлагалась новая альтернативная модель в виде постисламизма.

Вот уже более трех десятков лет постисламизм находится в центре дебатов в академических кругах относительно исторической эволюции исламизма. Эта концепция была выдвинута в начале 1990-х гг. как попытка осмыслить очевидный кризис исламизма, развитие консервативной формы которого возглавила Саудовская Аравия. Роль саудовского королевства как ведущей исламистской силы оказалась частично подорвана действиями Ирака, захватившего Кувейт, и появлением американских войск на территории Саудовской Аравии. Помимо этого, активность саудовцев в продвижении исламистского проекта была замедлена падением цен на нефть в период 90-х гг. XX в. [32].

ПОСТИСЛАМИЗМ КАК РЕАКЦИЯ НА КРИЗИС ИСЛАМИЗМА

Впервые в научный оборот термин «постисламизм» был введен французским ученым Оливье Каром в 1991 г. в работе *«L'Utopie islamique dans l'Orient Arabe»* [2]. Наряду с ним родоначальниками постисламистской идеологии считаются, французский ученый Оливер Руа и американо-иранский исследователь Асеф Баят.

Для О.Кара постисламизм - это единственный вариант выхода мусульманской общественно-политической мысли из ловушки¹, в которую она попала с 1920-х гг., т.е. с начала антиколониальной борьбы [3; 2]. Изучая внутривнутриполитическую ситуацию в Иране А.Баят определил постисламизм как состояние, при котором после ряда экспериментов исчерпываются привлекательность, энергия, символы и источники легитимности исламизма даже среди его некогда ярых сторонников. Постисламизм представляет собой попытку объединить религиозность и права, веру и свободу. Это попытка перевернуть основополагающие принципы исламизма с ног на голову, сделав акцент на правах вместо обязанностей, плюрализме в пространстве единственного авторитарного голоса, историчности вместо фиксированного Священного Писания и будущем вместо прошлого [4]. При этом постисламизм не является антиисламским, а скорее отражает тенденцию к ресекюляризации религии. В первую очередь, он призывает ограничить политическую роль религии [5].

Схожей с А.Баятом точки зрения придерживается О.Руа, который утверждает, что исламисты во всем мире не смогли воплотить свою идеологию в конкретный и жизнеспособный план развития общества [6; 7]. Помимо этого, О.Руа считает, что переориентация исламистских движений и отдельных мусульман на религиозность и уход от политики является признаком провала политического ислама. Такой тенденции способствовали, глобализация и вестернизация как независимые переменные, оказавшие колоссальное влияние на сознание и поведение мусульман. На этом фоне, отказ исламистов от транснациональной солидарности и их новая ориентация на национальную политику являются еще одним признаком провала исламизма [6]. Неслучайно одна из его работ называется «Глобализированный ислам: поиск новой уммы» [7].

Несмотря на то, что исламисты не смогли прийти к власти в большинстве мусульманских стран, этот сдвиг можно трактовать как тактический, а не стратегический по своему характеру, поскольку немногие исламистские движения отказались от своей цели создания исламского государства с полноценным признанием исламского права.

Отметим, что исследования О.Кара, О.Руа и А.Баята утвердили в зарубежных академических кругах формирование постисламистского дискурса для обозначения того, что они считают изменением взглядов и стратегий исламистов после т.н. кризиса исламизма [8; 9; 10; 2; 6; 7].

Поскольку создание исламского государства является важнейшей целью исламистов и поскольку эта цель в чистом виде так и не была воплощена в жизнь, пакистанский ученый Х.Амин определил постисламизм в качестве новой интеллектуальной реакции и социальной тенденции в мусульманских обществах. Такая реакция и тенденция возникли в связи с многогранным кризисом идеи и практики создания идеального исламского государства [11]. По мнению американского исследователя Х.Лаузиере, немаловажное

¹ Под ловушкой, судя по всему, О.Кар имеет в виду формирование идеологии исламизма и его основной цели создания исламского государства в первой половине - третьей четверти XX в., которая так и не была достигнута. Эта цель в чистом виде для постисламистов утопична (прим. авт.).

значение здесь играет то, что в исламизме реисламизация (создание исламского государства) идет сверху вниз, в то время как в постисламизме - снизу вверх [12].

Разделяя идеи А.Баята об особенностях постисламизма, Х.Амин отмечает, что постисламисты отошли от спора исламского и светского государства в пользу демократического государства, и что постисламисты отказались от исламистских представлений об исламизации государства и сосредоточились на идее реисламизации личности и общества. Например, в постисламистском дискурсе *джихад* (в противовес идеям С.Кутба и М.Маудуди²) в смысле вооруженной борьбы становится инструментом защиты человеческой свободы и поддержания правопорядка, а не священной самоцелью в деле распространения религии и не вооруженным джихадом, а оборонительным [11].

Профессор из сингапурского исследовательского центра М.Осман определяет постисламизм как отказ от строгого соблюдения исламских законов и сосредоточение на более эгалитарных аспектах ислама, таких как социальная справедливость, защита прав человека и создание политической системы, свободной от коррупции [13].

В постисламистской интерпретации, исламизм как политическая идеология «обращена в прошлое», в то время как постисламизм является идеологией, которая в состоянии подстроиться под современные реалии и не несет угрозы политическим системам. Отметим, что поскольку исламизм неоднозначен, границы между ним и постисламизмом до сих пор размыты и неточны. В любом случае постисламизм представляет собой более интеллектуальный дискурс об исламе и его месте в современном мире и обществе.

ИРАН И ТУРЦИЯ КАК «ПИОНЕРЫ ПОСТИСЛАМИЗМА»

Первым примером постисламизма, по мнению одного из идеологов данного направления А.Баята, был Иран.

Кульминацией исламистских процессов в Иране стала громкая победа Исламской революции над режимом шаха в 1979 г. Постепенный переход к постисламизму произошел позже, после того как политическое разочарование началось в Иране в середине 1980-х гг. и усилилось в начале 1990-х гг. с приходом к власти либерально настроенной элиты, которая не верила в осуществимость «экспорта исламской революции» по всему мусульманскому миру.

Очевидный прагматизм нового подхода к исламистскому проекту заключался в стремлении исламизировать те общины и государства, которые проявляют лояльность по отношению к Тегерану. Во внутренних делах, по мнению А.Баята, постисламизм выражался в идее слияния ислама (как персонифицированной веры) с индивидуальной свободой и выбором, ассоциируясь с ценностями демократии и аспектами современности [4; 5].

Следующим успешным примером, по мнению постисламистов, является Турция.

Правящая исламистская Партия справедливости и развития (ПСР) представила интересный пример того, как неудачи исламистов в правительстве в середине 1990-х гг. привели к их переосмыслению и, в конечном итоге, приходу к власти ПСР в 2003 г. Победив на выборах, ПСР изменила свои приоритеты с глобальной шариатизации на демократию и национальное государство. Более того, при исламистах сохранилась многопартийная демократия и наблюдался значительный экономический рост [14; 15]. ПСР отрицает, что является исламистской партией, а ее лидер Р.Т.Эрдоган выступает за неосекюляризм, который, по его мнению, не противоречит исламу [16].

В своем исследовании развития постисламизма в Турции ученые из австралийского аналитического центра Энтони Бубало, Грег Фили и Уит Мейсон измеряют его по 6-ти переменным. К ним относятся - смещение акцента с цели создания государства, обеспечивающего соблюдение шариата, на пропаганду шариатских ценностей; все большее внимание уделяется «благочестивому» управлению, а не «исламскому» управлению; все большее внимание уделяется моральной привлекательности исламистских кандидатов, а не их соответствию кораническим посланиям; растущее разнообразие членства в исламистских партиях и движениях; рост терпимости к оппозиции и, наконец, плюрализм мнений в политике, поскольку различные фракции соперничают за контроль в формировании повестки дня в демократическом контексте [17].

Несмотря на то, что на рубеже 1990-2000 гг. Иран и Турция предприняли активные действия в сторону демократизации, отнесение их моделей государственно-политического развития к постисламистским является, на наш взгляд, преждевременным.

К примеру, в Турции расширение гражданских прав в начале 2000-х гг. связано со стремлением государства войти в Европейский Союз. Несмотря на то, что ПСР отрицает свою принадлежность к разряду исламистских партий, она имеет тесные связи с транснациональной организацией «Братья-мусульмане» [18]. В 2008 г., ПСР в ходе разбирательств в Конституционном суде с большим трудом избежала своего закрытия из-за обвинений в нарушении «секулярных» статей конституции [19]. События «арабской весны» подтвердили «поворот Турции на Восток», когда она совместно с Катаром предприняла активные действия по поддержке «Братьев-мусульман» в ряде арабских стран для укрепления своих региональных пози-

² С.Кутб (1906-1966) и М.Маудуди (1903-1979) - мусульманские философы и богословы; теоретики исламизма, в т.ч. его радикального направления (прим. авт.).

ций [20]. Что касается концепции секуляризма правящей исламистской партии, то она имеет существенные отличия от классической интерпретации секуляризма и носит, скорее, тактический характер, чтобы показать, что Турция является развитым демократическим государством.

В Иране политика либерализации политической, экономической и социальной жизни, а также терпимого отношения к культуре и установления более тесных связей со странами Запада в период 1990-х гг., сменилась консервативно-охранительной политикой президента М.Ахмадинежада, выступавшего за возрождение традиционной исламской культуры и ограничение внешнеполитических связей со странами Запада.

Более того, применимость идей постисламизма в рассматриваемый период была поставлена под сомнение, поскольку некоторые исламистские партии, далекие от политического истощения, на протяжении 2000-х гг. доказывали, что их электоральный потенциал все еще силен и что достижение политической власти является важнейшей целью. К примеру, репрессии и жесткие ограничения в избирательных правилах не помешали египетским «Братьям-мусульманам» показать хорошие результаты на выборах в законодательные органы в 2005 г. Марокканская Партия справедливости и развития также хорошо зарекомендовала себя на рубеже 1990-х - 2000-х гг., показав позитивную динамику роста депутатских мандатов в законодательном органе страны.

ПОСТИСЛАМИЗМ И «АРАБСКАЯ ВЕСНА»

«Арабская весна» вызвала очередную волну предсказаний о «закате исламизма» и наступлении нового «постисламистского рассвета» [21; 22]. Призывы народных масс в революционных событиях к справедливости и демократии расценивались как «критика исламизма изнутри и извне», и проявление воли «постисламистского общества», которое хочет выйти за рамки традиционной исламской политики, подчеркивая права людей, а не только их обязанности.

По мнению А.Баята, провал исламизма в период событий «арабской весны», по-видимому, ведет прямо к либеральной демократии в рамках светского гражданского государства с сохранением «благочестивого общества» [23]. Описывая новое постисламистское общество западноевропейский исследователь Ф.Каваторта, использует термин «новые исламисты» при описании новой религиозности, связанной с арабским восстанием и спонтанным сотрудничеством с институционализированным политическим исламом [24; 25].

В период событий «арабской весны» новыми примерами построения постисламистского общества стали Тунис и Марокко. Успех «Братьев-мусульман» в Египте, судя по всему, трудно вписывается в постисламистскую парадигму из-за его кратковременности и неспособности египетских исламистов удержаться на политической арене.

Тунисская исламистская партия «Возрождение» (ан-Нахда), продемонстрировала твердую готовность идти на компромисс и принимать консенсусные решения, далекие от ее первоначальных исламистских идеологических принципов [26]. Итогом парламентских выборов 2011 г. стала убедительная победа ан-Нахды, получившей 89 мест из 217. Пройдя в парламент созыва 2011-2014 гг., исламисты образовали парламентскую коалицию «Тройка» с Демократическим форумом за труд и свободы и Конгрессом за республику, заняв в совокупности 138 депутатских кресел и получив тем самым возможность оказывать доминирующее влияние на работу тунисского парламента [20].

Тактическое сближение ан-Нахды с неисламистскими партиями показывает ее прагматизм, а также способность идти на компромисс ради достижения общих целей - переходу от авторитаризма к демократии. Лидер ан-Нахды Р.Аль-Ганнуши не раз высказывался о совместимости ислама с демократическими ценностями и выступал за достижение справедливости и свободы в тунисском обществе [27]. Однако продвигаемая умеренными исламистами политика сочетаемости ислама с элементами демократии затормозилась, когда парламентские выборы 2014 г., проведенные на основе новой конституции, не позволили исламистам закрепиться у власти. Партия «Возрождение» набрала 28% голосов и сформировала вторую по численности депутатскую фракцию в парламенте. Исламисты были отстранены от активной политики, однако, в отличие от египетских «Братьев-мусульман», сумели остаться на политической арене.

В Марокко исламистская Партия справедливости и развития (ПСР), воспользовавшись благоприятной политической конъюнктурой, выступала за расширение прав и свобод марокканского народа. Демократические лозунги позволили ПСР достичь победы на парламентских выборах 2011 г., а ее представителю возглавить правительство. Несмотря на то, что законодательные возможности ПСР постоянно сдерживались королевской властью, ей удалось повторить успех на следующих парламентских выборах 2016 г. и остаться на политическом олимпе. По мнению бельгийского исследователя С.Земни, ПСР является постисламистской в том смысле, что она не столько стремится восстановить «первоначальный исламский город времен пророка», сколько пытается создать социальный порядок, в котором справедливость гарантирована через уважение к исламским ценностям, которые имеют свою генеалогию в священных текстах [28].

Если примеры Ирана и Турции относительно построения постисламистского общества носят неустойчивый и сомнительный характер, то модели, которые приблизились к преобразованиям политического ислама, основанным на интеграции в демократический выбор, гражданское государство и разделение ре-

лигии и политики в опыте Туниса и Марокко, по-видимому, предполагают успехи, приближающиеся к сути постисламистской идеи.

Отметим, что на фоне активизации умеренных исламистских партий, на политическую арену в ряде арабских государств региона вышли салафитские партии, что говорит о существенных сдвигах в традиционной салафитской доктрине [31]. Однако активизация салафитов, по мнению теоретиков постисламизма, не вписывается в постисламистский дискурс. В частности, А.Баят призывает не принимать всерьез «политизацию салафитов» и считать это исключением в постисламистских трансформациях «арабской весны» [23]. Для О.Руа салафизм как идеология совершенно неуместна. Участие салафитов в политической борьбе объясняется им тем, что без парламентского присутствия они потеряли бы свое влияние в постисламистском будущем [23; 29].

Опираясь на исследования А.Баята и О.Руа, шведский исследователь М.Холдо отмечает, что в рамках постисламистской фазы, наступивший в результате «арабской весны» активизировались не только салафитские движения (вопреки отрицанию роли салафитов А.Баятом и О.Руа) но и феминистские движения, и «революционная» молодежь [30]. Эти три компонента, по мнению М.Холдо стали важными составляющими в формировании постисламистского общества.

Отметим, что поскольку салафизм в своей основе устремлен «в прошлое» и стремится возродить «чистый ислам» каковым он был во времена пророка Мухаммада и четырех праведных халифов, он ни в какой форме (направления в исламе либо консервативного салафитского исламизма) не может быть связан с прогрессивными идеями постисламизма. Только либерально настроенные умеренные исламисты могли дать развитие постисламистским идеям, которые могли быть продемонстрированы исламистскими партиями в Тунисе и Марокко, связанными идеологическим родством с «Братьями-мусульманами».

Неспособность исламистов в полной мере достичь заявленных целей в период событий «арабской весны» необязательно следует интерпретировать как провал исламизма, как утверждали А.Баят и О.Руа. С другой стороны, достижение умеренными исламистами политической власти внутри отдельных государств (Тунис, Марокко), а также выступление за совмещение ислама и демократии, говорит об изменяющейся природе исламистской идеологии, которая открывает его новые модификации. Появление среди прочих постисламистской интерпретации этих событий как раз говорит об этом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Довольно оперативное реагирование научного сообщества на кризис исламизма и появление постисламистских идей в начале 1990-х гг. является смелой и прогрессивной попыткой дать начало новому самостоятельному этапу, который бы сменил исламистские и предшествовавшие им националистические проекты. Однако эта попытка была преждевременной, поскольку кризис исламизма носил временный характер. Примеры Турции и Ирана на рубеже 1990-х - 2000-х гг. оказались сомнительными и неустойчивыми. Активизация исламистских партий и движений на протяжении 2000-х гг. доказывали, что их электоральный потенциал все еще силен и что достижение политической власти является важнейшей целью. Здесь можно согласиться с американским ученым Х.Лозьером, отмечавшим еще в 2005 г., что постисламистские идеи находятся в зародышевом состоянии [12].

Трансформационные сдвиги, произошедшие в период событий «арабской весны» показали глубокий потенциал и практическую применимость идей постисламизма. Однако пока рано списывать со счетов исламизм как идеологический этап, поскольку неудачи исламистов в вопросах достижения политической власти и создания исламского государства являются, скорее, тактическими, чем стратегическими. Немногие исламистские движения отказались от своей цели создания исламского государства с полноценным применением исламского права.

На наш взгляд, неудачи исламизма в 1990-е гг. и в период событий «арабской весны» являются его временным кризисом, который имеет циклический характер. Так называемый постисламизм, несмотря на свою заявку на самостоятельный идеологический этап, представляет собой лишь направление в исламизме.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Burgat F. 2005. Face to face with political Islam. London/NewYork: I.B. Tauris & Co.
2. Carre O. 1991. L'Utopie islamique dans l'Orient Arabe. Presses de la Fondation Nationale des Sciences Politiques: Paris.
3. García L.G. 2012. Post-Islamism, the Failure of an Idea: Regards on Islam and Nationalism from Khomeini's Death to the Arab Revolts. *Religion Compass*. Vol. 6, № 10. Pp. 451-466.
4. Bayat A. 2007. Making Islam Democratic. Social Movements and the Post-Islamist Turn. Stanford: Stanford University Press.
5. Bayat A. 1996. The Coming of a Post-Islamist Society. *Critique: Journal for Critical Studies of the Middle East*. Vol. 5, № 9. Pp. 43-52.
6. Roy O. 1999. Le post-islamisme. *Revue des Mondes Musulmans et de la Méditerranée*. Vol. 85, № 1. Pp. 11-30.
7. Roy O. 2004. Globalized Islam: The Search for a New Ummah. New York: Columbia University Press.
8. Kepel G. 2002. Jihad: The Trial of Political Islam, 2nd ed., London: I.B.Tauris.
9. Kepel G. 2004. The War for Muslim Minds: Islam and the West. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press.

10. Schulze R. 1998. The Ethnization of Islamic Cultures in the Late 20th century or From Political Islam to Post-Islamism. *Islam: Motor or Challenge of Modernity*, Yearbook of the Sociology of Islam. № 1. Pp. 187-198.
11. Amin H. 2010. From Islamism to Post-Islamism: A Study of a New Intellectual Discourse on Islam and Modernity in Pakistan. Pakistan: Dissertation.
12. Lauzière H. 2005. Post-Islamism and the Religious Discourse of 'Abd al-Salam Yasin. *International Journal of Middle East Studies*. Pp. 241-261.
13. Osman M.N.M. 2008. Reforming PAS: From Islamism to post-Islamism. Singapore: Rajaratnam School of International Studies Commentaries.
14. White J. 2005. The End of Islamism? Turkey's Muslimhood Model. Hefner R. ed., *Remaking Muslim Politics: Pluralism, Contestation, Democratization*. Princeton: NJ. Pp. 87-111.
15. Crowder G., Griffiths M., Hasan M. 2014. Islam, Islamism, and Post-Islamism: Rediscovering Politics after the War on Terror. *Australian Journal of Politics & History*. Vol. 60, № 1. Pp. 110-124.
16. Kuru A.T. 2013. Muslim politics without an "Islamic state": can Turkey's justice and development party be a model for Arab Islamists? Policy Briefing. Doha: Brookings Doha Center.
17. Bubalo A., Fealy G., Mason W. 2008. Zealous Democrats: Islamism and Democracy in Egypt, Indonesia and Turkey Australia: Lowy Institute Paper.
18. Хайруллин Т.Р. Борьба за лидерство в арабском регионе. Есть ли шанс для исламистов? М., ИАФР РАН, 2019. 214 с. ISBN 978-5-91298-243-9.
- Khayrullin T.R. 2019. The Struggle for Leadership in the Arab region. Do Islamists have a Chance? Moscow. (In Russ.). ISBN 978-5-91298-243-9.
19. Chamkhi T. 2014. Neo-Islamism in the post-Arab spring // *Contemporary Politics*. Vol. 20, № 4. Pp. 453-468.
20. Васильев А.М., Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Новый альянс в борьбе за лидерство в арабском регионе. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 10. С. 2-9. DOI: 10.31857/S032150750006519-2
- Vasiliev A.M., Khayrullin T.R., Korotayev A.V. 2019. Qatari-Turkish Alliance challenge for regional leadership. *Asia and Africa today*. № 10. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750006519-2
21. Dabashi H. 2012. The Arab Spring: The End of Postcolonialism. London: Zed Books.
22. Bayat A. (ed.). 2013. Post-Islamism: The Many Faces of Political Islam. New York: Oxford University Press.
23. Bayat A. 2013. Arab Spring and its Surprises. *Development and Change*. Vol. 44, № 3. Pp. 587-601.
24. Cavatorta F. 2012. The success of 'renaissance' in Tunisia and the complexity of Tunisian Islamism. Madrid: The International Political Science Association Conference Paper.
25. Cavatorta F. 2012. The war on terror and the transformation of political Islam. *Religion Compass*. Vol. 6, № 3, Pp. 185-94.
26. Kömüçüoğlu U. 2014. Islamism, Post-Islamism, and Civil Islam. *Current trends in Islamist ideology*. Vol. 16. Pp. 16-32.
27. Cavatorta F., Merone F. 2015. Post-Islamism, ideological evolution and 'la tunisianité' of the Tunisian Islamist party al-Nahda. *Journal of Political Ideologies*. Vol. 20, № 1. Pp. 27-42.
28. Zemni S. 2013. Moroccan Post-Islamism: emerging trend or chimera. Post-Islamism: The Changing Faces of Political Islam. New York: Oxford University Press, Pp. 134-156.
29. Roy O. 2012. The transformation of the Arab world. *Journal of Democracy*. Vol. 23, № 3. Pp. 5-18.
30. Holdo M. 2017. Post-Islamism and fields of contention after the Arab Spring: feminism, Salafism and the revolutionary youth. *Third World Quarterly*. Vol. 38, № 8. Pp. 1800-1815.
31. Хайруллин Т.Р. 2020. Политизация салафизма на Ближнем Востоке и в Северной Африке. *Азия и Африка сегодня*. № 12. С. 19-26. DOI: 10.31857/S032150750012794-5
- Khayrullin T.R. 2020. Politization of Salafism in the Middle East and North Africa. *Asia and Africa today*. № 12. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750012794-5
32. Vasiliev A.M. 2020. The Wahhabis and the Muslim Brothers: From Alliance to Alienation. Regional and Global Implications. *Journal of Globalization Studies*. Vol. 11, № 2. Pp. 55-62.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Хайруллин Тимур Радикович кандидат политических наук, научный сотрудник, Центр цивилизационных и региональных исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Timur R. Khayrullin, PhD (Political Science), Researcher, Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
25.06.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
07.08.2021

Принята к публикации (Accepted)
25.08.2021

Камерун: радикализация ислама и экспансия «Боко Харам»

© Денисова Т.С.^{a,c}, Костелянец С.В.^{a,b,d}, 2021

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

^c ORCID ID: 0000-0001-6321-3503; tsden@hotmail.com

^d ORCID ID: 0000-0002-9983-9994; sergey.kostelyanyets@gmail.com

Резюме. Радикализация ислама в Камеруне быстро меняет религиозный ландшафт страны и способствует распространению религиозной нетерпимости. В отличие, например, от соседних Нигерии и Центральноафриканской Республики Камерун ранее редко сталкивался с серьезными проявлениями межконфессиональной напряженности, однако в последние годы традиционный суфийский ислам все больше вытесняется идеологией ваххабизма. Ваххабизм быстро распространяется не только на севере страны, но и на юге, до недавнего времени населявшемся преимущественно христианами и анимистами. Распространение ваххабизма активно поддерживается и финансируется Саудовской Аравией, Кувейтом, Катаром и Египтом. Суфизм же, последователями которого являются в основном *фулани*, проживающие в северных районах, постепенно утрачивает свои позиции. Специфическая интерпретация ислама ведет к дестабилизации религиозной и общественной политической жизни, а коранические школы и лагеря беженцев становятся «инкубаторами террористов».

Рост влияния радикального ислама в Камеруне в значительной степени обусловлен экспансией на территорию страны террористической организации «Боко Харам»; одним из следствий этого является присоединение камерунцев, вдохновленных призывами к «очищению ислама» и введению законов шариата, к этой вооруженной исламистской группировке. Как и в других африканских странах, радикализация ислама сопровождается активизацией террористической деятельности, ведущей к обострению внутривнутриполитической обстановки, к росту числа беженцев, к ухудшению социально-экономического положения населения и т.д.

Неспособность камерунского правительства противостоять террористической деятельности на севере страны в недалеком будущем может привести к эскалации военно-политического конфликта на религиозной почве в условиях политической нестабильности, которую Камерун переживает в настоящее время.

Ключевые слова: Камерун, радикализация ислама, «Боко Харам», вооруженные конфликты, «экономика терроризма», Польша Бийя

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта РНФ № 21-18-00123 «Анализ и моделирование развития Африки в контексте внешнеполитических интересов России».

Для цитирования: Денисова Т.С., Костелянец С.В. Камерун: радикализация ислама и экспансия «Боко Харам». *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 9. С. 40-48. DOI: 10.31857/S032150750016590-1

Cameroon: The radicalization of Islam and the expansion of Boko Haram

© Tatyana S. Denisova^{a,c}, Sergey V. Kostelyanets^{a,b,d}, 2021

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b HSE University, Moscow, Russia

^c ORCID ID: 0000-0001-6321-3503; tsden@hotmail.com

^d ORCID ID: 0000-0002-9983-9994; sergey.kostelyanyets@gmail.com

Abstract. The radicalization of Islam in Cameroon is quickly changing the country's religious landscape and contributing to the spread of religious intolerance. Unlike, for example, neighboring Nigeria and the Central African Republic, previously Cameroon rarely faced serious manifestations of sectarian tensions, but over the past 10-15 years traditional Sufi Islam has been increasingly supplanted by the ideology of Wahhabism. Wahhabism is rapidly spreading not only in the north of the country, but also in the south, which until recently was inhabited mainly by Christians and animists. The spread of Wahhabism is actively supported and funded by Saudi Arabia, Kuwait, Qatar and Egypt. Sufism, the followers of which mainly include Fulani living in the northern regions, is gradually losing its position. The specific interpretation of Islam leads to the destabilization of religious and public political life, and Koranic schools and refugee camps become "incubators of terrorists".

The growing influence of radical Islam in Cameroon is largely due to the expansion of the terrorist organization Boko Haram into the country; one of the consequences of this is the broadening affiliation of Cameroonians, inspired by calls for the cleansing of Islam and the introduction of Sharia law, with this armed Islamist group. As in other African countries, the radicalization of Islam is accompanied by the intensification of terrorist activities, leading to an exacerbation of the internal political situation, an increase in the number of refugees, and the deterioration of the socio-economic situation of the population, etc.

The failure of the Cameroonian government to counter terrorist activities in the north of the country in the near future may lead to an escalation of the military-political conflict on religious grounds in the context of political instability that Cameroon is experiencing at the moment.

Keywords: Cameroon, radicalization of Islam, Boko Haram, armed conflicts, "economics of terrorism", Paul Biya

For citation: Denisova T.S., Kostelyanets S.V. Cameroon: The radicalization of Islam and the expansion of Boko Haram. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 9. Pp. 40-48. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750016590-1

ВВЕДЕНИЕ

Рост исламского радикализма в Камеруне быстро меняет религиозный ландшафт страны и способствует формированию климата религиозной нетерпимости. В последние годы традиционный суфийский ислам все больше вытесняется идеологией ваххабизма, который быстро распространяется на Юге Камеруна, до недавнего времени населенном преимущественно христианами и анимистами. Суфизм же, распространенный, в основном, среди *фулани*, проживающих в северных районах страны, постепенно утрачивает свои позиции.

Южнокамерунские ваххабиты - в основном молодежь. Многие получили образование в Судане и в странах Персидского залива, общаются между собой на арабском и выступают против контроля фулани над мусульманским сообществом. В значительной степени благодаря именно южанам доля мусульман в религиозном составе населения с середины 2000-х гг. к настоящему времени увеличилась почти на 5% - с 21% до 26%¹ (примерно 7 млн человек, при населении страны ок. 28 млн в 2020 г.). Мусульмане составляют большинство на Севере и в западном городе Фумбан, но их становится все больше в столице страны Яунде и в другом крупном городе - Дуала.

Разногласия между последователями суфизма и ваххабизма разделили мусульманские общины и уже привели к многочисленным столкновениям между отдельными группами населения. Наиболее опасная ситуация сложилась на севере Камеруна, т.к. в этом регионе она усугубляется присутствием террористической организации «Боко Харам» или, точнее, двумя фракциями, на которые в 2016 г. раскололось движение, - «Западноафриканской провинцией «Исламского государства»» (ЗАПИГ, *“The Islamic State’s West Africa Province”, ISWAP*) и *“Jama’atu Ahlis Sunna Lidda’awati wal-Jihad”*, по-прежнему называющейся «Боко Харам».

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИСЛАМА В КАМЕРУНЕ

Ислам начал распространяться в Камеруне после 1715 г. в результате расширения империи Борну и халифата Сокото на территории бассейна озера Чад. Империя Борну существовала до 1893 г. - до завоевания ее суданским работорговцем Рабихом аз-Зубайром - на территориях, включавших сегодняшние северо-восточную Нигерию и части Чада, Нигера и Камеруна [1, р. 13]. XIX век был эпохой бурного социально-экономического и политического развития этого региона, и именно «блестящее прошлое» в значительной степени обусловило стремление к «блестящему настоящему» и побудило нынешних лидеров исламистов приступить к формированию в бассейне озера Чад нового Халифата.

В XVIII в. в ислам было обращено население плато Адамава в Северном Камеруне, в XIX в. основан эмират Адамава - теократическое государство, управлявшееся по законам шариата. Эмират был разделен на административные единицы - *ламидаты*, во главе с традиционными/духовными вождями - *ламибе* [2, р. 19]. *Ламибе* создали эффективные механизмы принудительной исламизации местного населения и мобилизации подданных для участия в джихаде, направленном против последователей традиционных верований, т.е. исламский радикализм пустил глубокие корни в регионе.

В течение столетий различные районы бассейна озера Чад подвергались многочисленным вторжениям «воинов Аллаха», мотивированных религиозными амбициями, желанием подчинить себе местные племена и взять под контроль местную экономику [3, р. 29]. С XVIII в. эволюция ислама в Северном Камеруне была связана с насилием на религиозной почве, которое в XXI в. обрело форму терроризма.

Ко времени немецкой колонизации в конце 1880-х гг. большая часть этого региона - периферии халифата Сокото - находилась под мусульманским влиянием, причем и в колониальный период *ламибе* северокамерунских городов Гаруа и Маруа сохраняли свое могущество². Однако благодаря деятельности европейских миссионеров в колонии стало распространяться христианство - преимущественно на севере среди анимистов, продолжавших сопротивляться исламизации. К началу XX в. территория колонии фактически была разделена на две зоны - христианский юг и мусульманский север, хотя распространение обеих религий не ограничивалось определенными географическими районами.

¹ Cameroon: The Threat of Religious Radicalism. *Africa Report*, № 229. ICG. 3 September 2015. Pp. 6-7. <https://d2071andvip0wj.cloudfront.net/229-cameroon-the-threat-of-religious-radicalism.pdf> (accessed 28.04.2021)

² Cameroon: Fragile State? *Africa Report*, № 160. ICG. 25 May 2010. P. 20. <https://www.crisisgroup.org/africa/central-africa/cameroon/cameroon-fragile-state> (accessed 27.04.2021)

В настоящее время северяне примерно поровну представлены мусульманами и христианами. Их сосуществование и до появления на Севере «Боко Харам» характеризовалось религиозной нетерпимостью и иногда выливалось в вооруженные столкновения между общинами. Следует отметить, однако, что современные исламисты в своих действиях полагаются не только на мусульманское население: это показывает, что конфликт, распространившийся из Нигерии на соседние страны, в том числе Камерун, являясь, с одной стороны, «религиозной войной», как его хотят представить лидеры террористической группировки, в значительной степени обусловлен экономическими и политическими интересами исламистов.

В свою очередь, на Юге Камеруна королевство Бамум приняло ислам в конце XIX в.; затем он распространился на центральные районы страны. Это был ислам суфийского толка, представленный тремя суфийскими братствами: *тиджанийей*, *кадирийей* и *махдией*.

Тиджанийя до сих пор остается в Камеруне самым крупным орденом. Его основные центры находятся в северной части страны и в Фумбане. Имамы тиджанийи (*ламибе*) по-прежнему пользуются большим авторитетом и дают местным жителям советы по различным проблемам повседневной жизни. Исторически они в основном получали образование в Майдугури на северо-востоке Нигерии и потому сохранили тесные связи со своими нигерийскими соседями. К настоящему времени в Камеруне образовалось много исламских духовных учреждений, и имамы начали проходить обучение в своей стране, но постепенно административные функции *ламибе* начали вытесняться полномочиями местных властей, а традиционный ислам - переживать упадок [1, р. 4].

Первый президент (1960-1982) Камеруна - мусульманин-фулани Ахмаду Ахиджо - в течение всего срока своего правления сохранял тесные связи с северными имамами и оказывал им экономическую и политическую поддержку, хотя она была прагматичной и не предоставляла северянам реальных властных полномочий. Тем не менее, Ахиджо препятствовал христианизации Севера, одновременно пытаясь сдерживать и исламский радикализм путем принятия указов, ограничивавших привилегии имамов [2, р. 24].

Нынешний (с 1982 г.) глава государства, южанин-христианин Поль Бийя, в начале 1960-х гг. служивший чиновником по особым поручениям в канцелярии президента и обязанный Ахиджо своим восхождением по лестнице политической иерархии, после предпринятой северянами в 1984 г. попытки государственного переворота и жесткого ее подавления утратил значительную часть поддержки северной мусульманской элиты [4].

Отчасти обострением отношений между центральными властями и политическими и религиозными элитами Севера можно объяснить долгое игнорирование правительством Бийи как социально-экономических, так и военно-политических проблем региона, в т.ч. и террористической деятельности «Боко Харам».

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВАХХАБИЗМА

С начала 1960-х гг. в Камеруне начали развиваться ваххабитские³ тенденции возвращения к «подлинному» исламу. Инициаторами этого движения стали выпускники коранических учебных заведений и бывшие «стажеры» арабских салафитских центров, действующих в странах Северной Африки и Персидского залива. Молодые исламские интеллектуалы приступили к трансформации африканского ислама, лишив его местной специфики - привнесения в него обычаев и традиций, свойственных африканской культуре. Распространение ваххабизма, прежде всего, началось в университетских кампусах, где появились группы «наставников», проводивших соответствующую работу среди студентов и делавших акцент на «личном благочестии» и «правильном поведении» в общественной и частной жизни. Рост влияния в Камеруне мусульманского фундаментализма произошел и под воздействием Исламской революции 1979 г. в Иране, подтолкнувшей африканцев, в т.ч. камерунцев, особенно радикально настроенную молодежь и местных имамов, к принятию ваххабизма, предполагавшего строгое соблюдение этико-нормативных принципов Корана.

Факторами, приведшими к распространению исламского радикализма в Камеруне, также послужили восстание, организованное в начале 1980-х гг. в северонигерийском городе Кано сектой «Майтаине» (на языке *хауса* - «тот, кто проклинает»), и отступление его участников - под напором нигерийской армии - в пограничные районы Камеруна [5, р. 62]. Главой секты был камерунец по происхождению альхаджи Мохаммед Марва (1927-1980), который прибыл в Кано примерно в 1970 г. и возглавил движение за очищение ислама и против приверженцев других религий. После убийства Марвы во время беспорядков 1980 г. его соратники переместились в страны, граничащие с северо-восточными районами Нигерии, где создали ряд экстремистских ячеек [6, р. 101].

³ Ваххабиты считают себя приверженцами салафии - движения в суннитском исламе, объединяющего мусульманских религиозных деятелей, в разные периоды истории выступавших с призывами ориентироваться на образ жизни и веру ранней мусульманской общины, на праведных предков (*прим. авт.*).

Распространение ваххабизма усилилось с середины 1980-х гг. В настоящее время ваххабитами являются 10% (около 700 тыс.) камерунских мусульман [7, р. 4]. Насажение ваххабизма активно поддерживается и финансируется Королевством Саудовская Аравия (КСА), Кувейтом, Катаром и Египтом. КСА в Камеруне создает исламские институты, строит мечети, поддерживает проекты развития, занимается распространением Корана на французском языке, открывает курсы арабского и библиотеки, в которых содержатся, кроме исламской литературы, книги по физике, химии, литературе и другим предметам, что привлекает многочисленных студентов и школьников; при участии КСА был основан Университет в Нгаундере - административном центре провинции Адамава и Исламский комплекс Цинга (*Tsinga Islamic Complex*) в Яунде⁴.

Молодые камерунцы изучают исламское право и нерелигиозные предметы в Исламском университете Медины и египетском «Аль-Азхар», после окончания которых, а также после подготовки в салафитских центрах исламского обучения в Камеруне выпускники интегрируются в местное духовенство и постепенно берут под свой контроль школы, мечети, религиозные ассоциации и СМИ. Центры ваххабизма появились в провинции Адамава, в Дуале, Яунде, Бафии и в других городах. Хотя ваххабиты составляют пока меньшинство мусульман, движение растет. Исламский комплекс Цинга, которым руководит саудовец, имеет большую популярность, нежели центральная мечеть Брикетери, которая контролируется братством *тиджанийя*⁵. Подъем ваххабизма проявляется, в частности, во введении новых стандартов в брачные церемонии и похоронные ритуалы, в создании больниц, в которых только женщины-врачи могут лечить пациентов-женщин, и т.д.

Но роль ваххабизма растет и благодаря тому, что последователи этого течения с готовностью откликаются на потребности населения, строя медицинские центры, школы, мечети и колодцы; финансируют проекты развития. Быстрое распространение ваххабизма на Юге объясняется тем, что, в отличие от Севера, здесь нет *ламибе*, которые могли бы контролировать деятельность мечетей.

Однако распространение ваххабизма в Камеруне происходило не без проблем. Попытки ваххабитов обосноваться в Дуале и Яунде в 1990-х гг. спровоцировали серьезные, сопровождавшиеся насилием, конфликты между мусульманскими общинами. Столкновения между ваххабитами и последователями *тиджанийя* заканчивались кровопролитием в 2000, 2002, 2003, 2004 и 2012 гг. в Яунде, Кутабе, Бафии и других городах. Главная причина раздора состояла в навязывании ваххабитами радикального ислама и в отрицании местных культурных традиций.

Появление радикальных религиозных групп на Юге в сочетании с присутствием «Боко Харам» на Севере в последние два десятилетия заметно изменило ситуацию относительной религиозной терпимости, которой Камерун в постколониальный период отличался, например, от соседней Нигерии. В радикализации ислама и в обострении межконфессиональных отношений в Камеруне были повинны преимущественно молодые мусульмане-южане, в то время как суфийский ислам, который был представлен в основном северянами, постепенно начал приходить в упадок.

Таким образом, на Севере Камеруна ваххабизм пока не получил такого распространения, как на Юге. Большинство мусульман-северян остаются последователями тариката *тиджанийя*, особенность которого в Камеруне состоит в сакрализации *ламибе* и членов их семей. Однако и в северных районах некоторые имамы все больше сближаются с ваххабитами. Ваххабитскому прозелитизму способствует бесплатное образование в ваххабитских школах - в отличие от традиционных коранических учебных заведений.

«БОКО ХАРАМ» И РАДИКАЛИЗАЦИЯ ИСЛАМА НА СЕВЕРЕ СТРАНЫ

Появление салафитской организации «Боко Харам» в Камеруне датируются 2004 г., когда после беспорядков в нигерийском городе Канамма и последовавших репрессий нигерийские исламисты начали искать убежище в камерунских горах Мандара. Вскоре исламисты начали свободно перемещаться по территории бассейна озера Чад, и террористическая угроза обрела региональный характер. В результате выросло число нападений на гражданских лиц и военные объекты в Северном Камеруне, в южном Нигере и западном Чаде. Камерун стал второй после Нигерии наиболее пострадавшей территорией, где в 2010-е гг. наблюдались частые вспышки насилия.

В 2006 г. один из нигерийских лидеров исламистов Халед аль-Барнави, который позже, в 2012 г., возглавил отколовшуюся от «Боко Харам» группировку «Ансару», начал активно вербовать камерунцев в ряды джихадистов и в 2007 г. создал сеть ячеек в Северном Камеруне [8, р. 285].

В 2009 г., после столкновений между боевиками «Боко Харам» и нигерийскими войсками в Майдугури, во время которых был убит основатель организации Мохаммед Юсуф (1970-2009), тогдашний лидер группировки Абубакар Шекау и его соратники вновь бежали в горы Мандара [9]. Именно тогда их идеи - созда-

⁴ Cameroon: The Threat of Religious Radicalism... Pp. 6-7.

⁵ Ibid. P. 7.

ния исламского Халифата в Западной Африке и др. - начали распространяться в Камеруне и нашли своих верных приверженцев в ваххабитской среде.

Джихадисты, воспользовавшись общей историей и географией региона, сумели превратить Северный Камерун в надежное убежище и обнаружили здесь возможности для поддержания своей жизнедеятельности: боевики занимались грабежами и вымогательством, участвовали в незаконной торговле, похищениях людей с целью получения выкупа, т.е. активно развивали «экономику терроризма». Исламисты заручились поддержкой камерунских преступных сетей, контролировавших операции с землей и недвижимостью, а также основные дороги, использовавшиеся для контрабанды товаров: Кусери - Нджамена (Чад), Маруа - Майдугури (Нигерия), Колофата - Банки в Нигерии и др. Среди видов деятельности, приносящих джихадистам большие доходы, был угон скота с целью его продажи. В одном только 2016 г. выручка от продажи боевиками трех партий скота в Северном Камеруне составила 12 млн евро⁶.

В 2009-2010 гг. «Боко Харам» удалось завербовать в Камеруне около 3 тыс. последователей, в 2016 г. - примерно 4 тыс. [10, р. 8] - в основном *канури*, потому что именно они населяют приграничные районы между Камеруном и Нигерией⁷. Язык канури позволяет устанавливать связи с местными общинами, фермерами и торговцами. Используя этот язык, исламисты получают поддержку местных жителей, обеспечивают поставки оружия, подготовку новобранцев и создание лагерей. Таким образом, язык и религия стали каналами общения и идеологической обработки [11, р. 1].

Хотя значительная часть камерунских боевиков была завербована силой и вдоль границы с Нигерией появилось более 300 пустых деревень, жители которых бежали от «Боко Харам», многие присоединялись к исламистам по материальным соображениям или делали это добровольно, вдохновленные призывами к очищению ислама, введению законов шариата и т.д.⁸ Большую роль в мобилизации камерунцев в группировку сыграли кочующие проповедники из Нигерии, других стран бассейна озера Чад и из Судана, одновременно занимавшиеся насаждением радикального ислама и вербовкой молодежи [10, р. 17]. Наибольшей радикализации и мобилизации подверглись районы Майо-Сава, Майо-Цанга, Логон и Шари и города Маруа и Кусери.

До середины 2010-х гг., несмотря на рост насилия на Севере, власти Камеруна «терпели» исламистов в соответствии со своего рода негласным пактом о ненападении: Поль Бийя считал «Боко Харам» «нигерийской проблемой», а северные районы страны - отдаленной периферией. Лишь после участившихся похищений иностранцев и высокопоставленных камерунских чиновников - например, в 2014 г. были захвачены несколько граждан Франции и Китая и совершено падение на резиденцию заместителя премьер-министра Камеруна [12, р.1] - Бийя объявил «войну Боко Харам», и камерунская территория стала рассматриваться исламистами как «зона джихада». В ходе военных столкновений на границе с Нигерией обе стороны - «Боко Харам» и камерунская армия - понесли тяжелые потери; в результате, Бийя усилил размещенный на Севере с 2001 г. батальон быстрого реагирования (ББР, *Bataillon d'Intervention Rapide*) двумя тысячами солдат и офицеров [12, р. 2].

В 2014 г. камерунская армия разгромила тренировочный лагерь «Боко Харам» в г. Гирвидиг (департамент Майо-Данай) и арестовала 84 юных камерунца в возрасте от 7 до 15 лет и 45 инструкторов. Местные власти утверждали, что на самом деле это была салафитская кораническая школа, а не лагерь боевиков, но мальчишек полгода продержали в тюрьме, в ужасных условиях, и после этого рекрутация в «Боко Харам» стала даже масштабной. Причем не только рекрутация, но и обращение в ислам некоторых местных групп христиан⁹.

Президент последовательно отказывается вести переговоры с исламистами, между тем польза от милитаризации северных районов весьма сомнительна: ББР уже проявил свою неспособность к подавлению джихадистов, при этом вызвав недовольство местного населения актами насилия, а также грабежами и вымогательствами.

Большой проблемой для камерунского правительства стало растущее в регионе число беженцев с северо-востока Нигерии, спасающихся от нигерийской армии, которая обвиняет их в «пособничестве терроризму». Камерунские власти, опасаясь проникновения в северные районы боевиков «Боко Харам», пытаются либо депортировать беженцев, либо преследуют на своей территории, побуждая их таким образом присоединяться к исламистам, либо размещают в специальных лагерях, например в «Минавао», в которых

⁶ Terrorist Financing in West and Central Africa. *Financial Action Task Force*. October 2016. P. 12-13. <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/Terrorist-Financing-West-Central-Africa.pdf> (accessed 28.04.2021)

⁷ Cameroon furious and fearful over Boko Haram infiltration. *Gulf Times*. 12 July 2014. <https://www.gulf-times.com/story/400139/Cameroon-furious-and-fearful-over-Boko-Haram-infil> (accessed 21.04.2021)

⁸ Cameroon's Far North: Responding to Boko Haram. *Oxford Research Group*. March 2017. P. 3. <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Cameroons%20Far%20North%20-%20Responding%20to%20Boko%20Haram.pdf> (accessed 22.04.2021)

⁹ Ibidem.

они живут в тяжелых условиях - скученности (лагерь рассчитан на 39 тыс. человек, в нем же в 2018 г. находились 60 тыс.)¹⁰, нехватки продуктов питания и предметов первой необходимости, постоянного насилия и т.д. В целом на Севере Камеруна в настоящее время проживает более 325 тыс. беженцев [13, р. 9].

Напряженные отношения в регионе сложились и между центральным аппаратом и местными отделениями правящей партии Демократическое объединение камерунского народа (ДОКН, *Rassemblement démocratique du peuple camerounais, RDPC*): столичные политики обвиняют северян в поддержке «Боко Харам» и в стремлении дестабилизировать обстановку в стране [12, р. 3].

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ «ЭКОНОМИКИ ТЕРРОРИЗМА»

Главными факторами роста влияния «Боко Харам» на севере Камеруна являются ограниченное присутствие здесь государства, слабое развитие экономики, высокие уровни безработицы и бедности местного населения. Масштабная коррупция на фоне плохого управления и бесхозяйственности также приводят к росту недовольства политикой правительства.

В результате, крайние северные районы Камеруна стали благодатной почвой для распространения любых радикальных идей, в т.ч. исламистских, и для привлечения местного населения к антиправительственной деятельности. Крайний Север с его 4 млн жителей - самый густонаселенный и самый бедный регион Камеруна; 74% населения в нем живут за чертой бедности, в то время как этот показатель, в среднем, по стране составляет примерно 40%. Неполной занятостью охвачены 75% молодежи [14, pp. 19-20].

После появления в регионе «Боко Харам» механизмы выживания населения посредством законной торговли и сельскохозяйственной деятельности были окончательно разрушены. Перебои в торговле с соседними странами из-за распространения конфликта также имели пагубные последствия для легальной экономики, так как более 60% доходов Северный Камерун получал от трансграничной торговли с Нигерией и Чадом и 80% всех потребительских товаров импортировались из Нигерии [12, р. 2]. В результате, начали развиваться нелегальные виды экономической деятельности, прежде всего контрабанда. 70% фермеров в трех наиболее пострадавших районах - Майо-Сава, Майо-Цанага и Логон и Шари - покинули свои хозяйства и не осуществляли посевов. Цены на основные товары - кукурузу, сорго и бензин - в разных районах подорожали на 20-80% [14, pp. 19-20]. Ситуация усугублялась практическим отсутствием в регионе инфраструктуры. Поэтому «Боко Харам» было не сложно обосноваться в нем, пообещав создать новое государство - Халифат, в котором справедливость, равенство и экономическое процветание придут на смену плохому управлению и бесхозяйственности.

Маргинализация крайнего Севера проявляется и в ограниченном доступе его жителей к основным услугам - здравоохранения и образования. В регионе, где проживают 17,9% камерунцев (от 28,5 млн)¹¹, уровень грамотности является самым низким - около 40% [15, pp. 43-44] при среднем по стране в 77%¹². Посещаемость школы детьми от 6 до 11 лет составляет 63% по сравнению со средними 85% [13, р. 11]. Отчасти, правда, это объясняется недоверием северян к школам западного типа и их предпочтением обучать детей в коранических учебных заведениях; в результате, даже посещавшее школу население может читать Коран (на хауса, фулани или арабском), но не говорит ни на одном из двух официальных языков - английском или французском. В свою очередь, отсутствие профессионального образования и, соответственно, достойной работы, побуждает их либо присоединяться к исламистам, либо заниматься незаконными видами деятельности. Северный Камерун находится на пересечении маршрутов наркотрафика, контрабанды оружия, топлива и т.д. из Судана, Чада и Центральноафриканской Республики в страны Западной Африки.

Преступная деятельность приводит к обострению меж- и внутриобщинных конфликтов, что также способствует росту религиозного радикализма, причем распространение ваххабизма, нарушая устоявшийся религиозный порядок, приводит к появлению новых линий раскола в местных сообществах. В каждом районе появляется все больше новых мечетей, составляющих конкуренцию традиционным молельным домам и привлекающих молодежь. В них не только проповедуются радикальные исламистские идеи, но и озвучивается прямой призыв к джихаду. Все это происходит на фоне конфликта поколений в среде, где принятие ответственных решений остается за «старой гвардией» политиков и традиционных вождей, контроль которых над религиозными и политическими институтами оказался под угрозой со стороны молодежи, ориентированной на проповедников из юго-восточной Нигерии. К тому же, новые религиозные лидеры, пропагандирующие джихад, налаживают контакты с международными террористическими сетями

¹⁰ Нигерийские беженцы высаживают 40 000 деревьев возле своего лагеря в Камеруне. *Зеленые решения для всей семьи. Green Life*. 27 April 2018. <https://green-life.livejournal.com/585394.html> (accessed 21.04.2021)

¹¹ Cameroon. The World Factbook. CIA. 2021. <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/cameroon> (accessed 19.03.2021)

¹² Ibidem.

и исламскими НПО в Африке и на Ближнем Востоке, которые под видом благотворительности направляют «Боко Харам» финансовые средства¹³.

Совокупное воздействие сложной экологической среды, устаревших методов торговли и производства, традиционного образа жизни, плохо приспособленных к современным реалиям, делает регион уязвимым перед экстремизмом, тем более что в сельских районах и ЗАПИГ, и «Боко Харам» зачастую выступают в качестве защитников местного населения от злоупотреблений администраторов, жандармерии, таможенников и т.д. и нередко предлагают молодым людям, готовым присоединиться к группировке, деньги - «подъемные» \$300-2000, «зарплату» в размере \$100-400 в месяц, а иногда и мотоцикл [13, р. 14], таким образом вбивая клин между мирными жителями и правительством. Но к исламистам присоединяются и молодые люди из обеспеченных семей - дети религиозных, политических и традиционных лидеров, которые мотивируются не экономическими выгодами: скорее, они видят в создании Халифата единственный реальный путь к обретению политической власти.

Так или иначе, но присоединение большого числа молодых камерунцев к «Боко Харам» - а их в рядах движения насчитывается около 20 тыс. [10, р. 20] - свидетельствует о том, что огромное количество детей и подростков вступают в контакт с боевиками. Дети становятся легкой мишенью для радикализации и манипулирования: используются для сбора информации, переноски взрывных устройств, а после соответствующей обработки - в качестве террористов-смертников [16].

Многие традиционные правители и чиновники местных органов власти также сотрудничают с «Боко Харам», руководствуясь экономическими интересами и этнической солидарностью. Давняя связь местных руководителей с криминальными структурами нашла новое выражение в контексте, созданном «Боко Харам». Правда, некоторые вожди и чиновники сотрудничают с исламистами из опасения за свою жизнь, как и торговцы - чтобы защитить свой бизнес.

Осуществляя акты террора, отталкивающие потенциальных сторонников, «Боко Харам» в то же время в известном смысле замещает государство, предоставляя населению определенный набор услуг: медицинских, образовательных, охранных и др.¹⁴, хотя одновременное применение этих тактик оказалось контрпродуктивным: жителям Северного Камеруна предлагалось остаться в регионе в качестве граждан нового исламского халифата, но жестокость исламистов побуждала многих бежать.

Надо сказать, что, как и лагеря беженцев, местом, удобным для вербовки в «Боко Харам», становятся тюрьмы. Обработка потенциальных джихадистов активно проводится, например, в пенитенциарном заведении г. Маруа, в котором в одном лишь 2015 г. одновременно содержалось более 1200 оказавшихся в плену членов «Боко Харам» [17]. Аресты в 2014 г. в Фумбане ваххабитских имамов, якобы поддерживавших исламистов, и произвольные задержания по всему северу Камеруна предполагаемых «пособников террористов» оказались контрпродуктивными. Напротив, операции силовых структур вызывали недовольство местных общин и побуждали их присоединяться к «Боко Харам».

В целом, камерунские мусульмане осуждают действия исламистов, многие имамы сотрудничают с силами безопасности, но за годы своего присутствия на в Камеруне боевики, многие из которых и раньше имели здесь родственников, теперь обзавелись собственными семьями, а потому всегда могут найти убежище и поддержку.

Более того, прозрачная граница, дремучие леса и высокие горы Мандара облегчают ведение партизанской войны и контрабанду оружия. С середины 2000-х гг., т.е. с появления в регионе боевиков «Боко Харам» и беженцев, спасавшихся от солдат нигерийской армии, здесь наблюдается постоянный рост трансграничной преступности. «Боко Харам» активно вербует контрабандистов в свои ряды или сотрудничает с ними, используя их знание местности и военной/полицейской тактики [18]. Опираясь на контрабандные сети, боевики совершают набеги на местные общины и торговцев, что побуждает их сотрудничать с группировкой, чтобы избежать насилия.

Успех исламистов в закреплении в регионе проливает свет на недостатки государственного управления на периферии: район крайнего севера Камеруна стал центром внимания властей совсем недавно - в основном из-за роста здесь террористической активности и дорожного бандитизма.

Недоверчивое отношение северян к официальным властям, низкий уровень грамотности, отсутствие перспективы для молодежи, безусловно, способствовали росту влияния в регионе «Боко Харам», тем более что местная экономика в значительной степени ориентирована на торговлю с Нигерией, местные жители используют нигерийскую валюту - найру, привыкли свободно пересекать границу в поисках работы и получения образования, многие имеют удостоверения личности, выданные в нескольких государствах. Курс найры определяет цены на местные товары, и обменный курс отслеживается даже стариками и детьми.

¹³ Le Financement du Terrorisme en Afrique Centrale. *G.A.B.A.C.* 2 June 2017. <http://spgabac.org/le-financement-du-terrorisme-en-afrique-centrale> (accessed 18.04.2021)

¹⁴ Factional Dynamics within Boko Haram. ISS Research report. *ISS.* 2018. P. 26. <https://issafrica.s3.amazonaws.com/site/uploads/2018-07-06-research-report-2.pdf> (accessed 28.04.2021)

В городах государственные служащие должны менять зарплату, полученную во франках КФА, на найру, прежде чем ее использовать¹⁵. Именно в этих районах, находящихся вне контроля властей, и обосновалась «Боко Харам».

Одна из проблем, с которой сталкиваются жители Северного Камеруна, состоит в том, что они постоянно оказываются между двух огней: исламисты считают их «агентами правительства», а власти обвиняют в сотрудничестве с боевиками. Поскольку военные далеко не всегда могут защитить население, оно предпочитает обходиться без присутствия армии, и сотрудничество с террористами становится прагматичным и является тактикой выживания, которая приносит пользу исламистам и ослабляет правительственные органы. Кроме того, в районах деятельности обеих исламистских группировок высокий уровень безработицы и низкий уровень грамотности сочетаются с растущим экологическим кризисом из-за сокращения размеров озера Чад, в бассейне которого расположен Северный Камерун, и опустынивания, что ведет к ухудшению материального положения местного населения и облегчает для исламистов работу по привлечению новобранцев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последние годы как в западных, так и в африканских странах именно радикализация ислама стала наиболее часто наблюдаемой формой религиозной и прочей радикализации. В XXI в. джихадистские движения в Сахеле и в Африке южнее Сахары, в целом, стали отражением этих процессов. Молодежь особенно уязвима перед религиозным радикализмом, так как больше, нежели другие группы населения, страдает от социально-экономического неравенства и отсутствия перспектив.

В ответ на исламскую радикализацию на Севере Камеруна правительство выступило с инициативами по сокращению бедности, ликвидации неграмотности, выделило значительные средства на строительство школ и т.д. Однако реализация этих проектов, к тому же плохо скоординированная и неэффективная, сопровождается арестами имамов, преимущественно ваххабитов, и преследованиями жителей, и без того страдающих от набегов «Боко Харам».

До недавнего времени, в отличие от соседних Нигерии и ЦАР, Камерун избегал серьезных межконфессиональных столкновений. Религиозный климат был относительно спокойным благодаря умеренному суннитскому исламу. Однако распространение ваххабизма, а также ослабление авторитета *ламибе* в недалеком будущем не исключают возможности возникновения серьезного военно-политического конфликта на религиозной почве в условиях острой политической нестабильности, которую Камерун переживает в настоящее время, в т.ч. из-за деятельности южнокамерунских англофонных сепаратистских движений.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Sanni A. 2016. Jihadist and Salafi Discourses in Sudanic Africa: Boko Haram and the Emerging Terror Network in Muslim West Africa. *Dirasat*. № 17, pp. 1-42. <https://kfcris.com/pdf/3ccfbf4278cdad70197e6fc1ab4c34ad58af0d96222f8.pdf> (accessed 25.04.2021)
2. Fombad C.M. 2015. State, Religion, and Law in Cameroon: Regulatory Control, Tension, and Accommodation. *Journal of Church and State*. Vol. 57, № 1, pp. 18-43. DOI:10.1093/jcs/cst054
3. Виноградова Н.В., Сагоян Л.Ю. Республика Чад. Справочно-монографическое издание. М., 2017. Vinogradova N.V., Sagoyan L.Yu. 2017. Republic of Chad. Reference handbook. Moscow. (In Russ.)
4. Issa S. 2006. La prise d'otages aux confins du Cameroun, de la Centrafrique et du Tchad: une nouvelle modalité du banditisme transfrontalier. *Polis/Revue Camerounaise de Science Politique*. Vol. 13, № 1-2, pp. 119-146. <http://polis.sciencespobordeaux.fr/vol13n1-2/issa.pdf> (accessed 26.04.2021)
5. Flynn D. Understanding Boko Haram. College of Liberal Arts & Social Sciences Theses and Dissertations. Chicago: DePaul University. 2017. <https://via.library.depaul.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1227&context=etd> (accessed 26.04.2021)
6. Adesoji A.O. 2011 Between Maitatsine and Boko Haram: Islamic Fundamentalism and the Response of the Nigerian State. *Africa Today*. Vol. 4, № 57, pp. 99-119. DOI: 10.2979/africatoday.57.4.99
7. Michael Kpughe L. 2017. Christian churches and the Boko Haram Insurgency in Cameroon: Dilemmas and Responses. *Religions*. Vol. 8, № 8, pp. 1-13. DOI: 10.3390/rel8080143
8. Pérouse de Montclos M.-A. (ed.) Boko Haram: Islamism, Politics, Security and the State in Nigeria. Leiden: African Studies Centre, 2014.
9. Крюкова Т.В. Африканская сеть ИГ: «Боко Харам». *Азия и Африка сегодня*. 2016, № 12. С. 56-60. Kryukova T.V. 2016. An African Network of the Islamic State: Boko Haram. *Aziya i Afrika segodnya*. № 12, pp. 55-60. (In Russ.)
10. Vincent P.N.E.J., Funtch P.M.B., Henri M.M., Léa, M.N.N.J. The Boko Haram Conflict in Cameroon: Why is Peace so Elusive? Yaoundé: Friedrich Ebert Stiftung, 2017. <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/fes-pscc/14200.pdf> (accessed 27.04.2021)

¹⁵ Responses to Boko Haram in the Lake Chad Region: Policies, Cooperation and Livelihoods. ISS Research report. ISS. 2018. P. 12. <https://issafrica.s3.amazonaws.com/site/uploads/2018-07-06-research-report-1.pdf> (accessed 18.04.2021)

11. Forest J.J. Confronting the terrorism of Boko Haram in Nigeria. Tampa, FL.: The Joint Special Operations University. 2012. <https://www.hsdl.org/?abstract&did=715583> (accessed 28.04.2021)
12. Tull D.M. Cameroon and Boko Haram. Time to Think beyond Terrorism and Security. SWP Comments 42. Berlin: German Institute for International and Security Affairs. 2015. https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/comments/2015C42_tll.pdf (accessed 29.04.2021)
13. Ngassam R.N. Historique et contexte de l'émergence de la secte islamiste Boko Haram au Cameroun. Paris: Centre Thucydide. 2020. <https://www.afri-ct.org/wp-content/uploads/2020/02/Cahier-Thucydide-24-Boko-Haram-au-Cameroun.pdf> (accessed 30.04.2021)
14. Kunock Afu I.K. 2019. Boko Haram Insurgency, Youth Mobility and Better Life in the Far North Region of Cameroon. *Cader-nos de Estudos Africanos*. № 37, pp. 17-39. DOI: 10.4000/cea.3566
15. Bdiya H.H., Bloxom M. Transboundary Diagnostic Analysis of the Lake Chad Basin. Report Submitted to LCBC - GEF Project on the Reversal of Land and Water Resources Degradation. Abuja, 2006. <https://iwlearn.net/resolveuid/9470ff35bbc5e0205dc364a8322a0f36> (accessed 01.05.2021)
16. Passeint A. Factional Split inside Boko Haram. Evolving Dynamics and Future Implications. Cairo: Cairo International Center for Conflict Resolution, Peacekeeping and Peacebuilding. 2019. <https://www.cccpa-eg.org/publications-details/359> (accessed 02.05.2021)
17. Faye S.L. Faces of Religious Radicalization in African Carceral Spaces. Dakar: Friedrich-Ebert-Stiftung. 2017. <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/fes-pscc/14328.pdf> (accessed 01.05.2021)
18. Zenn J. (ed.) Boko Haram Beyond the Headlines: Analyses of Africa's Enduring Insurgency. Washington, DC: Combatting Terrorism Center at West Point. May 2018. <https://ctc.usma.edu/wp-content/uploads/2018/05/Boko-Haram-Beyond-the-Headlines.pdf> (accessed 02.05.2021)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Денисова Татьяна Сергеевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Центром изучения стран Тропической Африки, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Tatyana S. Denisova, PhD (History), Leading Researcher, Head, Centre for Tropical Africa Studies, Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia.

Костелянец Сергей Валерьянович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Центром социологических и политологических исследований, Институт Африки РАН; старший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Sergey V. Kostelyanets, PhD (Political Science), Leading Researcher, Head, Centre for Sociological and Political Sciences Studies, Institute for African Studies, RAS; Senior Researcher, HSE University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
06.05.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
06.07.2021

Принята к публикации (Accepted)
12.08.2021

Индия в британской внешней политике: вызовы для партнерства либеральных демократий

© Годованюк К.А.^a, 2021

^a Институт Европы РАН, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0002-5205-0021; kira.godovanyuk@gmail.com

Резюме. В статье рассмотрены факторы, которые определяют современный подход Британии в отношении Индии. Сделан вывод, что политика на индийском направлении вписана в новую международную стратегию Лондона, направленную на формирование политических и экономических партнерств на основе неолиберальных ценностей («Глобальная Британия»). Автор подчеркивает асимметрию интересов двух стран. Лондону важно развивать продвинутое торгово-инвестиционное партнерство, в том числе в таких сферах, как информационные технологии, зеленая энергетика и фармакология.

Одновременно Лондон рассчитывает, что всеобъемлющая кооперация с Нью-Дели, в т.ч. в сфере обороны и морской безопасности, будет способствовать усилению его стратегических позиции в Индо-Тихоокеанском регионе. Великобритания поддерживает амбиции Индии выступить региональным лидером, приглашая к участию в саммите «Группы 7», продвигая также другие многосторонние форматы сотрудничества. Развивая инвестиционные связи в условиях пандемии, Соединенное Королевство рассчитывает при этом на преференциальный характер двусторонних отношений. Британия стремится представить партнерство с демократической Индией как противовес коммунистическому Китаю в высококонкурентной международной среде, руководствуясь не только ценностно-идеологическими, но и внешнеэкономическими интересами.

Однако Нью-Дели по-прежнему заинтересован в определенной стратегической автономности в условиях трансформации современного миропорядка.

Ключевые слова: Внешняя политика Британии, Брекзит, Индия, Б.Джонсон, Н.Моди, Индо-Тихоокеанский регион, соглашение о свободной торговле, D10, «Группа 7», либеральный миропорядок, Китай

Для цитирования: Годованюк К.А. Индия в британской внешней политике: вызовы для партнерства либеральных демократий. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 9. С. 49-55. DOI: 10.31857/S032150750015442-8

India in British foreign policy: Challenges for partnership of liberal democracies

© Kira A. Godovanyuk^a, 2021

^a Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0002-5205-0021; kira.godovanyuk@gmail.com

Abstract. The article provides insight into the UK approach towards India after Brexit. It is highlighted that this policy is incorporated into the new foreign strategy ("Global Britain"). The author outlines that British government set to build new partnerships with like-minded countries based on neoliberal values. Against the backdrop of global shifts towards Asia and rise of new powers the UK international priority is to build an advanced partnership with India. The author explores the asymmetry in British and Indian interests. London seeks to benefit from advanced trade and investment partnerships in such areas as information technology, green energy, pharmaceuticals, etc.

London also expects that comprehensive partnership with New Delhi, including in defence and maritime security, will help strengthen its strategic position in the Indo-Pacific region. Supporting New Delhi in its ambition to become a regional leader, inviting to the G7 Summit and promoting other multilateral formats. Developing trade and investment amid the pandemic, the UK pursues to establish preferential bilateral relations. Britain seeks to present a partnership with democratic India as a counterbalance to communist China in a highly competitive international environment, guided by both values and economic interests.

Meanwhile New Delhi continues to strive for a certain degree of strategic autonomy in light of world order transformation.

Keywords: UK foreign policy, Brexit, India, B. Johnson, N. Modi, Indo-Pacific, free trade agreement, China, D10, G7, liberal world order

For citation: Kira A. Godovanyuk. India in British foreign policy: Challenges for partnership of liberal democracies. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 9. Pp. 49-55. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750015442-8

ВВЕДЕНИЕ

Значительные геополитические изменения наряду с экономической, идеологической и технологической конкуренцией определяют характер современных международных отношений. Подъем «Глобального

Юга» смещает гравитационный центр мировой политики в Азию. На страны «Группы 7» теперь приходится не более 45% мирового ВВП (против 62% в 1975 г.)¹. После выхода из Европейского Союза британские политические стратеги предполагают преодолевать современные вызовы через выстраивание партнерств на основе общих ценностей со странами единомышленниками, в т.ч. при поддержке новых центров силы.

Сегодня Индия является 6-й экономикой мира по размеру ВВП (\$2,719 трлн) и второй - по численности населения (1,3 млрд человек). Согласно прогнозу британского аналитического центра *CEBR (Centre for Economics & Business Research)* к 2025 г. по темпам экономического роста Нью-Дели обгонит Великобританию и займет 5-ю строчку, а к 2030 г. - третью².

Активное развитие информационно-коммуникационных технологий выводит Индию в число мировых технологических лидеров [1]. В новой быстроменяющейся международной среде страна демонстрирует возрастающие международные амбиции «мирового гуру» [2], чем пытаются воспользоваться внешние игроки, которые вовлекают Нью-Дели в региональную конкуренцию. Главными драйверами соперничества становятся не только геополитические и геоэкономические противоречия, но и попытки объединить Запад вокруг неолиберальных ценностей и концепции миропорядка, основанного на правилах, которые комбинируются под текущие потребности авторов концепции.

Демократический путь Индии, по замыслу ряда западных стран, может выступить идеологическим противовесом ревизионистским (авторитарным) государствам, в первую очередь Китаю.

Брекзит спровоцировал интерес к бывшей колонии и закрепил Нью-Дели в списке главных внешнеполитических приоритетов Великобритании, которая пытается выстроить с ним особое стратегическое партнерство.

Целью статьи является анализ интересов Британии на индийском направлении на двустороннем уровне, в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР) и в многосторонних форматах, а также перспектив углубленного сотрудничества.

ЭВОЛЮЦИЯ ДВУСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА: АСИММЕТРИЯ ИНТЕРЕСОВ

В британском политическом истеблишменте доминирует мнение, что связи с бывшими колониями создают для Лондона преимущество в международных отношениях: возможность выстраивать разветвленную сеть партнерств, способных обеспечить успех внешнеполитической стратегии [3].

Выдвинув, в ответ на Брекзит, концепцию «Глобальной Британии», руководство Соединенного Королевства неоднократно ссылалось на исторические связи со странами Содружества наций (Содружество) как на важнейший политический актив. Такой подход критикуют не только в самой Британии, но и в бывших колониях, которые опасаются неоимперских амбиций Лондона.

Некоторые британские исследователи обосновывают потенциал двустороннего партнерства тем, что Индию с некоторыми оговорками можно отнести к «англосфере» [4]. В отсутствие общепринятых критериев, по которым различают такие страны, эксперты указывают на общность культурных и общественных норм: английский язык является вторым официальным в Индии, схожи и некоторые правовые и политические традиции двух стран.

Внешняя политика Индии с начала 1990-х гг. соответствовала концепции *Look East*, нацеленной на торгово-экономические связи со странами Юго-Восточной Азии, к началу 2000-х гг. трансформировалась в политику *Act East*, главной целью которой было стратегическое и военное сотрудничество со странами региона. Закономерно, что отношения с Британией долгое время не входили в число приоритетных направлений.

По мере того, как Индия демонстрировала экономические успехи, интерес к ней постепенно возрастал [5]. В 2002 г. в Белой книге Форин-офиса была зафиксирована задача развивать с Нью-Дели стратегическое партнерство³, а спустя два года страны подтвердили эту цель в совместной политической декларации. Однако качественных сдвигов в двусторонних отношениях не произошло.

Несмотря на то, что в последующие годы в британских стратегических документах все чаще встречались установки на «особые отношения» с Нью-Дели⁴, именно изменения международного статуса Лондона

¹ A brave new Britain? The future of the UK's international policy: Government Response to the Committee's Fourth Report. <https://committees.parliament.uk/publications/4225/documents/43246/default/> (accessed 13.06.2021)

² India to become 5th largest economy in 2025, 3rd largest by 2030. <https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/indicators/india-to-become-5th-largest-economy-in-2025-3rd-largest-by-2030/articleshow/79964750.cms?from=mdr> (accessed 13.06.2021)

³ UK International Priorities. A Strategy for the FCO. <http://image.guardian.co.uk/sys-files/Politics/documents/2003/12/02/FCOS-StrategyFullFinal.pdf> (accessed 20.04.2021)

⁴ В 2008 г. Комитет по международным делам Палаты общин рекомендовал установить «особые отношения» с Нью-Дели по образцу отношений с США. В Стратегическом обзоре безопасности и обороны от 2015 г. Индия была указана в качестве «важного экономического контрагента и партнера в сфере обороны и безопасности» (прим. авт.).

после Брекзита окончательно утвердили Индию в списке внешнеполитических приоритетов Великобритании.

В новой Стратегии национальной безопасности «Глобальная Британия в эру соперничества», опубликованной в марте 2021 г., правительство поставило задачу «в течение 10 лет полностью трансформировать отношения с Индией»⁵. За отправную точку для выстраивания продвинутого диалога стороны принимают широкие межличностные связи. В Великобритании проживает крупнейшая индийская диаспора (по данным переписи 2011 г. - 1,5 млн человек), и ее роль как «живого моста» [6] между странами признают не только академические исследователи, но и британские политики.

В состав Кабинета Б.Джонсона вошли три министра индийского происхождения: П.Пател - глава МВД, Р.Сунак - канцлер казначейства (министр финансов), а также А.Шарма - министр международного развития, позже - министр бизнеса, энергетики и промышленной стратегии. По итогам досрочных выборов в декабре 2019 г., 15 выходцев из Индии получили мандаты депутатов Палаты общин. Если это и способствует внешнему восприятию бывшей колонии как исторически и культурно близкой страны, то на двусторонние политические отношения едва ли оказывает заметное позитивное воздействие.

Неоднозначны и попытки правящей Консервативной партии Соединенного Королевства декларировать поддержку политического курса премьер-министра Индии Н.Моди. Несмотря на то, что Индия признается крупнейшей (по численности населения) демократией мира, где, например, парламентские выборы поражают своими масштабами (в голосовании в 2019 г. приняли участие почти 1 млрд человек), критика внутривнутриполитической ситуации со стороны британских правозащитников вызывает явное раздражение у индийского руководства. Например, оппозиция регулярно инициирует дебаты в парламенте, требуя от Б.Джонсона более жесткой позиции по ситуации с правами человека и демократическими свободами в Индии (столкновения полиции с протестующими индийскими фермерами, отключение Интернета и пр.).

На международном треке можно также зафиксировать точки расхождения, например, Нью-Дели явно не устраивает невнятная позиция Лондона по статусу штатов Джамму и Кашмир. Британия, в свою очередь, разочарована, что Индия выражает поддержку Мавритании в ее споре вокруг архипелага Диого Гарсия [7], не вызывает энтузиазма у Лондона и интенсивное российско-индийское военно-техническое сотрудничество.

Камнем преткновения остается миграционная политика Соединенного Королевства, направленная на ужесточение правил въезда для трудовых мигрантов. Попытки британских властей представить обновленные миграционные правила как «справедливые» по отношению к «инженерам из Индии», по мнению Нью-Дели недостаточны, поскольку они лишь уравнивают в правах граждан ЕС и третьих стран. Между тем, бывшая колония добивается более ощутимых послаблений визового режима. МВД Великобритании пытается найти способы сократить количество нелегальных индийских мигрантов (по разным оценкам, от 75 тыс. до 100 тыс. человек). В течение длительного времени британские власти вели переговоры с Индией по вопросу возвращения этих лиц. В 2018 г. ожидалось подписание специального меморандума по данному вопросу, однако, в конечном счете, Нью-Дели не утвердил документ из-за опасений массовых депортаций.

В экономической сфере стороны находят больше взаимопонимания, хотя товарооборот также свидетельствует об асимметрии интересов. Индия - 6-й торговый партнер Британии (за пределами ЕС), в то время как Соединенное Королевство находится на 18-й строчке внешнеторговых приоритетов Нью-Дели⁶.

Более динамично развивается инвестиционная сфера: страны занимают 2-е место в списке крупнейших инвесторов в индийскую и британскую экономику, соответственно. В Соединенном Королевстве работают свыше 800 индийских компаний, преимущественно в сфере технологий и телекоммуникации, что обеспечивает порядка полумиллиона рабочих мест в обеих странах.

Динамичный экспорт услуг создает не только предпосылки для углубленного экономического взаимодействия, но и наглядно демонстрирует разность интересов. Индия лоббирует облегченный доступ на британский рынок труда своих профессиональных работников, в то время как Британия заинтересована увеличить экспорт страховых и финансовых услуг, расширить сотрудничество в сфере технологий, возобновляемых источников энергии и здравоохранения (фармацевтика). Достичь желаемого Лондон намерен с помощью соглашения о свободной торговле, которое должно снять торговые барьеры (серия подобных договоров с ключевыми партнерами - центральный элемент курса на «Глобальную Британию»). Любопытно, что еще в 2019 г. британские официальные лица указывали, что торговое соглашение с Нью-Дели не является основным приоритетом⁷.

⁵ Global Britain in a competitive age. The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy. HM Government. March 2021.

⁶ Trade & Investment FactSheet. India. https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/985785/india-trade-and-investment-factsheet-2021-05-14.pdf (accessed 13.06.2021)

⁷ India not first tier country for post-Brexit FTA, says UK minister. <https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/foreign-trade/india-not-first-tier-country-for-post-brexit-fta-says-uk-minister/articleshow/68488526.cms?from=mdr> (accessed 13.06.2021)

Однако со второй половины 2020 г. Лондон начал форсировать этот вопрос. Символично, что 14 февраля 2021 г. министр международной торговли Великобритании Лиз Трасс в статье для газеты *Express* отмечала, что «Глобальная Британия» надеется на торговые соглашения с самыми близкими друзьями, первой в этом списке была указана Индия⁸. Как справедливо пишут эксперты, Лондон преуспееет на индийском направлении, только если предложит партнерство на равных условиях [8].

Индийское руководство откладывает решение по полномасштабному торговому соглашению по нескольким причинам. Во-первых, Нью-Дели склонен проявлять осторожность, когда речь идет об открытии внутреннего рынка для иностранных производителей (вспомним многолетние переговоры с ЕС, Австралией и Новой Зеландией по соглашению о свободной торговле). Следует понимать, сделка потребует от Индии больших уступок, поскольку ее тарифы на продукцию сельского хозяйства и промышленные товары превышают британские. Во-вторых, по схожим протекционистским мотивам Нью-Дели не спешит снимать торговые барьеры для иностранных юридических и бухгалтерских услуг.

Британия, в свою очередь, рассчитывает, что постпандемическая реальность в экономике и геополитике станут главными стимулами для диверсификации торговых партнеров, и Индия будет заинтересована снизить зависимость от китайских производителей и рынка сбыта⁹, что подтолкнет Нью-Дели к сделке. Однако самое главное препятствие состоит в том, что Соединенное Королевство вне Евросоюза не представляет столь значительного экономического интереса для бывшей колонии, поскольку не является частью единого европейского рынка.

Вопреки энтузиазму британской стороны торговое соглашение так и не было подписано. Стороны ограничились отдельными практическими договоренностями. Так, стороны подписали инвестиционное соглашение на общую сумму 1 млрд ф.ст., благодаря которому ожидается создать свыше 6,5 тыс. рабочих мест, в т.ч. в сфере фармацевтики, здравоохранения и технологий. Решено также направить порядка 500 млн ф.ст. индийских инвестиций в британскую экономику, в т.ч. на развитие низкоуглеродных технологий. Сюда же вошли 240 млн ф.ст. инвестиций индийской биофармацевтической компании *Serum Institute of India* на исследования вакцины против коронавируса. Стоит напомнить, что в июне 2020 г. зарегистрированная в Великобритании англо-шведская фармацевтическая компания *AstraZeneca* подписала с этой индийской компанией лицензионное соглашение на производство 1 млрд доз вакцины для стран с низким и средним уровнем дохода.

На прошедшем в мае 2012 г. онлайн-саммите вместо торгового соглашения была принята Дорожная карта британо-индийского всеобъемлющего стратегического партнерства до 2030 г. Лондон рассчитывает, что благодаря новым договоренностям удастся за десятилетие удвоить объем торговли (сегодня товарооборот составляет 23 млрд ф.ст.), а в будущем прийти к полномасштабному соглашению о свободной торговле. Несмотря на то, что стороны достигли компромисса по миграционной тематике и подписали Пакт о миграции и мобильности, согласно которому индийские власти вернут своих граждан, незаконно находящихся в Великобритании, в обмен на рабочие визы для 3000 специалистов, однако, в целом, вопрос остается открытым.

ПОИСК ОБЩЕЙ ПОВЕСТКИ В ИНДО-ПАЦИФИКЕ И РЕФОРМА МУЛЬТИЛАТЕРАЛИЗМА

Пытаясь компенсировать целый ряд стратегических, имиджевых и экономических издержек от выхода из Европейского Союза, Лондон всячески стремится укреплять свои связи с Индией [9]. Сближение Вашингтона и Нью-Дели в рамках курса на открытый и свободный Индо-Тихоокеанский регион (ИТР) и попытки США окружить Китай собственными странами-единомышленниками с целью сдержать его усиление [10] открывают перед Лондоном дополнительные возможности на индийском треке. Британия, безусловно, использует риторику «порядка, основанного на правилах» как базис для стратегического сближения с Нью-Дели и укрепления собственных международных позиций [11], а также принимает во внимание, что индийское видение «открытого и свободного ИТР» существенно расходится с американским.

Так, Н.Моди неоднократно говорил о «равной и инклюзивной Индо-Пацифике», что несколько смягчает антикитайскую направленность формирующегося баланса сил в регионе, который продвигает Вашингтон. В более широком контексте задача Британии в ИТР направлена на расширение глобального влияния, желание участвовать в договоренностях между средними державами (*middle powers*) в регионе, влиять на правила игры и, по возможности, отстраниться от конфронтации между США и Китаем.

⁸ Liz Truss lifts lid on £23billion a year trade deal with 'fastest-growing economy' India. <https://www.express.co.uk/comment/expresscomment/1397411/India-UK-trade-deal-latest-Liz-Truss-letter-fastest-growing-economy-Brexit-trade> (accessed 13.06.2021)

⁹ Индия, например, не подписала в ноябре 2020 г. соглашение о Всестороннем региональном экономическом партнерстве, опасаясь притока дешевой продукции из Поднебесной. В апреле 2021 г. Япония, Австралия и Индия официально запустили Инициативу по обеспечению устойчивости цепочек поставок (*Supply Chain Resilience Initiative*), нацеленную на снижение экономической зависимости от КНР (прим. авт.).

Во время визита главы британского МИДа Д.Рааба в Нью-Дели в декабре 2020 г. были обозначены четыре цели сотрудничества в регионе: тесное взаимодействие в области обороны и безопасности, противодействие терроризму, обеспечение морской безопасности и борьба с пиратством в западной части Индийского океана¹⁰. Глава Форин-офиса также анонсировал планы совместно реагировать на современные вызовы в сфере космической безопасности и кибербезопасности, развивать телекоммуникационные сети и системы 5G.

Британия поддерживает повестку Индии в вопросах изменения климата и уже присоединилась к таким форматам, как Международный солнечный альянс (*International Solar Alliance*), а также Коалиция за устойчивую к бедствиям инфраструктуру (*Coalition for Disaster Resilient Infrastructure*). Стороны готовят совместную «Глобальную инициативу зеленой сети» (*Global Green Grids Initiative*)¹¹, которую официально объявят на Конференции ООН об изменении климата в Глазго в конце 2021 г.

До недавнего времени диалог Британии и Индии в сфере военно-технического сотрудничества был сравнительно ограниченным и уступал взаимодействию Нью-Дели с другими партнерами, например, Францией или Россией. Техническое сотрудничество в формате Консультативной группы по обороне (*Defence Consultative Group*) развивается на уровне высших должностных лиц, министерств обороны и рабочих подгрупп кибербезопасности и космосу. Оборонное взаимодействие включает военные учения и обмен персоналом, хотя и эпизодического характера. Соединенное Королевство, безусловно, заинтересовано в более комплексном сотрудничестве, что, например, отражено в Дорожной карте, принятой в мае 2021 г.

Подвижки наметились в сфере британо-индийского договора логистического обмена (*military logistics agreement*). Вместе с тем, стороны так и не начали полномасштабный диалог в области морской безопасности, анонсированный еще в 2015 г.¹², в последние годы морские учения, наоборот, сократились. Интересно, что стороны также подтвердили намерение установить ежегодный морской диалог (*UK-India Maritime Dialogue*) в упомянутой выше Дорожной карте. В этом контексте одна из целей отправки ударной авианосной группы *HMS Queen* в ИТР в мае 2021 г. - возможность продемонстрировать военно-технический потенциал Лондона.

Остается открытым вопрос, готова ли Индия видеть Британию в составе *Quad* (четырёхстороннего диалога по безопасности, куда также входят США, Австралия и Япония) и в какой степени Нью-Дели будет способствовать укреплению позиций Лондона в Индо-Тихоокеанском регионе, учитывая возросшую конкуренцию со стороны внерегиональных игроков (Германии, Франции и ЕС).

Можно выделить и другие направления для двустороннего и многостороннего сотрудничества в регионе. Например, стороны планируют взаимодействовать в рамках Ассоциации стран бассейна Индийского океана, которая предоставила Лондону статус диалогового партнера, а также координировать более широкую повестку обеспечения мира, стабильности и безопасности в ИТР, в т.ч. в рамках Индо-Тихоокеанской инициативы (*Indo-Pacific Oceans Initiative*), предложенной Н.Моди в ноябре 2019 г. в качестве площадки для морского сотрудничества¹³.

Лондон ставит целью выиграть конкуренцию вокруг Индии - стратегически важного регионального игрока в Индо-Пацифике - за счет привлечения к обсуждению широкой международной повестки как привилегированного партнера коалиции демократических государств. Фактически, Британия стремится представить себя в качестве лоббиста международных интересов Нью-Дели. Так, предложение Лондона об Альянсе десяти демократий (*D10*), призванного создать альтернативную базу поставщиков оборудования 5G и других технологий, и устранить зависимость в этом вопросе от Китая, а позже приглашение Индии к участию в саммите Группы 7 в Соединенном Королевстве в июне 2021 г. - попытка расширить западный лагерь стран-единомышленников.

Главным камнем преткновения остается особая позиция Индии по ряду вопросов международной повестки, в т.ч. по КНР. Несмотря на противоречия в индийско-китайских отношениях, пограничные столкновения, а также серьезную экономическую и технологическую конкуренцию, Нью-Дели, например, воздерживается от критики Поднебесной в ООН по поводу Синьцзян-Уйгурского автономного района, равно как и по ситуации вокруг Гонконга.

Несмотря на международные амбиции, Нью-Дели предпочитает сдержанный подход в отношении коалиции стран коллективного Запада, рассматривая их поддержку, в первую очередь, как фактор собствен-

¹⁰ Foreign Secretary's visit to India: joint press conference opening statement. <https://www.gov.uk/government/speeches/foreign-secretarys-statement-during-visit-to-india-tuesday-15-december> (accessed 13.06.2021)

¹¹ Проект перекликается с индийской инициативой «Одно солнце, один мир, одна сеть», направленной на формирование транснациональной солнечной электросистемы, которая объединит 140 стран (*прим. авт.*).

¹² Joint Statement on the United Kingdom-India Summit 2015. <https://www.gov.uk/government/news/joint-statement-on-the-united-kingdom-india-summit-2015> (accessed 13.06.2021)

¹³ Prime Minister's Speech at the East Asia Summit. https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/32171/Prime_Ministers_Speech_at_the_East_Asia_Summit_04_November_2019 (accessed 13.06.2021)

ного роста. Основной интерес Нью-Дели прикован к реформе мультилатерализма и повышению статуса в мировой политике, а не к полной солидаризации со странами западной коалиции.

Если британское предложение о естественном сближении демократий и формировании альянса *D10* не получит продолжения, репутация Британии как лоббиста интересов Индии будет испорчена. С другой стороны, отношения с Соединенным Королевством не являются главным приоритетом индийской внешней политики, учитывая объективное снижение международного влияния Лондона после Брекзита. Нью-Дели по-прежнему стремится к многовекторной внешней политике, определение которой в научной литературе варьируется от курса на стратегическую автономию или неприсоединение, до политики «мультиприсоединения» [12].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ставка на партнерство с Индией составляет важный элемент стратегии Британии по восстановлению международных позиций после выхода из ЕС. В новом подходе к Нью-Дели Лондон стремится отойти от логики колониального прошлого и пытается предложить совместные ответы на современные вызовы. К ним можно отнести производство вакцины *Oxford-AstraZeneca (Vaxzevria Vaccine)* британо-шведской компании в Индии, что, очевидно, является не только имиджевым ходом (демонстрация возможностей «Глобальной Британии» как «силы добра»), но и долгосрочным коммерческим решением.

Вместе с тем, в отношениях двух стран по-прежнему сохраняются противоречия. Разность интересов затрудняет согласование полномасштабной торговой сделки в среднесрочной перспективе. Британский рынок не настолько привлекателен для Нью-Дели, как рынок стран Юго-Восточной Азии или Евросоюза. Индия, в свою очередь, представляет большой интерес для Лондона: объем рынка этой страны превышает ЕС и США (ближайших торговых партнеров). Любопытно, что сразу после британо-индийского саммита в мае 2021 г. Брюссель и Нью-Дели возобновили переговоры над соглашением о свободной торговле. На индийском треке Евросоюз выступает прямым конкурентом Лондона и перехватывает не только торгово-экономическую повестку, но стремится к особому партнерству с Нью-Дели в ИТР. Такая ситуация укрепляет переговорные позиции Индии, которая ожидает от Лондона уступок.

Одновременно с этим трансформация системы международных отношений сопровождается попытками выстроить партнерские оси на основе дихотомии демократия-ревизионизм. Концепция Индо-Тихоокеанского региона с явным акцентом на возрастающую международную роль Нью-Дели фактически сопряжена со стратегией сдерживания КНР, а китайско-индийская геополитическая конкуренция выгодна Лондону.

Британия также заинтересована в поддержке Индии как влиятельного субрегионального игрока в ИТР для продвижения своего видения порядка, основанного на правилах и торгово-экономических интересах. Намерение Соединенного Королевства подвести ценностную базу под британо-индийские отношения является спорной инициативой, а посреднические функции Лондона по включению Нью-Дели в альянс западных демократий могут быть затруднительными для выполнения.

С момента обретения независимости в 1947 г. Индия стремилась к идеологической автономности, участвуя в Движении неприсоединения. Сегодня Нью-Дели рассчитывает обеспечить собственные интересы в различных многосторонних форматах, в т.ч. в БРИКС, ШОС, сотрудничая с Группой 7 и выстраивая особую региональную роль в Индо-Пацифике.

В среднесрочной перспективе противоречия в британо-индийских отношениях сохранятся, а апелляция к общим демократическим ценностям может быть недостаточным основанием, чтобы вывести диалог двух стран на качественно новый уровень.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Устюжанцева О.В. Информационно-коммуникационные технологии Индии: история отрасли, факторы успеха. *Азия и Африка сегодня*. № 10, 2018. С. 12-18. DOI: 10.31857/S032150750000864-2
2. Ustyuzhantseva O.V. 2018. Information and communication technologies in India: history and factors of success. *Aziya i Afrika segodnya*. № 10. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750000864-2
3. Hall I. 2019. Modi and the Reinvention of Indian Foreign Policy. Bristol University Press, 236 p.
4. Barkawi T., Brighton S. 2013. Brown Britain: post-colonial politics and grand strategy. *International Affairs*. Vol. 89, No. 5, pp. 1109-1123.
5. Davis A. 2020. India and the Anglosphere Race, Identity and Hierarchy in International Relations. Routledge. 208 p.
6. Scott D. 2017. The rise of India: UK perspective. *International Affairs*, Vol. 93, Issue 1, pp. 165-188. DOI: 10.1093/ia/iiv007
7. Кулик Л.В. Индийская диаспора в Великобритании. *Вестник МГИМО-Университета*, № 2 (53), 2017. С. 160-183. DOI 10.24833/2071-8160-2017-2-53-160-183
8. Kulik L.V. 2017. Indian diaspora in the UK. *MGIMO Review of International Relations*. № 2. (In Russ.). DOI 10.24833/2071-8160-2017-2-53-160-183

7. Baruah D.M. 2021. India's policy on Diego Garcia and its quest for security in the Indian Ocean. *Australian Journal of International Affairs*. Vol. 75, Issue 1, 2021, pp. 36-35.
8. Choukroune L. 2019. UK-India-Beyond trade: Power democracy. *Manchester Journal of International Economic Law*. Vol. 16, Issue 2, pp. 234-252.
9. Годованюк К.А. Приоритеты Великобритании в Индо-Тихоокеанском регионе. *Современная Европа*, №1, 2020. С. 37-48. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120203748>
- Godovanyuk K. 2020. The UK Priorities in the Indo-Pacific. *Sovremennaya Evropa*. № 1. (In Russ.) DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120203748>
10. Mukherjee R. 2020. Chaos as opportunity: the United States and world order in India's grand strategy, *Contemporary Politics*, Vol. 26, Issue 4, pp. 420-438. DOI: 10.1080/13569775.2020.1777040
11. A very British tilt towards a new UK strategy in the Indo-Pacific Region. An interim report by Policy Exchange's Indo-Pacific Commission, Chaired by Rt Hon. Stephen J. Harper. Foreword by Hon. Shinzō Abe. <https://policyexchange.org.uk/wp-content/uploads/A-Very-British-Tilt.pdf> (accessed 20.04.2021)
12. O'Donnell F., Papa M. 2021. India's multi-alignment management and the Russia-India-China (RIC) triangle. *International Affairs*, pp. 801-822. DOI: 10.1093/ia/iia036

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Годованюк Кира Анатольевна кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра британских исследований Отдела страновых исследований, Институт Европы РАН, Москва, Россия.

Kira A. Godovanyuk, PhD (Political Science), Leading Researcher, Centre for British Studies, Department for Country Studies, Institute of Europe RAS, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
15.06.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
20.07.2021

Принята к публикации (Accepted)
14.08.2021

Политическая ситуация в Таиланде: авторитаризм versus демократия

© Рогожина Н.Г.^a, 2021

^a Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений
им. Е.М.Примакова, РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-9924-2493; ngrogozhina@mail.ru

Резюме. В статье анализируются особенности современного этапа политического развития Таиланда, которые характеризуются столкновением двух тенденций - авторитаризма и демократии, результатом чего стало установление режима квазидемократии.

Несмотря на формальное наличие демократических институтов власти - парламента, независимого суда, партий, - ни один из них не работает на представительную демократию, сохраняя свою привязку к интересам традиционного политического истеблишмента - армии, бюрократии и крупного бизнеса. В статье дается оценка текущей политической ситуации, особенно-стью которой является развитие демократического движения.

Отсутствием у оппозиции возможностей для транзита к демократии в рамках парламентской борьбы объясняется рост уличных протестов с участием молодежи. Студенческие волнения, охватившие страну в течение последних полутора лет, - ответная реакция демократически настроенных слоев общества на усиление авторитаризма в управлении страной с сопутствующим ущемлением гражданских прав и свобод. Требования, с которым выступают антиправительственные силы, сводятся в конечном счете к реформе политической системы. В этом ракурсе следует рассматривать и их призыв к реформе института монархии. Однако отсутствие широкой демократической коалиции ограничивает силу влияния студенческих протестов на власть.

Оценивая перспективы политического развития страны, автор приходит к мнению, что сами по себе уличные протесты не изменят статус-кво в политике. Потенциал влияния молодежи на сферу политики зависит от массовой поддержки, которая возможна лишь в случае соответствия выдвигаемых ею требований социальному запросу, формирующему общество.

Ключевые слова: Таиланд, политическая система, квазидемократия авторитаризм, студенческие протесты

Для цитирования: Рогожина Н.Г. Политическая ситуация в Таиланде: авторитаризм versus демократия. *Азия и Африка сегодня*. № 9. С. 56-64. 2021. DOI: 10.31857/S032150750016591-2

Political situation in Thailand: Authoritarianism versus democracy

© Natalia G. Rogozhina^a, 2021

^a Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations (IMEMO),
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-9924-2493; ngrogozhina@mail.ru

Abstract. The article analyzes the features of the current stage of political development in Thailand, which are characterized by the collision of two trends - authoritarianism and democracy, which resulted in the establishment of a quasi-democratic regime.

Despite the formal existence of democratic institutions of power - parliament, an independent court, and parties - none of them works for representative democracy, while maintaining their attachment to the interests of the traditional political establishment - the army, the bureaucracy, and big business. The article gives an assessment of the current political situation, which is characterized by the development of the democratic movement.

The lack of opportunities for the opposition to transit to democracy within the framework of the parliamentary struggle explains the growth of street protests with the participation of young people. The student unrest that has engulfed the country over the past year and a half is a response of the democratic-minded segments of society to the strengthening of authoritarianism in the country's governance, with the accompanying infringement of civil rights and freedoms. The demands made by the anti-government forces ultimately amount to the reform of the political system. Their call for reform of the institution of the monarchy should also be viewed from this perspective. However, the lack of a broad democratic coalition limits the influence of student protests on the government.

Assessing the prospects for the country's political development, the author comes to the conclusion that street protests alone will not change the status quo in politics. The potential influence of young people on the sphere of politics depends on mass support, which is possible only if the requirements put forward by them meet the social demand that forms the society.

Keywords: Thailand, political system, quasi-democracy, authoritarianism, student protests

For citation: Natalia G. Rogozhina Political situation in Thailand: Authoritarianism versus democracy. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 9. Pp. 56-64. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750016591-2

ВВЕДЕНИЕ

Современная история Таиланда представляет собой борьбу двух тенденций в политическом развитии страны - авторитаризма и демократии, которая сегодня завершилась установлением режима квазидемократии.

Несмотря на формальное наличие демократических институтов власти - парламента, независимого суда, партий, - ни один из них, по сути, не работает на представительную демократию, сохраняя свою привязку к интересам традиционного политического истеблишмента - армии, бюрократии и крупного бизнеса, оправдывающего свое присутствие во власти своими «моральными заслугами» и пользующегося поддержкой института монархии.

Появление политических сил, выступающих в защиту демократии и способных нарушить сложившийся статус кво в политике, воспринимается правящим политическим классом как угроза своему положению и ведет к его внутреннему сплочению. В целях удержания своей власти он готов даже пожертвовать квазидемократией и поддержать военный переворот¹, объясняя свои действия необходимостью обеспечения политической стабильности и защиты монархии от демократически избранных политиков, которых обвиняют в республиканских устремлениях [1].

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТАИЛАНДА

Последний раз военные захватили власть в 2014 г., когда политическое противостояние в обществе между сторонниками и противниками представительной демократии привело страну в состояние политического хаоса, итогом чего стало введение в стране авторитарного режима. Была запрещена любая политическая активность, прекращена деятельность политических партий и ограничены гражданские свободы. Хотя не в политических традициях Таиланда длительное пребывание военных у руководства страны, тем не менее, традиционный политический истеблишмент готов был временно примириться с закрытостью политической системы в интересах подавления демократической оппозиции и создания условий для своего возвращения во власть через парламентские выборы. Это входило и в планы военных. Утрачивая свою легитимность, военное руководство страны было вынуждено приоткрыть политическое пространство для проведения всеобщих парламентских выборов, рассчитывая на победу на них.

Подготовка к ним началась с принятия в 2017 г. новой конституции, подготовленной военными (поддержана на всеобщем референдуме в 2016 г., которая повысила политические ставки традиционного политического истеблишмента на удержание власти в своих руках). В соответствии с конституцией, сенат (верхняя палата парламента) стал полностью назначаемым органом и получил право участвовать в избрании премьер-министра, которым может стать лицо, не имеющее мандата депутата. 6 мест в сенате (из 150) резервируются за главами военных ведомств и спецслужб.

Введенная новая избирательная система практически исключает возможность победы на выборах крупной партии. Эти изменения имели своей целью ослабление политических позиций партии «Пхэа Таи», выигравшей выборы в 2011 г. и ассоциированной с бывшим премьер-министром Таксином Чинаватом, которого традиционный политический истеблишмент считал своим главным политическим врагом. Не допустить усиления влияния этой демократической оппозиции стало главной задачей военного руководства, заинтересованного в сохранении за собой всех рычагов власти.

Прошедшие в марте 2019 г. всеобщие выборы, первые за последние 8 лет, в определенной мере оправдали надежды традиционного политического истеблишмента на легализацию своего права на руководство страной, что, однако, потребовало мобилизации всех административных и политических ресурсов.

Итоги выборов показали, что общество по-прежнему расколото на два лагеря - сторонников и противников парламентской демократии, на защитников и оппонентов власти военных. И хотя в гонке за места в парламенте (500) приняли участие 81 партия, от которых было выдвинуто 10792 кандидата, однако главная борьба развернулась между двумя - «Пхэа Таи» и «Паланг Прачарат», созданной при поддержке военных. «Пхэа Таи» одержала победу в 137 избирательных округах (из 360), а «Паланг Прачарат» - в 97-ми, получив соответствующее число депутатских мандатов. Но по количеству набранных голосов избирателей «Паланг Прачарат» (8,4 млн человек) опередила своего главного конкурента, получив 7,9 млн голосов.

При поддержке более мелких партий «Паланг Прачарат» удалось обеспечить необходимое большинство в парламенте, сформировать коалиционное правительство и продвинуть на пост премьер-министра

¹ С 1932 г., с момента установления конституционной монархии, в Таиланде было совершено 13 военных переворотов и принято 20 конституций. Только за последние 20 лет военные дважды брали власть в свои руки (*прим. авт.*).

Прают чан-Оча, который он занимал после военного переворота 2014 г., руководителем которого он и был. Но для упрочения своей власти традиционному политическому истеблишменту необходимо было ослабить оппозицию, влияние которой в обществе заметно возросло с появлением на политической арене новой партии демократического толка - «Вперед в Будущее». Созданная всего лишь за год до выборов по инициативе молодого харизматичного бизнесмена-миллиардера Танатона Чуангунгрянгкита, она изначально ориентировалась на молодежь, которая и поддержала ее 6-ю млн голосов (18% голосов избирателей), что позволило этой партии получить 81 место в парламенте и занять 3-е место (после «Паланг Прачарат» и «Пхэа Таи») по числу набранных депутатских мандатов по избирательным округам.

Танатон Чуангунгрянгкит стал для молодых людей олицетворением борца за реальную демократию, репутация которого не была запятнана связями с Таксином Чинаватом. Свою партию Танатон представил как третью силу, способную преодолеть раскол в обществе, наметившийся между сторонниками Таксина Чинавата и теми, кто поддерживает военную хунту. Он завоевал авторитет в обществе благодаря своим демократическим взглядам и намерениям укрепить парламентскую форму управления страной, провести реформу вооруженных сил, сократить бюджет страны на оборону, отстранить военных от участия в гражданских делах, внести поправки в конституцию, пересмотреть роль института монархии [2].

Первоначально консерваторы недооценили мобилизационный потенциал этой партии, поэтому и результаты выборов оказались для них полной неожиданностью. Они готовились к конкуренции с «Пхэа Таи», но популярность партии «Вперед в Будущее» и особенно ее лидера Танатона Чуангунгрянгкита показала, что социальная база сторонников демократических изменений шире, чем предполагалось. И это, бесспорно, стало вызовом для традиционного политического истеблишмента.

Никогда ранее демократическая оппозиция не выступала с подобными лозунгами. Поэтому дальнейшее пребывание партии в парламенте и в политическом пространстве страны стало оцениваться традиционным политическим истеблишментом как угроза существованию режима «авторитарной демократии», как определил современное политическое устройство Таиланда один из сенаторов [3].

Поэтому вполне логичными и закономерными, с точки зрения защиты своих корпоративных интересов, выглядят действия власти по ослаблению влияния партии «Вперед в Будущее», которые начались с дискредитации ее лидеров, заведения против них уголовных дел и завершились лишением их депутатских мандатов и роспуском партии в феврале 2020 г. Танатону и 15 его соратникам решением суда отказано в праве занимать политические посты, создавать партию и даже быть ее членом в течение 10 лет. По мнению Прайяка Конгкирати, профессора Таммасатского университета (Бангкок), партия «Вперед в Будущее» отражает политическое пробуждение молодежи и ее разочарование олигархической политикой. Она стала объектом преследования потому, что заявила о себе как о силе, меняющей правила игры².

СТУДЕНЧЕСКИЕ ПРОТЕСТЫ

Власть рассчитывала на то, что, выводя Танатона и его партию из политической игры, она ослабит демократическую оппозицию, лишив ее лидерства. Но она недооценила изменения, которые произошли в политическом сознании той части общества, идейным выразителем которой и стала партия «Вперед в Будущее», роспуск которой лишь усилил раскол общества. Его поляризация получила новое измерение - возникшее в начале 2000-х гг. разделение общества по линии город - деревня,

Бангкок - периферия дополнилось проявившимся конфликтом интересов поколений в условиях роста политической активности молодежи. Взятый властями курс на подавление демократической оппозиции ускорил политическую мобилизацию молодежи и спровоцировал массовое социальное движение в защиту демократических ценностей и партии «Вперед в Будущее». С конца 2019 г. демонстрации с участием студентов и учащихся старших классов стали неотъемлемым компонентом политического процесса. Акции протеста в отдельных вузах переросли в массовое движение, в котором приняли участие десятки тысяч человек.

Хотя движение за демократические преобразования, получившее название «Ратсадон» (по-тайски означает «народ»), не имело единого координирующего центра, тем не менее, было достаточно хорошо организовано через сетевые структуры, такие, как «Свободная молодежь», «Объединенный фронт Таммасат и Демонстраций» и др.

Протесты носили мирный характер и происходили зачастую в форме флэшмоб с привлечением музыкантов и актеров. Атмосфера, царившая на демонстрациях, напоминала молодежный фестиваль. Мобилизация участников антиправительственных акций осуществлялась через интернет-платформы незадолго до проведения самой акции. Взаимозаменяемость их организаторов отличает это движение от студенческих

² Military targets party taking on junta. *The Star*. 8 April 2019. <https://www.thestar.com.my/news/regional/2019/04/08/military-targets-party-taking-on-junta/> (accessed 01.05.2021)

протестов прошлых лет, которые носили персонализированный характер, будучи привязанными к лидеру, пользующемуся влиянием и авторитетом у молодежи.

Запрет партии «Вперед в Будущее» оставил демократически настроенную часть общества без политического института, защищающего ее интересы. Уличные митинги и демонстрации стали для молодежи альтернативной платформой для выражения их протестных настроений, которые только усилились во время карантина, введенного в стране из-за распространения эпидемии *COVID-19*. Отсутствие возможности для открытого протеста компенсировалось открытостью информационного пространства для политических дебатов.

После вынужденной паузы, взятой из-за введенного в стране чрезвычайного положения в связи с эпидемией коронавируса, антиправительственные выступления возобновились с новой силой уже в июле 2020 г. и достигли своего пика к декабрю.

Возникшие как бы спонтанно антиправительственные акции студентов были подготовлены предыдущим этапом их политической социализации, отражая их растущее недовольство сложившимся статус-кво в политике. Поэтому антиправительственные митинги с участием молодежи стали носить массовый характер и происходить регулярно по всей стране, собирая десятки тысяч людей, в основном студентов и учащихся старших классов, требующих отставки премьер-министра генерала Прают чан-Оча, роспуска парламента, изменения конституции.

Спектр призывов протестующих к властям расширялся по мере активизации оппозиционного движения. Молодые люди демонстрировали не только большую готовность к демократическим изменениям, но и ставили под сомнение традиционные ценности, цементирующие режим «авторитарной демократии». Политические заявления молодежи сочетались с феминистскими и эгалитарными требованиями. В конечном счете, вопрос ставился о реформе политической системы, которая сужает пространство для развития демократии в стране [4].

В этом ракурсе следует рассматривать и выдвигаемое студентами требование реформы института монархии, впервые прозвучавшее из уст правозащитника Анона Нампа на митинге 3 августа 2020 г. А уже 10 августа активистами группы «Объединенный фронт Таммасат и Демонстраций» был подготовлен соответствующий манифест из 10 пунктов, среди которых - лишение короля правового иммунитета; отмена закона об оскорблении короля - *lese majeste*³; освобождение всех, осужденных по этому закону; предоставление государству права контроля над состоянием королевской семьи; сокращение государственного финансирования института монархии; упразднение Тайного совета⁴. Студенты выступили под новым лозунгом - «государство, религия и народ» вместо традиционного «государство, религия и монархия». Они, в большинстве своем, не призывали к установлению в стране республиканского строя, но требовали пересмотра института монархии, а в качестве образца предлагалась японская или английская модели.

Распространение антимонархических настроений у молодежи свидетельствует о глубоком кризисе политической системы, стабилизирующим элементом которой является институт монархии. Хотя в Таиланде еще в 1932 г. была провозглашена конституционная монархия, однако в реальности полномочия короля выходят за рамки, предписанные конституцией. Подобная ситуация сложилась не сегодня, в бытность 70-летнего правления короля Пумипона Адульядета (с 1946 по 2016 гг.), пользовавшегося исключительным уважением и доверием народа, институт монархии считался неприкосновенным. Однако новый король Маха Вачиралонгкорн (с 13 декабря 2016 г.), проживающий большую часть времени в Германии, не унаследовал с тронном авторитет отца. К тому же всем своим поведением он стал демонстрировать свое надконституционное положение, укрепив свои политические, финансовые и военные позиции, что воспринималось демократически ориентированной молодежью как демонстрация его намерения реставрировать в стране абсолютную монархию.

Король добился того, чтобы единолично распоряжаться своим состоянием в 1247 млрд батов (\$43 млрд). Все активы, находящиеся в распоряжении Бюро королевских владений, в т.ч. дворцы и знаменитый Храм изумрудного Будды, которые ранее считались общественной собственностью, с 2018 г. стали признаваться исключительно личными владениями монарха. Несмотря на эти несметные богатства, государство выделяет крупные средства на содержание королевского дома - в 2020 г. около 29 млрд батов (\$1 млрд). Для сравнения - английская королева обходится своим налогоплательщикам в \$87 млн [5].

Маха Вачиралонгкорн укрепил свою военную власть, поставив под личный контроль два наиболее престижных армейских полка, расположенных в Бангкоке, численностью в 3 тыс. человек. По его распоряжению были внесены поправки в новую конституцию после ее одобрения на референдуме в 2016 г., которые

³ Закон о диффамации, *lese majesté*, официально был принят в 1956 г. Согласно ему, любая критика действий короля приравнивается к покушению на национальную безопасность и карается от 3 до 15 лет лишения свободы (прим. авт.).

⁴ Тайный совет назначается королём Таиланда и является его совещательным органом (прим. авт.).

дают ему право управлять страной из Германии. Он запретил своей старшей сестре заниматься политикой, когда ее пригласили в одну из партий демократического толка, что не помешало ему открыто поддерживать военных, заинтересованных, как и весь политический истеблишмент, в сохранении статус-кво института монархии, вписанного в качестве ее базового элемента в иерархическую систему управления страной, основанную на отношениях «патрон - клиент».

По мнению демократически настроенной молодежи, открытое вмешательство короля Маха Вачира-лонгкорна в политическую сферу является еще одним проявлением его надконституционности. Протестующие, как отмечает аналитик *Bloomberg*, не ищут власти для себя. Они хотят, чтобы военное руководство и монархия стали более подотчетными 67 млн жителям страны [6]. Появление антимонархического движения «Ратсадон» свидетельствует о происходящем культурном сдвиге в сознании молодежи, которая не хочет более слепо подчиняться власти и мириться с существующей системой иерархического подчинения [7].

И хотя акции студенческих протестов собирали много сторонников Танатона, что дало повод некоторым экспертам сравнивать их со студенческой революцией 1973 г. или антиправительственными выступлениями 1992 г., тем не менее, говорить о возможности их перерастания в массовое демократическое движение пока не приходится.

СПАД ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Достигнув своего пика к зиме 2021 г., антиправительственное движение стало ослабевать. Причин для этого было несколько.

Во-первых, антимонархические настроения студентов и выдвигаемое ими требование реформы института монархии разделяют далеко не все недовольные властью, что привело к сужению социальной базы движения и его расколу. Буньякиат Каравекпан, преподаватель Университета Рамканхенг (Бангкок), считает, что когда протестующие подняли тему реформы института монархии, многие отвернулись от них. То, как молодые люди действовали против короля, считалось ими невежливым, порождая домыслы о том, что истинным намерением молодых людей является не реформа института монархии, а его ликвидация [8].

Большинство участников студенческого протестного движения рассчитывали на то, что смогут добиться от властей удовлетворения своих требований мирным путем. Отсюда и тактика действий - мирные демонстрации, петиции и воззвания к правительству. Однако политика правительства по затягиванию с решением этих проблем создала тупиковую ситуацию, выход из которой некоторые протестующие видят в использовании силовых методов давления на власть. Их радикальные настроения не разделяют многие участники движения, в среде которого нарастает раскол, отражающий наличие разногласий по тактике и стратегии действий.

Появление в среде протестующих людей, настроенных воинственно и выступающих с радикальными требованиями, в частности, за введение в стране республики, отпугивает многих из тех, кто боится обострения политической ситуации и повторения событий, приведших страну в состояние политического хаоса и к военному перевороту в 2014 г. Они готовы поддержать требование отставки премьер-министра, но не свержения режима, опорой которого является институт монархии. Даже оппозиционная партия «Пхэа Таи» не поддерживает студентов в этом вопросе. Разногласия в руководстве студенческого движения зашли настолько далеко, что участились случаи, когда одна группа студентов блокировала другую в Интернете. Идеологическая неоднородность движения в отсутствии всеми разделяемой программы действий, в конечном счете, привела к его расколу.

Во-вторых, сдерживает развитие движения и тот факт, что студенты оказались неспособными аккумулировать протестный потенциал населения, живущего за пределами столицы, для которого приоритетными являются экономические проблемы, обострившиеся в период пандемии *COVID-19*. Как заметил Понгсатон Танчароен, студент Университета Маха Саракам (г. Исан, северо-восток Таиланда), уровень политической активности в его родной провинции высокий. Однако этот факт игнорируется студенческими активистами в Бангкоке. Многие проблемы, волнующие местное население, как, например, цены на урожай или экологическая деградация, не интересуют студентов в Бангкоке. По его мнению, физическая и идеологическая пропасть между ними препятствует перерастанию недовольства местного населения в общенациональный протест. Отсутствует сотрудничество между столицей и провинциями [9].

Ограничиваясь общими политическими требованиями, студенты обрекают себя на определенную дистанцированность от масс, интересы которых связаны с защитой своих социально-экономических потребностей. Если сопоставить число участников протестов - 50 тыс. человек на стороне оппозиции и 10 тыс. защитников традиционных ценностей - с общим количеством населения страны (67 млн человек), ситуация выглядит следующим образом: большинство жителей страны не интересуется политикой [10]. Чатурон

Чиенсанг, член запрещенной партии «Таи Ракса Чат» (связанной с Таксином Чинаватом) и бывший участник студенческих волнений 1992 г., считает, что студенческое движение должно сконцентрироваться на текущих экономических и политических проблемах, чтобы завоевать поддержку населения [11].

В-третьих, введение в стране весной 2021 г. запрета на проведение массовых мероприятий в рамках осуществления противоэпидемиологических мер стало естественной преградой для организации акций протеста.

В-четвертых, спад студенческой активности в наибольшей степени связан с применением против протестующих репрессивных мер. Выжидательная позиция правительства, надеявшегося на естественное затухание протестов, сменилась в октябре 2020 г. на применение мер насилия и запугивания в отношении тех, кто проповедовал идею реформы института монархии, что, бесспорно, отпугнуло многих от участия в уличных демонстрациях из-за страха быть задержанным и привлеченным к уголовной ответственности. Появление антимонархических взглядов у молодого поколения тайландцев было воспринято властью как угрожающее сохранению самих устоев тайской идентичности и существованию режима квазидемократии, открыто поддерживаемого королем. Можно согласиться с мнением тайландского эксперта Пола Чамберса, что, требуя реформу института монархии, студенты выпустили «джина из бутылки» [12].

Для противодействия распространению антимонархических настроений у молодежи власть использовала разные средства - введение чрезвычайного положения в Бангкоке с 16 октября 2020 г.; разгон демонстраций силой с помощью слезоточивого газа и водометов; организация уличных митингов с участием ультра-роялистов, многие из которых, как предполагалось, были военными; применение против протестующих закона о несоблюдении общественного порядка во время пандемии; и самое главное - обвинение их в нарушении закона *lèse-majesté*, которое, по данным правозащитной организации «Юристы в защиту прав человека», было предъявлено 76 участникам демократического движения (с ноября 2020 г. по март 2021 г.), включая 6 несовершеннолетних, зачастую за комментарии в Интернете [13].

Военнослужащие прошли специальное обучение на предмет отслеживания антимонархического контекста в социальных сетях [14]. Прают чан-Оча еще в ноябре предупредил, что против протестующих будут использоваться все законные меры наказания, аргументируя свое решение тем, что ситуация в стране не улучшается и возрастает угроза конфликта, ведущего к усилению насилия, способного нанести ущерб стране и институту монархии [15]. Для него использование закона *lèse-majesté* стало средством самозащиты от критики.

Роялисты, уверенные в том, что любовь к королю является присущей тайцам традицией и неотъемлемым компонентом их политической культуры, обвиняли внешние силы в инспирировании протестов. 27 октября 2020 г. они собрались у посольства США, требуя от американского руководства прекратить «гибридную войну» против Таиланда, а участников митингов они называли «ненавистниками страны», «еретиками» и призвали руководство страны к репрессиям против них.

Применение властью насильственных методов подавления оппозиции - наглядное подтверждение усиления авторитарных тенденций в управлении страной, которые, обеспечивая временное преимущество правящему политическому классу, не способны предотвратить углубляющийся раскол общества в отсутствии механизмов его предотвращения. Неэффективные действия правительства по предотвращению распространения пандемии *COVID-19*, вторая волна которой накрыла страну летом 2021 г., вызвала рост общественного недовольства, переросшего в массовые протесты в Бангкоке в конце лета с участием десятков тысяч человек, в основном, молодежи. После спада активности студенческое движение вновь заявило о себе как о политической силе, отражающей взгляды демократически настроенной части общества, использующей доступные ей средства давления на власть. Требование отставки премьер-министра Прают чан-Оча сочеталось с более общими политическими лозунгами, размещенными в Фусбуке, - ограничить власть институтов, «поскольку ни один из институтов не может быть реформирован без первоначального реформирования монархии»; развитие демократии путем отстранения военных от политики; создание всеобщего государства благосостояния. Однако влияние студентов на власть оказалось недостаточным, чтобы побудить парламентариев вынести вотум недоверия правительству, санкционированный оппозицией.

Ситуация усугубляется тем, что большинство населения страны, проживающее в провинции, остается не восприимчивым к демократическим ценностям, отстаиваемым либерально настроенной молодежью и представителями среднего класса Бангкока. Это наглядно продемонстрировали итоги выборов в местные органы власти, состоявшиеся в декабре 2020 г.

ПОЛИТИКА НА МЕСТНОМ УРОВНЕ

Оппозиция правительству не ограничивается только уличными протестами. Попытки создания действенной коалиции в парламенте из продемократических партий после запрета партии «Вперед в Будущее»

практически провалились. Партия «Движение вперед»⁵, пришедшая ей на смену, достаточно слаба, чтобы стать действенной оппозиционной силой, поэтому ее совместные с «Пхэа Таи» попытки вынести вотум недоверия правительству Прают чан-Оча провалились дважды. Партия «Паланг Прачарат» осуществляет практически полный контроль над нижней палатой парламента.

Учитывая эти обстоятельства, Танатон сконцентрировал свои усилия по созданию новой структуры - «Движения вперед в будущее» (в марте 2020 г. оно было переименовано в «Прогрессивное движение»), призванное проводить работу за пределами парламента. По его признанию, Движение не является организацией, а имеет сетевую структуру и объединяет людей, разделяющих общие политические взгляды - неприятие диктатуры и создание справедливого общества. Главная задача Движения - подготовка выборов в местные органы власти, распространение в обществе идеологии партии, используя в этих целях разные платформы. Наличие этой группы должно вселять надежду в общество в возможность борьбы за полную демократию против авторитаризма. Танатон рассчитывал на то, что это новое движение будет играть важную роль в избирательном процессе на местном уровне и создаст предпосылки для усиления демократических тенденций в политическом развитии страны [16].

Однако итоги выборов в местные органы власти, состоявшиеся в декабре 2020 г., показали, что соратникам Танатона не удалось увеличить свой электорат. «Прогрессивное движение» получило поддержку 17% населения страны - примерно столько же, сколько завоевала на всеобщих парламентских выборах 2019 г. партия «Вперед в Будущее». «Прогрессивное движение» боролось за избрание глав исполнительных советов местных органов власти в 42 провинциях страны, но не получила ни одного места, а из 1000 кандидатов, выдвинутых в провинциальную администрацию по 52 провинциям, победу одержали только 55 человек в 18 провинциях. Студенческие протесты, в разгар которых и походили выборы в местные органы власти, не оказали существенного влияния на их исход, который подтвердил неизменность установившихся правил ведения политики на местном уровне.

Здесь по-прежнему главную роль играют местные «влиятельные люди» (*чао по*), связанные с местным обществом отношениями «патрон - клиент». Через формирование периферийных клиентельских групп *чао по* поддерживают, как правило, кандидатов от тех партий, которые могут обеспечить продвижение их интересов и предоставить им доступ к дополнительным материальным ресурсам.

Соответственно, результат выборов напрямую зависел от способности каждого кандидата в депутаты обрасти неформальными личными связями с местными лидерами, которые и берут на себя оперативное руководство по мобилизации голосов электората. В рамках существования такой неформальной избирательной системы шанс на победу «Прогрессивного движения» в отсутствие связи с неформальными институтами власти снижаются [17]. Большинство тайцев не испытывает желания бороться за свои демократические права в трудные для них экономические времена. Традиции политической культуры и местной организации власти препятствуют продвижению демократических процессов вглубь страны.

Как оппозиционные политические партии не смогли обеспечить транзит к демократии мирным путем через парламентские выборы, так и студенческое движение не добились от власти решения поставленных проблем, которые отодвигаются на неопределенное время, используемое политическим классом для упрочения собственных позиций. Наделение Прают чан-Оча чрезвычайными полномочиями под предлогом мобилизации административных ресурсов для борьбы в эпидемией *COVID-19* - наглядное тому подтверждение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если оценивать перспективы политического развития Таиланда, сценарий сохранения статус-кво в политике, по крайней мере, до проведения всеобщих выборов, намеченных на 2023 г., выглядит наиболее реалистичным.

Вряд ли уход с поста премьер-министра Прают чан-Оча, как того требуют протестующие, повлечет за собой изменения в политической системе. Баланс сил в парламенте не в пользу избрания на пост премьер-министра фигуры, устраивающей оппозицию. Проведение новых парламентских выборов в условиях действия нынешней избирательной системы и назначения верхней палаты затормозит конфликт, но не разрешит его. В то же время нынешнее правительство, представляющие интересы нескольких партий, не настолько сильно, чтобы стать действенным институтом по разрешению кризисной ситуации, будучи подверженным межпартийному соперничеству за руководящие посты, что ведет к частным перестановкам в правительстве.

⁵ Депутатам от распущенной партии было предоставлено право выбора в течение 60 дней - либо присоединиться к другим партиям, либо создать новую партию, чем и воспользовались 50 парламентариев. Партия, названная, согласно заявлению ее лидера Пита Лимчаренрата, «Движение вперед», намерена продолжить политику, анонсированную партией «Вперед в Будущее» (прим. авт.).

По мнению самих членов администрации премьер-министра, разногласия внутри коалиции представляют большую проблему для Прают чан-оча, чем антиправительственные протесты [18]. Внутренняя стабильность «Паланг Прачарат», ведущей партии в коалиции, также поддерживается за счет поиска равновесия интересов 20 клук, входящих в ее состав. При этом главную роль в ней играют военные, за которыми закреплены и ключевые посты в правительстве - министра обороны и министра внутренних дел, которые они сохраняют и в случае избрания на пост премьер-министра гражданского лица. Несмотря на свою привязку к интересам традиционного политического истеблишмента «Паланг Прачарат», благодаря проведению популистской политики и оказанию государственной помощи бедным слоям населения, смогла завоевать их поддержку, как и сам Прают чан-Оча, заинтересованность в котором по-прежнему проявляют король, армия и средний класс [19].

Хотя студенческие протесты не привели к отставке премьер-министра, к изменению конституции и реформе института монархии, тем не менее, будет неоправданным недооценивать политическую роль движения за демократические преобразования, результаты развития которого на протяжении последнего года показали, что запрос общества на изменения в политической системе достаточно высок. Выросло новое поколение тайландцев, заинтересованных в политической свободе, которую им не может предоставить режим квазидемократии.

Подавление оппозиционных настроений в обществе силой, как стремится это сделать руководство страны, приносит ему лишь временный успех в борьбе за власть, которая сегодня охватывает новое политическое пространство - Интернет. Социальная сеть *Clubhouse*, возникшая в 2020 г., объединяет всех недовольных властью и требующих защиты своих гражданских прав и демократических свобод. Приложение предоставляет возможность своим пользователям напрямую контактировать с экспертами или публичными людьми в неформальном формате [20].

Использование демократической оппозицией Интернет-пространства обеспечивает интернационализацию студенческого протеста и его связь с внешним миром, что усиливает его воздействие на политическое развитие страны. По мнению Прайяк Конгкирати, преподавателя Таммасатского университета, «если бы Прают не совершил военный переворот в 2014 г., то не было бы сегодня и студенческого протеста» [21].

Студенты не намерены покидать политическую сцену вопреки ожиданиям властей. Их демократические устремления стали вызовом для современной политической системы, без реформирования которой раскол в обществе углубится. Однако сами по себе уличные протесты не изменят статус кво в политике. Но они должны быть восприняты политическим истеблишментом, заинтересованным в политической стабильности, как знак неизбежности структурных изменений в политике в соответствии с появлением новых ценностей в обществе. В то же время многие лидеры протестного движения отдают себе отчет, что потребуются годы на осуществление заявленных ими политических реформ.

Как точно подметил тайландский журналист Правит Ротьянапрук, «политические изменения больше напоминают марафон, чем 112-метровый спринт» [22]. Потенциал влияния молодежи на сферу политики зависит от массовой поддержки, которая возможна лишь в случае соответствия выдвигаемых ею требований социальному запросу общества.

REFERENCES

1. James Lovelock. Thailand: Youth defiant over Lèse Majesté. *Clampdown*. January 8, 2021. https://www.eurasiareview.com/08012021-thailand-youth-defiant-over-lese-majeste-clampdown/?utm_source=feedburner&utm_medium=email&utm_campaign=Feed%3A+eurasiareview%2FVsnE+%28Eurasia+Review%29 (accessed 01.5.2021)
2. Masayuki Yuda. Thai pro-democracy party on edge of dissolution over court cases. *The Nikkei Asian Review*, December 25, 2019.
3. Pravitt Rojanaphruk. The illusion of choice under Thailand's fake democracy. *Khaosod English*. August 4, 2019. <https://www.khaosodenglish.com/opinion/2019/08/04/opinion-the-illusion-of-choice-under-thailands-fake-democracy> (accessed 01.05.2021)
4. Michael Montesano. Thai student protests: Conjuring up the ghosts of 1932. *ISEAS Commentary* 123. 18 August 2020.
5. Thailand's king seeks to bring back absolute monarchy. *The Economist*. October 17, 2020.
6. Heijmans Philip J. As Thailand's troubles grow, the king moves to bolster his image. *Bloomberg*. January 20, 2021. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-01-19/as-thailand-s-troubles-grow-the-king-moves-to-bolster-his-image> (accessed 01.5.2021)
7. Growing divisions between Thailand's establishment and youth-led movement. *The Nikkei Asian Review*. 26 December 2020.
8. Apornrath Phoonpongphiphat and Masayuki Yuda. Thailand protests collapse as leaders languish in jail. *The Nikkei Asian Review*. March 18, 2021.
9. Year of dissent: Activists reflect on anniversary of street protests *Khaosod English*. February 22, 2021. <https://www.khaosodenglish.com/politics/2021/02/22/year-of-dissent-activists-reflect-on-anniversary-of-street-protests> (accessed 01.5.2021)
10. Pravitt Rojanaphruk. Time for the silent majority to speak out. *Khaosod English*. December 7, 2020. <https://www.khaosodenglish.com/opinion/2020/12/07/opinion-time-for-the-silent-majority-to-speak-out/> (accessed 01.5.2021)
11. Students vent their fury. Experts weigh in on recent reignition of student activism across country. *Bangkok Post*. March 1, 2020. <https://www.bangkokpost.com/thailand/politics/1868549/students-vent-their-fury> (accessed 01.5.2021)

12. Justin Ong. Explainer: What the youth-led protest in Thailand is about and the factors fuelling it. *Today*. October 19, 2020. <https://www.todayonline.com/singapore/explainer-what-youth-led-protest-thailand-about-and-factors-fuelling-it> (accessed 01.5.2021)
13. Protesters hold peaceful rally criticizing the monarchy. *Associated Press*. March 26, 2021. <https://www.khaosodenglish.com/news/crimecourtscalamity/2021/03/26/protesters-hold-peaceful-rally-criticizing-the-monarchy> (accessed 01.5.2021)
14. Karen Lee. The #MilkTeaAlliance in Southeast Asia: Digital revolution and repression in Myanmar and Thailand. April 1, 2021. <https://www.csis.org/blogs/new-perspectives-asia/milkteaalliance-southeast-asia-digital-revolution-and-repression-myanmar> (accessed 01.5.2021).
15. Termsak Chalermpanupap. Thailand's Lèse Majesté dilemma: defending the monarchy versus silencing critics and alienating the young. *ISEAS Perspective*. No. 19. February 26, 2021.
16. Michael J. Montesano. Thailand's 20 December 2020 provincial elections: A contest among national political parties and a quasi-party? Evidence from the Andaman Coast. *ISEAS Perspective* No. 145. 18 December 2020.
17. Punched Sirivunnabood. Thailand's first provincial elections since the 2014 military coup: What has changed and not changed. *ISEAS Perspective*. No. 24. March 2021.
18. Marwaan Macan-Markar. Thailand's PM faces bigger threat than protests: coalition rifts. *The Nikkei Asian Review*, March 2, 2021.
19. Jitsiree Thongnoi. As Covid-19 surges in Thailand, Prayuth faces crisis of confidence stoked by Thaksin, Clubhouse and 'fed-up doctor'. *The South China Morning Post*. April 28, 2021. <https://www.scmp.com/week-asia/health-environment/article/3131330/covid-19-surges-thailand-prayuth-faces-crisis> (accessed 01.5.2021)
20. Wichuta Teeratanabodee. The Clubhouse challenge to digital authoritarianism in Thailand. *East Asia Forum*. March 18, 2021.
21. In focus: Growing divisions between Thailand's establishment and youth-led movement. *The Channel News*. 26 December 2020. <https://www.channelnewsasia.com/news/asia/thailand-king-maha-prayuth-ratsadon-movement-demonstrations-13737734> (accessed 01.5.2021).
22. Pravit Rojanaphruk. Is the first chapter of the monarchy-reform struggle ending? *Khaosod English*. March 20, 2021. <https://www.khaosodenglish.com/opinion/2021/03/20/opinion-is-the-first-chapter-of-the-monarchy-reform-struggle-ending/> (accessed 01.5.2021)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Рогожина Наталья Григорьевна, доктор политических наук, главный научный сотрудник, Центр проблем развития и модернизации, ИМЭМО РАН, Москва, Россия.

Natalia G. Rogozhina, Dr.Sc. (Political Science), Chief Researcher, Center for Development and Modernization Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
17.05.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
26.06.2021

Принята к публикации (Accepted)
11.08.2021

ФРГ и «ливийская проблема» в 2010-е гг.

© Трунов Ф.О.^a, 2021

^a Институт научной информации по общественным наукам
(ИНИОН) РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-7092-4864; ltrunov@mail.ru

Резюме. В 2010-е гг. Германия существенно нарастила свою политическую и военную активность в Северной Африке и Сахеле. Одной из ключевых трудностей в этом процессе стал поиск пути подключения к урегулированию «ливийской проблемы».

«Ливийская дверь» представляла собой верхнее основание «коридора нестабильности», начинавшегося в Мали (и отчасти в Буркина Фасо) и далее через Нигер, идущего на север. По нему в сторону Германии, её партнёров по ЕС из зон вооружённых конфликтов проецировались такие угрозы безопасности, как неконтролируемое массовое перемещение беженцев, а также распространение отдельных боевиков и ячеек международных террористических структур. Осознавая важность урегулирования «ливийского вопроса», ФРГ в 2012-2019 гг. смогла оказывать на него лишь опосредованное воздействие, ограничившись географическим «огораживанием» этого очага нестабильности.

В статье показан характер вклада Германии в выстраивание отрезков его периметра: западного и восточного (усиление охраны границ Туниса, Алжира и Египта посредством наращивания в них экспорта вооружений и военной техники), южного (вклад в урегулирование конфликта в Мали в рамках миссий *EUTM Mali* и *MINUSMA* и в стабилизацию стран «сахельской пятерки», в целом) и северного (развёртывание мониторинговых миссий ВМС в Средиземном море). Исследуется ход подготовки и запуск Берлинской конференции по Ливии (январь 2020 г.), позволивший Германии де-юре стать координатором процесса межливийского примирения.

Ключевые слова: нестабильность, угрозы, Германия, Алжир, Египет, Мали, Нигер, урегулирование, вооружённый конфликт, Берлинская конференция

Для цитирования: Трунов Ф.О. ФРГ и «ливийская проблема» в 2010-е гг. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 9. С. 65-72.
DOI: 10.31857/S032150750014942-8

Germany and «Libyan problem» in the 2010s

© Philipp O. Trunov^a, 2021

^a Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences (INION RAN). Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-7092-4864; ltrunov@mail.ru

Abstract. Germany has been growing political and military activity in Northern Africa and Sahel region by the mid 2010s. FRG and its EU partners faced the great number of instability risks which are projected from zones of armed conflicts located in northern part of Africa. The key elements of the corridor of instability which has connected the fragile states in Sahel and Northern Africa were the «Libyan door» (the upper part) and «Malian gates» (the lower one). But in the 2010s FRG faced the absence of opportunities for itself to be directly involved in the resolution of «Libyan problem». That is why in 2012-2019 Germany had been trying only to fence «Libyan problem» in. This perimeter has four segments. German contribution to the creation of Western one (the strengthening of Tunisian and Algerian borders with Libya) and especially Eastern segment (the same with Egypt) was rather limited and consisted of arms export to these countries. The article explores the evolution of German participation to the resolution of Mali armed conflict (first of all FRG's military contribution to EUTM Mali and MINUSMA missions). This one and also German participation in the reform of Niger's security sector was the creation of Southern segment of the perimeter.

By 2020 Germany has deepened cooperation on «Libyan problem» not only with regional players but also world powers. During Merkel's visit to Moscow (January 11, 2020) the scheme of future Berlin conference on Libya was declared. This format was established on January 19, 2020. Germany became the coordinator of inter-Libyan dialogue (between the Government of national consensus in the West of the country and Libyan national army in the East) and supported it by the launch of the EU mission «IRINI». The article concludes about the perspectives of German policy towards Libya considering COVID-19 pandemics.

Keywords: instability, challenges, Germany, Algeria, Egypt, Mali, Niger, resolution, armed conflict, Berlin conference

For citation: Trunov Ph.O. Germany and «Libyan problem» in the 2010s. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 9. Pp. 65-72.
DOI: 10.31857/S032150750014942-8

ВВЕДЕНИЕ

С начала 1990-х гг. ФРГ - едва ли не единственный пример «восходящей» державы среди стран-участниц Евро-Атлантического сообщества - стала нарастающими темпами использовать политико-ди-

пломатический и военный потенциал для противодействия угрозам безопасности вне зоны ответственности НАТО. Стратегия борьбы с ними на дальних рубежах должна была обеспечивать странам-участницам ЕС и НАТО большие преимущества, предоставляя внешние гарантии стабильного внутреннего развития.

На этом фоне большой неожиданностью для истеблишмента ФРГ стало то оборонительное положение, в котором она и её партнёры по ЕС оказались в условиях миграционного кризиса 2015-2016 гг. и роста террористической активности в странах объединения. Тогда эти угрозы, в основном, исходили из зон вооружённых конфликтов в Сирии и Ираке. Во многом они были вызваны недостаточно активными и, главное, малоэффективными действиями в борьбе с международным терроризмом стран Запада - в полной мере это относилось к самой ФРГ. Параллельно с Ближним Востоком очаги нестабильности с сопоставимым потенциалом вызовов возникали в Северной Африке и Сахеле.

В 2011-2012 гг. Ливия стремительно перешла к полностью хаотизированному состоянию. Ключевой причиной этого стало силовое вмешательство в ход вооружённого конфликта в Ливии, начавшегося в условиях «Арабского пробуждения», группы стран-участниц НАТО во главе с Великобританией и Францией (при поддержке США). Эти действия привели к обрушению единой вертикали власти, успешно функционировавшей в Джамахирии с конца 1960-х гг., тем самым обеспечив возникновение фрагментированного политического ландшафта и фактическое начало «войны всех против всех» [1].

Активными и полностью деструктивными по своим целям сторонами конфликта стали террористические группировки (в частности, «Исламское государство»), проникшие и стремительно распространившиеся по «большому телу» ливийского государства. Его территория превратилась в огромную, вытянутую меридионально «чёрную дыру», которая к середине 2010-х гг. стала частью протяжённого «коридора нестабильности». Он шёл из стран Сахеля, начинаясь в Мали и отчасти в Буркина Фасо, далее через Нигер в Ливию, Средиземное море в сторону ЕС. Верхним основанием «коридора нестабильности» стала «ливийская дверь», а нижним - «малийские ворота».

Толчком для возникновения острого вооружённого конфликта в Мали, создавшего уже весной 2012 г. риск обрушения центральной власти и в этой стране, стала производная «ливийской проблемы» - прибытие в северомалийские провинции туарегов, ранее служивших в армии Джамахирии, со своим вооружением и транспортом. Как и в случае с Ливией, в Мали наблюдалась стремительная радикализация антиправительственных комбатантов: уже к осени 2012 г. среди них усилились позиции террористических группировок «Ансар Ад-Дин» и «Аль-Каида в Магрибе». Однако в этом случае последовала оперативная реакция стран Запада по борьбе с рисками нестабильности: уже в январе 2013 г. Франция начала боевую операцию «Serval» («Сервал») с ярко выраженной антитеррористической компонентой [2, с. 4-5].

Задача статьи - исследовать подход ФРГ к урегулированию «ливийской проблемы» в 2010-е гг. с фокусом на использование общеполитического и военного инструментария. Германия, в отличие от Франции, Великобритании и США, исторически не обладала сколько-нибудь весомыми позициями на Африканском континенте, в т.ч. в северной его части. Не в пример другим западным державам [1], дипломатические и военные действия в Африке официального Бонна/Берлина освещались недостаточно подробно [3; 4]. Но именно в 2010-е гг. наблюдался резкий рост разноплановой активности Германии в Северной Африке и Сахеле. В числе причин этой тенденции - обеспокоенность руководства ФРГ «ливийской проблемой», которая таила в себе существенные риски не только для обеспечения безопасности, но для реализации лидерских амбиций Германии как «восходящей» державы.

Основными методами исследования были избраны сравнительный и ивент-анализ. Подход ФРГ к урегулированию «ливийской проблемы» рассматривался автором сквозь призму «эффекта переплётывания»: повышенное внимание уделялось шагам официального Берлина, значимым для решения «ливийского вопроса», которые осуществлялись на территории сопредельных стран Африки и прилежащих акваториях.

В ПОИСКАХ ПУТИ ПОДКЛЮЧЕНИЯ К УРЕГУЛИРОВАНИЮ

ФРГ не приняла прямого военного участия в боевой операции группы государств-партнёров по НАТО в Ливии (2011), ограничившись оказанием им политической поддержки [3]. Эта тактика обеспечивала официальному Берлину выгодные имиджевые позиции: в восприятии лидеров стран Африки (вне зависимости от их отношения к политическому режиму М.Каддафи) германская сторона не была причастна к физическому устранению ливийского лидера. Это становилось предпосылкой развития довольно доверительного диалога на высшем уровне между Германией и государствами континента.

Одновременно неучастие ФРГ в ливийской кампании (2011 г.) отражало ту осторожность, которую Берлин на практике проявлял при использовании военного инструментария в Африке, притом при проведении не только силовых, но и небоевых операций - прежде всего, по миротворчеству и поддержанию

мира. Демонстрируя приверженность принципу «стратегической сдержанности», Германия стремилась позиционировать себя в качестве взвешенного в своих действиях центра влияния в мире. Однако, в ряде случаев эта тактика оказывалась не просто малоэффективной, но контрпродуктивной, способствуя переходу вооружённых конфликтов в «запущенное» состояние, что существенно усложняло их урегулирование.

В частности, иллюстрацией тому стала линия ФРГ в отношении Ливии в 2012-2019 гг.: в этот период официальный Берлин не нашёл для себя возможности прямого участия в стабилизации обстановки в этой стране. Была избрана тактика опосредованного воздействия на «ливийскую проблему», которую автор склонен обозначить термином «огораживание». Это - пресечение возможностей «переплёскивания» угроз нестабильности с ливийской территории на соседние государства Северной Африки (Тунис и Алжир на востоке, Египет - на западе), их проецирования через Средиземное море на территорию ЕС, а также перекрытия «коридора нестабильности» в его нижней (Мали, а также Буркина Фасо), а затем и средней (Нигер) частях. Иными словами, геополитически речь шла о выстраивании периметра «сдерживания» «ливийской проблемы» вдоль границ этой страны.

Каковы особенности и «узкие места» участия ФРГ в этом процессе?

Содействуя созданию западного отрезка периметра, Германия пыталась выстроить сотрудничество в области безопасности с Тунисом (что стало заметно с 2015 г.) и Алжиром (с 2016 г.). В общеполитическом плане официальный Берлин подчёркивал, что учитывает их озабоченность «ливийской проблемой». Так, в 2015-2017 гг. президент Туниса Беджи Каид эс-Себси по инициативе ФРГ приглашался в качестве специального гостя на саммиты «G7» и «G20», которые, в том числе, были посвящены обсуждению ливийской тематики. В ходе переговоров премьер-министров двух стран, проходивших в ФРГ в ноябре 2015 г., принимающая сторона обозначила готовность участвовать в подготовке кадров армии, полиции и пограничных войск Туниса - прежде всего, направляемых на границу с Ливией [5]. К началу 2020-х гг. эта мера, за исключением обучения небольших групп военных из Туниса в профильных учебных центрах ФРГ, не получила, однако, широкого распространения.

В случае Алжира официальный Берлин уже к середине 2010-х гг. прочно утвердился в роли экспортёра широкой номенклатуры вооружений и военной техники (ВиВТ). Показательно, что в 2016-2018 гг. Алжир занимал 1-е, а в 2019 г. - 2-е (!) место в списке государств-импортёров вооружений и военной техники германского производства среди стран мира, в целом [6, S. 74; 7, S. 82].

Каковы ключевые наименования номенклатуры поставляемого оружия? Во-первых, это грузовики, а также БТР (в т.ч. без пушек) и крупные партии запчастей. Бóльшая часть алжиро-ливийской сухопутной границы (989 км) протекает по пустынной местности. В этих природно-климатических условиях особое значение приобретали не стационарные заставы, а мобильные группы и патрули, способные регулярно мониторить саму границу и прилегающие районы, в случае необходимости блокируя, уничтожая или пленя пытающиеся проникнуть на территорию Алжира отряды боевиков. Они имели автотранспорт (что требовало симметричного ответа в виде оснащения войск на границе грузовиками повышенной проходимости), однако практически не располагали тяжёлой бронетехникой. И потому включение даже одной бронеединицы, вооружённой лишь пулемётами (без орудия, для облегчения техники с целью повышения скорости и манёвренности) обеспечивало правительственным алжирским войскам огневое преимущество. Пустынные условия, в которых использовались грузовики и БТР, приводили к их ускоренному износу, чем и объяснялись закупки больших партий запчастей (см.: [7, S. 82]).

Во-вторых, Алжир закупал у ФРГ фрегаты, что существенно увеличивало возможности патрулирования в Средиземном море для обнаружения беженцев и вооружённых боевиков.

Таким образом, де-юре Берлин вносил определённый вклад в улучшение охраны границ Туниса и особенно Алжира с Ливией. Однако на практике решение этой задачи продолжало целиком лежать на армии, ВМС и пограничной страже самих североафриканских стран. Действия Германии были, в основном, сведены к оказанию военно-технической помощи, притом отнюдь не безвозмездно: только в 2016-2019 гг. экспорт вооружений и военной техники в Алжир принёс профильным фирмам ФРГ 4,5 млрд евро прибыли (!) (см.: [6, S. 74]; [8, S. 82]). При этом ФРГ стремилась использовать возможности самой алжирской стороны для углубления своих контактов с Правительством национального согласия (ПНС, тогдашний глава - Ф.Сарадж, было расположено в Триполи) [5].

Ещё меньшим был фактический вклад ФРГ в функционирование восточного отрезка периметра «огораживания», проходившего по границе Ливии с Египтом. Уже с начала 2010-х гг. Берлин активно искал контактов с Каиром. В 2012 - начале 2013 гг. была предпринята попытка сближения с вновь избранным президентом М.Мурси (выдвиженцем «Братьев-мусульман»), показавшая свою несостоятельность ещё до его оттеснения от власти и ареста египетскими военными. Старт диалога с последними - прежде всего, с новым главой АРЕ А. ас-Сиси - проходил намного более сложно. Однако уже с 2015 г. двусторонние отношения вышли на качественно новый уровень взаимодоверия, что иллюстрировали характер и содержание

поочередно организуемых ежегодных визитов на высшем уровне и запуск формата ЕС - ЛАГ (Лига арабских государств) (2019) по инициативе ФРГ и АРЕ.

В число ключевых тем переговорного процесса прочно вошла к концу 2010-х гг. ливийская тематика. С одной стороны, оказывая политическую поддержку ПНС Ф.Сараджа, руководство ФРГ в апреле 2019 г. обозначило перед официальным Каиром обеспокоенность наступлением на запад сил Ливийской национальной армии (ЛНА первоначально формировалась в районе Бенгази) фельдмаршала Х.Хафтара, неофициально поддерживаемых Египтом [8]. С другой - ФРГ не могла не осознавать того факта, что восточный отрезок периметра «огораживания» «ливийской проблемы» был наиболее прочным.

Это, во-первых, объяснялось большой численностью (400 тыс. военнослужащих), достаточно высоким уровнем боеспособности и оснащённости военной техникой вооружённых сил самой АРЕ [9, S. 1-3]. Развивая военно-техническое сотрудничество с Германией, Египет, в отличие от Алжира, не проявлял заинтересованности в экстренных, становящихся регулярными, закупках больших партий грузовиков и БТР. Во-вторых, не меньшее значение играл тот факт, что на прилежащих к Египту территориях оперировали части ЛНА, которые продемонстрировали свою готовность и, главное, реальную способность вести успешную борьбу с незаконными вооружёнными формированиями. На фоне укрепления позиций ЛНА 15 апреля 2019 г. состоялись телефонные переговоры ас-Сиси и А.Меркель. Выражая обеспокоенность наступлением ЛНА, канцлер де-факто зондировала готовность Египта к посредничеству в установлении контактов ФРГ с её руководством (см.: [8]).

Иным по характеру и объёму оказался вклад ФРГ в создание двух других отрезков схемы «огораживания» - прежде всего, южного. С 2013 г. он возник лишь в Мали, притом де-факто только в южных и центральных провинциях этой страны. Географически периметр оказался «разорван», не охватывая в полной мере ни северомалийских территорий, ни тем более Нигера. Оказывая поддержку боевой операции «*Serval*», проводимой Францией, Германия в марте 2013 г. направила военные континенты в состав двух миссий: миротворческой *AFISMA* под эгидой Афросоюза (уже в июне 2013 г. была трансформирована в *MINUSMA* под флагом ООН) и военно-тренировочной *EUTM Mali*, учреждённой ЕС.

Первая из них (*AFISMA/MINUSMA*) была ответственна за со-принятие от ударных французских частей ответственности за обеспечение мира и правопорядка на освобождаемых от влияния «Ансар Ад-Дин» и «Аль-Каида в Магрибе» территориях Мали. Эта задача должна была решаться в тесном взаимодействии уже с теми французскими подразделениями, которые были предназначены к использованию в зонах низкой, а не высокой интенсивности, и вновь реорганизуемыми кадрами сил безопасности Мали - прежде всего, армией.

Вторая миссия (*EUTM Mali*) была ответственна за обучение (с предварительным переформированием) правительственных малийских войск. Следует подчеркнуть существенную разницу характера вклада ФРГ в деятельность каждой из двух миссий. В случае *EUTM Mali* (небольшой, имевшей до 0,5 тыс. военнослужащих и действующей исключительно в считавшихся спокойными южных и центральных провинциях Мали) Германия изначально заняла лидирующие позиции по числу выделенных офицеров и солдат-инструкторов, равно как и по объёмам финансирования [2, S. 1-6]. Напротив, до середины 2010-х гг. ФРГ направляла в состав *MINUSMA* лишь небольшие (численностью не более 150 военнослужащих) вспомогательные подразделения бундесвера - транспортные и снабженческие, т.е. речь не шла о выделении наземных частей [10, S. 1-6]. Эти различия были ещё одной иллюстрацией осторожности, которую проявляла Германия в вопросах использования военного инструментария в Африке.

Ситуация изменилась во второй половине 2010-х гг.: Берлин, продолжая наращивать вклад в деятельность *EUTM Mali*, одновременно пошёл на резкое увеличение своего контингента в составе *MINUSMA*. В 2016-2018 гг. его устанавливаемый Бундестагом «потолок» вырос с 150 до 1 100 военнослужащих, т.е. более чем в 7 раз [11, S. 1-8]. Географически зона оперирования бундесвера была расширена и на северомалийские провинции (Гао, Кидаль и Томбукту) [4], что означало частичное сокращение разрыва периметра «сдерживания» «ливийской проблемы».

ФРГ развернула группировку беспилотных летальных аппаратов (не менее 40 тактических и 1 дальне-высотный) на многонациональной военной базе «Лагерь Кастро» в Гао и приняла на себя функции «рамочной нации» в осуществлении тактической воздушной разведки в интересах всей миссии *MINUSMA* [11, S. 6-10]. Одновременно Германия приняла на себя руководство охраной и функционированием (прежде всего, в логистическом плане) самой базой «Лагерь Кастро» [11, S. 6-10], выступавшей ключевым военным объектом сил *MINUSMA*.

На севере Мали контингент ФРГ активно взаимодействовал с войсками других стран-участниц миссии ООН (особенно малых и средних государств АС и ЕС) и с французскими силами, проводящими операцию «*Barkhane*» («Бархан»). Она с июля 2014 г. сменила «Сервал», имея как боевую компоненту (нанесение ударов по пытавшимся перегруппироваться силам террористических формирований), так и небоевую [12, S. 12].

Почему ФРГ обращала особое внимание на провинции Гао, а также Кидаль? Географически они соединяли центральные районы Мали (последние примыкали к Буркина Фасо) с Нигером [12, S. 12], т.е. выступали значимой частью «коридора нестабильности». Стремясь обеспечить прохождение «точки невозврата» в деле стабилизации в Мали, Германия стремилась обеспечить «эффект переплёскивания»: с 2017-2018 гг. Берлин стал участвовать в реформировании секторов безопасности в странах «сахельской пятёрки»¹, в целом.

К началу 2020-х гг. Германия стала предоставлять (в основном на безвозмездной основе) лёгкие вооружения и грузовики для оснащения мобильных полицейских групп в Нигере, одновременно участвуя в подготовке их кадров по линии федерального МВД [13]. К концу 2019 г. должна была быть завершена подготовка первой такой группы, а в 2020 г. - второй, на которые возлагалась особая роль в пресечении перемещения боевиков, оружия, взрывчатых и наркотических веществ по нигерской территории [13]. Ключевая причина создания этих механизмов - недостаточно высокий уровень боеспособности и, главное, технической оснащённости армии Нигера.

В качестве ещё одной меры преодоления трудности канцлер А.Меркель и президент Нигера М.Иссуфу согласовали отправку нигерских военнослужащих для переподготовки в учебные лагеря миссии *EUTM Mali* [13]. Реализация таких же мер стала прорабатываться Германией и в случае Буркина Фасо [12, S. 6-14].

Эта тенденция была значима в контексте подхода ФРГ к урегулированию «ливийской проблемы». Участие Германии в реформировании сектора безопасности Нигера позволяло приблизить южный отрезок периметра «огораживания» к границе Ливии. Стремясь перекрыть «коридор нестабильности» его центральной части (Нигер), ФРГ одновременно нарастила свою активность и к югу. Так, применительно к Буркина Фасо действия Берлина были направлены, прежде всего, на недопущение превращения этой африканской страны в «мягкое подбрюшье» Мали в смысле развёртывания здесь тыловых баз и учебных лагерей террористическими группировками (в т.ч. вновь появившимся «Исламским государством в Великой Сахаре» - «дочкой» ИГ) [12, S. 8-11].

Вместе с тем, тактика Германии имела ряд весьма существенных «узких мест». Во-первых, численность сил бундесвера, используемых непосредственно «в поле» для патрулирования и борьбы с мелкими группами комбатантов на севере Мали, была небольшой - всего 1-2 мотопехотные роты (см.: [12, S. 6-10]). В плане выделяемых «активных штыков» вклад ФРГ был несоизмерим в сопоставлении с численностью контингентов стран АС, участвующих в *MINUSMA*, а также с Францией, проводящей операцию «Бархан». Во-вторых, вопросы вызывал реальный уровень боеспособности, достигнутый по итогам обучения ряда батальонов малийской армии, направляемых в учебные лагеря миссии *EUTM Mali* с ведущим участием германских инструкторов [14].

Не менее чувствительной была проблема объёмов военно-тренировочной деятельности: в 2013-2019 гг. специалисты *EUTM Mali* подготовили 14 тыс. военнослужащих армии Мали, что (особенно с учётом боевых потерь, дезертирства, увольнения отслуживших свой срок) было явно недостаточно для принятия ею основной роли в обеспечении мира на территории всей страны [14].

Наконец, наблюдались и грубые ошибки, допускаемые уже самим правительством Мали в вопросах использования переобученных *EUTM Mali* батальонов: вместо применения целиком они разделялись на мелкие подразделения, что резко снижало эффективность их использования в борьбе с террористическими группировками. Напротив, последние демонстрировали способность к частичному восстановлению потенциала и перегруппировке, вступая в симбиотические отношения с оргпреступностью [12, S. 8-15].

Как и в случае южного отрезка периметра «сдерживания» «ливийской проблемы», для выстраивания северного ФРГ также обратилась к использованию бундесвера, однако в иных формах. Здесь ключевой задачей было налаживание эффективной системы патрулирования в Средиземном море с целью пресечения неконтролируемого перемещения в южноевропейские страны-участницы ЕС потоков людей (беженцев, а также мимикрирующих под них боевиков) и контрабандных грузов (оружия, взрывчатых и наркотических веществ).

Как ни парадоксально, на первый взгляд, поиск решения оказался весьма затруднительным для ФРГ и её партнёров. В начале 2015 г. Европейским Союзом было принято решение о запуске мониторинговой военно-морской миссии «*Sophia*». С мая 2015 г. по июнь 2019 г. ВМС ФРГ направляли в её состав надводные корабли на ротационной основе [15]. Развёртывание миссии снизило масштаб проецируемых на ЕС угроз нестабильности, однако отнюдь не означало разрешения проблемы, частными иллюстрациями чему стала критическая ситуация с беженцами на о. Лампедуза (Италия) и о. Лесбос (Греция).

Почему? С точки зрения автора, слишком протяжённой была зона оперирования миссии ВМС, что приводило к недостаточной плотности кораблей, патрулирующих акваторию. Требовалось сужение района их действий посредством приближения его к границам Ливии.

¹ В состав группы стран «сахельской пятёрки» входят Буркина Фасо, Мавритания, Мали, Нигер, Чад (прим. авт.).

ПОПЫТКА ПОЛНОМАСШТАБНОГО ВОВЛЕЧЕНИЯ В РЕШЕНИЕ «ЛИВИЙСКОЙ ПРОБЛЕМЫ»

На рубеже второго и третьего десятилетий XXI в. руководство ФРГ стало стремиться перейти от опосредованного воздействия на «ливийскую проблему» к своему прямому участию в урегулировании. Это означало отнюдь не отказ от соучастия в её территориальном «огораживании», но готовность дополнить данную тактику организацией межливийского переговорного процесса, для чего Германией были осуществлены два значимых шага.

Во-первых, это демонстративное занятие положения, равноудалённого от обеих ключевых сторон ливийского конфликта, способных бороться с незаконными вооружёнными формированиями (НВФ) и обеспечить его урегулирование - от ПНС во главе с Ф.Сараджем и ЛНА, руководимой фельдмаршалом Х.Хафтаром.

Как уже отмечалось, в середине - второй половине 2010-х гг. Берлин установил и поддерживал политические контакты (включая организацию визитов в Германию Ф.Сараджа) с Правительством национального согласия [16] и при этом критикуя действия ЛНА [8]. Однако занять роль координатора межливийского диалога ФРГ могла, лишь оказавшись «над схваткой», т.е. перестав, как минимум де-юре, отдавать предпочтение одной стороне конфликта.

Во-вторых, германскому руководству необходимо было заручиться поддержкой влиятельных международных акторов в вопросе своего подключения к конфликту. К началу 2020 г. эта задача была решена, в основном, в случае региональных игроков (Тунис, Алжир, Египет, учитывая отмеченный выше уровень двусторонних отношений ФРГ с каждой из этих стран) и западных держав (прежде всего, Франции).

11 января 2020 г. А.Меркель провела в Москве продолжительные переговоры с президентом В.В.Путиным, согласовав схему запуска многостороннего формата по урегулированию «ливийского вопроса» с участием ПНС и ЛНА. Канцлером ФРГ был обозначен окончательный состав будущей конференции: 5 постоянных членов Совета Безопасности + ФРГ (схема, апробированная в переговорах по иранской «ядерной программе» в 2006-2015 гг.), а также круг региональных и заинтересованных внешних игроков [17] - в т.ч. Турция, оказывавшая активную силовую поддержку ПНС отправкой военизированных отрядов и оружия.

Первый раунд переговоров, в котором впервые приняли участие (хотя и не встретившись лично) главы ПНС и ЛНА, прошёл в Москве 13 января 2020 г. Второй этап был организован уже в столице ФРГ 19 января 2020 г., получив наименование Берлинская конференция. В ходе многочасовых переговоров с участием Ф.Сараджа и Х.Хафтара были намечены рамочные основы урегулирования:

- введение режима полного прекращения огня;
- установление эмбарго на любые поставки ВиВТ в Ливию в увязке с очищением её территории от иностранных наёмников и всех НВФ (особенно «ячеек» террористических группировок);
- создание постоянной переговорной площадки по схеме «5 на 5» (по числу представителей от ПНС и ЛНА) под эгидой ООН;
- регулярная «сверка часов» по выполнению условий на различных уровнях [18].

Ключевую роль в этой связи должна была играть Берлинская конференция, необходимая частота созывов которой была определена - раз в полгода [18]. Безусловно, Германией был достигнут определённый успех - как в политическом, так и в имиджевом отношении. ФРГ смогла, наконец, не просто встроиться в процесс урегулирования «ливийского вопроса», но де-юре стать его ключевым координатором.

Стремясь закрепить первоначальный результат, уже 24 января 2020 г. А.Меркель провела отдельную встречу с президентом Турции Р.-Т.Эрдоганом, убеждая его на практике свернуть военную помощь ПНС. 10 марта 2020 г. канцлер приняла в Берлине фельдмаршала Х. Хафтара, проведя с ним продолжительные переговоры [19]. А 12 марта 2020 г. состоялся телефонный контакт А.Меркель с Ф.Сараджем [20]: Берлин активно прибегал к «челночной дипломатии», стремясь обеспечить выполнение договорённостей от 19 января 2020 г. Показателен порядок и характер двусторонних встреч: сначала был принят руководитель ЛНА, причём с ним были проведены прямые переговоры, а лишь затем состоялся телефонный разговор с председателем ПНС. Тем самым ФРГ вновь демонстрировала де-юре равноудалённое положение от сторон конфликта.

Примечательно, что все эти меры, в т.ч. встреча с Х.Хафтаром, проводились на фоне разворачивающейся эпидемии COVID-19: со второй декады февраля 2020 г. сама А.Меркель отменила все свои заграничные поездки. Фактор пандемии, приведя к «заморозке» большинства мирополитических процессов, не стал препятствием для запуска по линии ЕС операции «IRINI» с преобладающей военно-морской компонентой.

Де-юре главной задачей миссии обозначался мониторинг соблюдения эмбарго на поставки оружия в Ливию и, в целом, выполнения договорённостей от 19 января 2020 г. Де-факто операция «IRINI», проводимая, прежде всего, в территориальных водах Ливии и её воздушном пространстве, выступала также механизмом выстраивания северного отрезка периметра «огораживания» «ливийской проблемы», став более эффективной заменой миссии «Sophia». Она проводилась в 2015-2019 гг. в акватории Средиземного моря

для пресечения неконтролируемых потоков беженцев из зон вооружённых конфликтов в странах Ближнего Востока (прежде всего, Сирии) и северной части Африки. Однако операция «*Sophia*» не смогла существенно смягчить остроту миграционного кризиса в ЕС в 2015-2016 гг.

22 апреля 2020 г. Бундестаг одобрил использование контингента бундесвера (с «потолком» в 0,3 тыс. военнослужащих) в операции «*IRINI*» [21]. На первом этапе её проведения (до августа 2020 г.) Германия направляла в воздушное пространство Ливии самолёты-разведчики [21]. На втором было осуществлено, несмотря на пандемию, направление фрегата ФРГ (на ротационной основе) для патрулирования побережья Ливии. Пошаговый характер действий ФРГ, притом вновь исключавший наземную деятельность, следует признать очередным примером осторожности, проявляемой Германией при внесении практического вклада в урегулирование вооружённых конфликтов в Африке. Отложив до августа 2020 г. выделение фрегатов, официальный Берлин давал, прежде всего, возможность Турции эвакуировать присланные ранее в Ливию военизированные формирования, минимизируя риск столкновений бундесвера с ними.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Даже принимая во внимание те «узкие места», которые характеризовали действия ФРГ по урегулированию «ливийской проблемы» с января 2020 г., активность Берлина на этом направлении в условиях пандемии иллюстративна, отражая резкий рост его значимости во внешнеполитической деятельности Германии. Оно не снизилось даже в условиях военного переворота в Мали (август 2020 г.), показавшего непрочность успехов в деле успокоения ситуации в южной части «коридора нестабильности».

С 2015-2016 гг. ФРГ стала реализовывать комплекс мер по выстраиванию периметра «огораживания» ливийской зоны нестабильности. На фланговых отрезках - западном и, особенно, восточном - практический вклад ФРГ был очень небольшим, прежде всего сводясь к продажам вооружений региональным игрокам. На северном и, особенно, южном отрезках в различных, но исключительных небоевых, формах использовался бундесвер. Активизация усилий ФРГ с 2015-2016 гг. отнюдь не случайна, иллюстрируя новое прочтение «ливийской проблемы» на фоне миграционного кризиса и роста террористической активности в ЕС.

С 2020 г. Берлин перешёл к новому этапу политики в отношении Ливии, включившись, притом в качестве координатора, в международный переговорный процесс по урегулированию, сопровождая это интенсификацией использования военного инструментария. Эта тенденция, с оговоркой на приверженность ФРГ принципу «стратегической сдержанности», с высокой долей вероятности сохранится, как минимум, на среднесрочную перспективу даже на фоне пандемии *COVID-19*.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Видясова М.Ф. Европа и гражданская война в Ливии: куда идет страна 140 племен и «120 воюющих сторон»? *Актуальные проблемы Европы*. 2018, № 4, с. 184-209.
2. Vidyasova M.F. 2018. Europe and civil war in Libya: Where the country of 140 tribes and 120 belligerents is going? *Urgent problems of Europe*. № 4. (In Russ.)
3. Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der EU-geführten Ausbildungsmission EUTM Mali. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/3836, 28.01.2015. 8 S.
4. Pinfari M. Tunisia and Libya. The European Union and the Arab Spring. Edited by J. Peters. Lexington: Lexington books. 2012, pp. 39-43.
5. Hanish M. A new quality of engagement Germany's extended military operation in northern Mali. *Security Policy Working Paper*. 2015. № 8. 5 p.
6. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem tunesischen Ministerpräsidenten Essid im Bundeskanzleramt. 5.11.2015. <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-tunesischen-ministerpraesidenten-essid-848174> (accessed 26.11.2020)
7. Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2017. Berlin, 2018. 116 S.
8. Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2019. Berlin, 2020. 128 S.
9. Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem ägyptischen Präsidenten Abdel Fattah Al-Sisi. 15.04.2019. <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-aegyptischen-praesidenten-abdel-fattah-al-sisi-1601070> (accessed 26.11.2020)
10. Noll J., Roll S. Vom Jemen-Krieg zur gemeinsamen Armee? *SWP-Aktuell*. 2017. April. № 47. 8 S.
11. Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/5053, 03.06.2015. 8 S.
12. Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8972, 03.04.2019. 12 S.

12. Unterrichtung durch die Bundesregierung. Bericht der Bundesregierung zur Lage und zum deutschen Engagement in Mali/Sahel. Aktuelle Lage, Ziele und Handlungsfelder des deutschen Engagements. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/18080, 25.03.2020. 17 S.
13. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem Präsidenten von Niger, Issoufou in Niamey. 2.05.2019. <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-praesidenten-von-niger-issoufou-1605308> (accessed 26.11.2020)
14. Antrag der Abgeordneten und der Fraktion der AfD. Militärmission EUTM Mali beenden. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/19154, 13.05.2020. 3 S.
15. Mittelmeer - EUNAVFOR MED Operation Sophia. 2019. <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/abgeschlossene-einsaetze-der-bundeswehr/eunavfor-med-operation-sophia> (accessed 26.11.2020)
16. Gespräch von Bundeskanzlerin Merkel mit dem Vorsitzenden des libyschen Präsidialrates Faye al-Sarraj. 7.05.2019. <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/gespraech-von-bundeskanzlerin-merkel-mit-dem-vorsitzenden-des-libyschen-praesidialrates-faye-al-sarraj-1606518> (accessed 26.11.2020)
17. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem Präsidenten von Russland, Wladimir Putin in Moskau. 11.01.2020. <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-praesidenten-von-russland-wladimir-putin-1711802> (accessed 26.11.2020)
18. Einigung auf Berliner Libyen-Konferenz erzielt. Waffenruhe für Libyen. 19.01.2020. <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/libyen-konferenz-in-berlin-1712310> (accessed 26.11.2020)
19. Bundeskanzlerin Merkel trifft General Chalifa Haftar. 10.03.2020. <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-trifft-general-chalifa-haftar-1729592> (accessed 26.11.2020)
20. Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem Vorsitzenden des libyschen Präsidialrates, Faye al-Sarraj. 12.03.2020. <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-vorsitzenden-des-libyschen-praesidialrates-faye-al-sarraj-1730094> (accessed 26.11.2020)
21. Fragen und Antworten zur Operation Irini. Waffenembargo gegen Libyen durchsetzen. 22.04.2020. <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/operation-irini-1745506> (accessed 26.11.2020)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Трунов Филипп Олегович, кандидат политических наук,
старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки
ИНИОН РАН. Москва, Россия.

Philipp O. Trunov, PhD (Political Science), Senior Re-
searcher, Department of Europe and America, INION RAN.
Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
12.05.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
20.06.2021

Принята к публикации (Accepted)
12.07.2021

Security issues in the Middle East: The present challenges and threats

© Wissal Werfelli (Tunis)^a, 2021

^a Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0003-4803-1386; wiswerfelli@gmail.com

Abstract. The article analyzes the issue of the Middle East security. The Arab countries are facing a lot of regional threats and a fundamental shift in the regional security system, which has become one of the basic variables for the Middle East through the transition to a new form of regional and international interactions. The existence of mutual influences between the nature of the international system and the regional order of the Middle East and the Gulf region is already considered as an incubator for all intractable conflicts and crises.

We cannot study the concept of regional security in separate from the global effects and repercussions. After the end of the Cold War and after the collapse of the Soviet Union in 1991, the structural transformations and global changes led to the emergence of profound changes in the international system, which resulted in the restructuring of the general features of the international environment.

The international transformation is marked by the fact that the new world order increased the chances of emergence of new international powers in both Europe and Asia, whether countries or major economic or political blocs trying to establish a multi-polar international order, which prompted the United States to pursue a policy of cooperation with competing powers.

And in light of this international environment, it was natural for the regions of strategic importance, particularly the Middle East, to be affected because they were linked to relations of mutual influence with the international system, as international balances affect regional balances.

Keywords: Middle East, Persian Gulf, regional security, instability, Russia, United States, sectarianism, balance of power

For citation: Werfelli W. (Tunis). Security issues in the Middle East: the present challenges and threats. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 9. Pp. 73-78. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750016592-3

INTRODUCTION

In the Cold War era, the major global powers gave priority to global dynamics instead of regional ones. But in the last few decades policymakers became increasingly interested in the dynamics of the Middle Eastern regional subsystems [7]. The Middle Eastern system has been in a state of flux since the attack of 11/9, which certainly had major consequences at domestic and international levels. One was the Bush Doctrine which paved the way to the US invasion of Afghanistan in 2001 and then Iraq in 2003, which was at the behest of a small band of neoconservatives in the Bush administration who had long favored the use of American Power to reshape critical areas of the world [11. p. 238] under the pretext of "War on Terrorism" [3, p. 17].

REGION IN DISORDER. SECTARIAN STRIFE: THE SILENT CHAOS

The US invasion of Iraq in 2003 has been the most axial event in the Middle East region due to the ambiguity and insecurity that has dominated in its aftermath, which have affected the broader region and reflected new shifts in the regional balance of power leading to the rising of the United States and Iran as the main superpowers in the lack of regional attempts able to establish a regional security system [17].

The Middle East region lives on the impact of escalating civil wars and sectarian tensions which has become the first and the most important set of issues facing the region. The tensions between Sunnis and Shiites, in light of the Iranian power's growth, have increased anxiety in some Arab countries: Syria, Iraq, Lebanon and Bahrain, which made the region exhibit signs of deep social trauma and crisis of identity at both state and society levels [16, p. 42].

The 1979 Iranian Revolution was, at least partially, the beginning of the Middle East Sunni-Shi'ite struggle and was considered as the most difficult event in the history of the region due to the Iranian attempts, over several years, to explore the regional map of the Middle East to export its revolution and spread its influence. The 2003 invasion of Iraq, the instability caused by the Arab Spring events and the rise of Sunni extremist have enabled Iran

to advance in its Shi'ite Crescent's project by building a Land Bridge which connects Iran to Syria, Lebanon to the Israeli border at Golan [4].

The above-mentioned threats have led regional countries to cooperate with the major powers in the region to follow a new strategy towards the Middle East and plan to deal with the destabilizing civil wars in Iraq, Syria, Yemen and Libya in order to end to civil wars by providing military assistance to shift the military balance decisively in favor of one side [13, p. 33].

The Syrian revolution has been started as a replay of the Tunisian and the Egyptian one, as a revolt against authoritarian rule, corruption, social inequality and bad governance. But the age-old tensions led to reawaken the millennial conflict between Shia and Sunni and the conflict quickly took on sectarian overtones [8]. Sectarianism issue in Syria has been exacerbated by external powers since the power struggle between Saudi Arabia and Iran and their respective blocs in the Syrian conflict is more a catalyst that exploits and fans the increasingly sectarian nature of the conflict in the context of the two countries own geostrategic competition.

The Sunni-Shia divide could widen and become far more volatile. The effects of this could include considerable increased instability in the region, but more particularly in the Gulf area and the Eastern Mediterranean. The two opposite camps in cooperation with their regional allies are using a strategy of Silent Chaos by supporting the opposing forces in Syria, in combination with calls of Sunni or Shi'a Jihad against the other side which would provide fertile ground for reinforcing sectarian trends in the conflict leading both camps to involve into proxy wars [15, p. 89].

The concept of regional security order is highly fragmented and shaped by political rivalry and different security interests. Post-revolutionary Iran became anti-Western, and specifically anti-American, while Saudi Arabia and the United States remain allies. The tension between Saudi Arabia and Iran started in 1979 when the Iranian revolution created a religious Shiite state, and has been reinforced by the Iranian nuclear deal in 2015 ending Iran's isolation from the international system together with the reform of its relations with allies. Iran emerged in the region as a superpower and began to involve into proxy wars in the MENA region. Tehran wields influence in the Middle East through its use of non-state partners, despite renewed U.S. sanctions against Iran and a US withdrawal from the nuclear deal.

The real problem of proxy war was introduced by the fact that the United States and its NATO allies opened the gates for regional proxy wars by the two major wars for regime change: in Iraq and Libya. Those two destabilizing wars provided opportunities and motives for Sunni states across the Middle East to pursue their own sectarian and political power objectives through "proxy war".

The international community is largely trying to resolve conflicts raising in the aftermath of the Arab uprisings and civil wars in various countries in the region: the rise of non-state violent actors (terrorism), human security issue (refugees), and the use of some external powers a silent chaos strategy to incite the sectarian strife and produce insecurity in terms of the politicization of ethnic identities [6].

THE SPREAD OF TERRORISM IN THE ARAB COUNTRIES AND ITS CONSEQUENCES

The growth of sectarianism is considered as one of the most important dangers since it is associated with the expansion of terrorist movements in the Arab region to extend their control over all countries of the region that follow the policy of sectarian division, contributing to the transmission of sectarian interactions to neighboring countries [19, p. 179].

The security environment in the Middle East region has become one of geostrategic challenges that are extremely dangerous to the security and stability of the Arab region as a whole, in light of the qualitative geographical expansion during the recent period of terrorist organizations ISIS and Al-Qaeda in Iraq and Syria which affected the security and stability of the region, which made it a realistic threat [5].

According to a report issued by the United Nations Organization in 2017¹, the number of fighters in Syria and Iraq exceeded 40,000 fighters of 110 nationalities and has indicated that hundreds of foreign fighters are fighting in Syria and Iraq, Libya, Pakistan and Somalia. Accordingly, the concerns of the international community, especially the Arab countries, are increasing about the possibility of cooperation between the terrorist groups that spread in many countries, which would make the Middle East an arena for fighting and civil wars between various terrorist

¹ Meetings Coverage and Press Releases. Security Council-United Nations. 11.28.2017. <https://www.un.org/press/en/2017/sc13097.doc.htm> (accessed 20.11.2020)

groups. The fears lie in the future of foreign fighters returning to their countries and carrying out terrorist operations that threaten international security as a whole [14].

THE NEW AMERICAN POLICY: CHANGING THE STRATEGY

In 1979, at the Iranian Revolution period, the U.S. were strategically unable to protect the Persian Gulf Oil. And since that, America has expanded its alliances to manage oil supply threats. The US maintain installations in Kuwait, Qatar, Bahrain and Oman as well as military and civilian advisory in Saudi Arabia and UAE [21, pp. 74-75].

Since the withdrawal of British forces in the 1970s, the Gulf area has been militarily dominated by the United States. And as Chuck Hagel, the US Defense Secretary, declared in December 2013: "The United States have a ground, air, naval presence of more than 35000 military personnel in and immediately around the Gulf" [12]. The presence in the Persian Gulf has been a priority for the United States due among other things to the key threat posed by Iran in the Strait of Hormuz which is the most important energy chokepoint. Since the post September 11, and in the light of the US-led war in Iraq, the global attention has focused increasingly on the oil crisis which was again considered as a threat to the international peace as it was in the 1973 War.

By the beginning of 21st century, the Middle East became a new target for the US strategy of a comprehensive pre-designed restructuring of a region which had held an important place in U.S. policy consideration for several decades. The rise of American regional capabilities in the Middle East region is quite distinct. The United States has been more deeply involved in the Middle East than any other major powers specially after the collapse of the Soviet Union.

The events of 09/11 have led to major changes, which were considered as a turning point in US foreign policy. They began a war in Afghanistan in 2001 to topple the Taliban regime, waged a war on Iraq in 2003, toppled Saddam Hussein's regime, and interfered in the affairs of the Arab and Islamic world under the pretext of "spreading democracy". The fact that the U.S. State Department "uses the concept of democracy as a tool for achieving U.S. strategic goals" was admitted by one of the most famous American political scientists, Francis Fukuyama, on June 15, 2007, at the Gorbachev Foundation, where he presented his report titled "U.S Foreign Policy after the Bush Doctrine". He added "Democracy is always a very important goal, but it will be never the sole purpose America wants to reach [18].

US foreign policy has intensified in the Middle East since the events of 9/11, which have strengthened the position of neoconservatives who adhere to Islamophobic ideas and beliefs. Their ideas were to use force to impose American hegemony on the Arab region in particular, expressed by Donald Rumsfeld: "September 11th created the kind of opportunities that World War II provided for reshaping the world"².

These events also contributed to a kind of legitimacy of the US foreign policy in the unipolar world order, born after the Second Gulf War in 1991. So, the 11 of September was a turning point in the American foreign policy toward the Middle East.

The successive US administrations have followed a way of strengthening American intervention in various regions of the world under various pretexts, but the real reason is to protect its interests and confirm its hegemonic role in the region under the pretext of supporting democracy and human rights in the Arab world, as the US government linked the elimination of terrorism to the need to carry out a kind of political reform and put forward NGO that it called "Project on Middle East Democracy (POMED)" founded in 2006.

So, the potential for shifting security geometries will not be limited to the region itself. Extra-regional powers will be permanent participants in the evolution of the Greater Middle East and a growing exposure to the consequences of conflict and cooperation within the region and on its periphery. The role of the United States, some European states, China and Russia will be central [9].

Over the past years, the rhetoric and conduct of US China policy have toughened. The 2018 US National Security Strategy (NSS) depicts China as a "revisionist power" that is "attempting to erode American security and prosperity" and "shape a world antithetical to US values and interests"³.

As the United States prepares to withdraw from Afghanistan, in the context of "ending endless wars" and reallocating military resources to compete with their main competitors, countries in the region are working out their

² Secretary Rumsfeld Interview with the New York Times. *New York Times*. October 12, 2001. <https://www.scoop.co.nz/stories/WO0110/S00083/secretary-rumsfeld-interview-with-new-york-times.htm> (accessed 09.06.2021)

³ The White House, National Security Strategy of the United States. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed (14.06.2021)

strategies to take advantage of the resulting power vacuum. Beijing was preparing for this scenario by communicating and steadily improving relations with various Afghan actors, including the Taliban, in anticipation of this inevitability and to ensure its political, security and economic interests, through the Chinese "Belt and Road Initiative" which China considered it as a solution to instability and poor development in Afghanistan. China seeks to take advantage of the opportunity to extend its influence while avoiding potential security risks.

Wide gaps remain in the US and Chinese approach to the region. While the United States has proactively intervened militarily and politically in the region on the pretext of promoting democratic reform and confronting threats to American interests, Beijing has striven to ensure diplomatic relations with all regional governments with keenness to play a bigger role in the lucrative arms market in the Middle East.

PAX-RUSSIA IN THE MIDDLE EAST

It is widely believed that the United States' role in the Middle East has declined. Russia is attempting to re-emerge as a major regional player by positioning itself as a mediator and strategic partner using soft power initiatives that are aiming to regain the influence which has been lost in the aftermath of the Cold War. That is since World War II, Russian interests in the Middle East have been marked by a "zero-sum" competition for influence in the region with the United States" [2]. Russia's foreign policy toward the Middle East since 2003 has been characterized by a new assertiveness. Russia appears to renew its role as a leading power and be more effective in challenging the traditional hegemony of the United States [17].

Moscow, as well, increasingly aspires to play the role of a mediator in the Middle East. On July 23, 2019, the Special Representative of the Russian President to the Middle East and African countries, Deputy of Russian Foreign Minister Mikhail Bogdanov presented Russia's concept of collective security in the Gulf region to the representatives of the Arab countries, Iran, Turkey and the permanent five members of the UN Security Council, the European Union, and the League Arab countries, and BRICS countries [1]. In the context of developing Russia's proposal to stabilize the situation in the Arab Gulf, it was stressed that the establishment of a comprehensive regional security system can only be the basis for ensuring a stable future for all the region. The main principles that form the basis of the concept are - implementation in phases, strict adherence to international law, and above all the United Nations Charter and Security Council resolutions.

The situation in the Gulf region has developed sufficiently for Russia to present an initiative for security in the region. The expert on the "Jamestown Foundation" for Russia and the Middle East Affairs, Theodore Karasik, said in an interview with the Russian "Novosti" agency: "The basis for this Russian move is ready, as Russia plays the role of mediator between the various parts, and this is the normal and not new process". For his part, the researcher from the American Brookings Institution, Michael O'Hanlon, believes that discussing the proposals presented by Russia may be useful: "I support such a dialogue, but early withdrawal of American forces from the region does not make any sense in my opinion" [20].

Russia is moving in the Middle East region within the framework of its strategy aimed at combating the phenomenon of terrorism and extremism. It seeks to be an active player in crisis management and to create more cooperative relations with other powers to solve these crises [10]. With participation of Russian military grouping, the Syrian troops and Syrian patriotic forces, Russia has radically changed the situation in fighting international terrorism and take initiative in nearly all areas to create the conditions for the start of a peace process [22].

Despite the dire consequences for the Arab countries and for the region on the whole, the Arab Spring brought to Moscow the political opportunity to regain its influence in the region, as these changes prompted Russia to formulate a new foreign policy. It has followed a mixture of tactics, taking into account its interests in the region, the most important of which is the Russian-Iranian alliance to support the Bashar al-Assad regime.

Russia sees in the Arab Gulf countries, especially Saudi Arabia, an ally in the global energy market where coordination between Russia and the Arab states in the energy field is carried out to maintain the oil market and ensure a minimum oil price. Joint participation in the processes of exploration and development of production explains the interest of Arab countries in cooperation with Russia and the positive development of Arab-Russian relations [10].

So, Russia seeks to fit the Middle East into a strategy with a principal goal - restore its influence in critical regions such as the Middle East, where Moscow seeks to fight terrorist threats, has important economic and political interests as well, and sees itself in competition with the United States and its partners.

Russia plays an important role in the Middle East, as its presence is considered a part of an international struggle to share influence, that is based on cooperation not a confrontation and conflict. It is classified as a positive conflict that does not lead to a military clash, but rather would achieve the element of overlapping international and regional interests in the region.

THE ROLE OF THE EUROPEAN UNION

The European Union's foreign policy in the Middle East has developed in the recent period in parallel with the retreat of the US policy to concern itself with the region during the Obama administration's period. The European Union's policy has clearly emerged through Europe's support for the Middle East peace process. In light of the events that the Arab countries have witnessed since the beginning of 2011 and in support of the EU for the Arab revolutions, the European Commission issued on December 16, 2011 a memorandum entitled "The European Union's Response to the Arab Spring" in which it supported the Arab movement and the peoples' demand for dignity, democracy and social justice.

For most regimes in the Middle East, the European Union represents an important or (potential) source of market, investment and development assistance, but it is not seen as a normative influence in internal reform. In lack of the Union's leadership, its policies are often dictated by the United States, especially those related to Islamic countries. The EU's soft power capabilities are unlikely to change soon at a time when Europe's weight in the international arena is greatly diminishing.

Several reasons have contributed to Europe's weak position on Middle East issues, including the fragility of the European Union's constitutional structure, as the lack of unified goals among the member states of the European Union that does not help in taking decisions by consensus of all countries. The decision-making in the European Union is limited to the stronger sovereign states that work to implement their policy, not the policy of the Union, and this explains the difference in European policies towards the Middle East region. In addition to the fact that the interests of the EU today have become more economic than political, as it sees the Middle East region as a mere market to support its exports and has abandoned the political role in favor of the United States of America [20].

CONCLUSION

The Arab region, especially the Middle East, is witnessing outcrops of instability and political vacuum, and according to the theory of power, this political vacuum will be filled by traditional or non-traditional opponents. So, it is imperative for Arab countries to draw up a strategy and a roadmap to confront external and internal threats. And it seems that a serious political, economic and social coordination similar to "Damascus Declaration 1991"⁴ signed by eight Arab countries in the aftermath of the Gulf War II, became a necessity to embody the Arab solidarity and increase the effectiveness of joint Arab action in a way that serves the supreme Arab interest. The "Damascus declaration" referred to work in accordance with Arab and international conventions, and established principles in international action, in matter of building peace and security.

In light of the current challenges and threats, and despite the relentless efforts to build a unified Arab Middle Eastern strategy to confront them, the scenario of establishing a unified regional security system that includes the Middle East and North Africa without taking into account the different interests of its parties is not sustainable. The greater the number of countries participating in such systems, the more difficult it will be to settle issues due to the different nature of conflicts in the region, which requires developing different strategies to deal with them.

REFERENCES

1. About the Presentation of Russia's Concept of Collective Security in the Gulf Region (In Arab). <http://ar.mid.ru/1764> (accessed 09.10.2020)
2. Cerulli Rossella. Russian Influence in the Middle East: Economics, Energy and Soft Power // American Security Project. September 2019. <https://www.americansecurityproject.org/wp-content/uploads/2019/09/Ref-0230-Russian-Influence-in-the-Middle-East.pdf> (accessed 10.01.2021)
3. Chomsky Naom. 2017. Who rules the World. L., Penguin Books.

⁴ الفلستينية الدراسات مؤسسة (Damascus Declaration) دمشق اعلان

http://oldwebsite.palestine-studies.org/ar/resources/documents/?field_doc_keywords_tid=جامعة%20الحوال%20العربية (In Arab.) (accessed 09.06.2021)

4. Clawson Patrick, Ghaddar Hanin, Uskowi Nader. Middle East FAQs : What is the Shia Crescent. *Washington Post*. January 2018. <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/middle-east-faqs-volume-1-what-is-the-shia-crescent> (accessed 05.12.2020)
5. Eid Muhammad Badri. ISIS and Gulf Security: From a Potential Threat to an Immediate Threat. Al Jazeera Center for Studies. 08.07.2015 (In Arab.). <http://studies.aljazeera.net/ar/reports/2015/07/201578113412585748> (accessed 20.03.2021)
6. Friederichs Eliza. 2019. The Middle East: Thinking About and Beyond Security and Stability. Istituto Affari Internazionali.
7. Hazbun Waleed. Regional Powers and the Production of Insecurity in the Middle East. *Menara Working Papers*. № 11. September 2018. https://www.iai.it/sites/default/files/menara_wp_11.pdf(accessed 02.04.2021)
8. Kissinger Henry. 2014. World Order. L., Penguin Books.
9. Lesser Ian O., Nardulli Bruce R. and Arghavan Lory A. Sources of Conflicts in the Greater Middle East. RAND Corporation. https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monograph_reports/MR897/MR897.chap4.pdf (accessed 22.11.2020)
10. McLaughlin John. The Great Powers in The Middle East. //Center for Strategic and International Studies. Washington. March 2015.
11. Mearsheimer John and Walt Stephen. 2008. The Israel Lobby and US Foreign Policy. L., Penguin Books. Parrish Karen. Hagel Outlines U.S. Posture, Way ahead in Middle East. U.S. Department of Defense. <https://archive.defense.gov/news/newsarticle.aspx?id=121299> (accessed 20.03.2021)
12. Pollack Kenneth M. and Walter Barbara F. Escaping the Civil Wartrap in the Middle East. *The Washington Quarterly*. Summer 2015.
13. Rahim Muhammad Ezzat. Transformations of the Map of Neighborhood Threats to Regional Security. Regional Center for Strategic Studies. Cairo. 03.08.2015. www.rcssmideast.org/article/3720 (accessed 20.03.2021)
14. Robinson Heather M., Cannable Ben, Thaler David E., Scotten Ali G.. Sectarianism in the Middle East: Implication for the United States // RAND Corporation. 2018.
15. Terrill W. Andrew. 2008. Regional Spillover Effects of the Iraq War. Strategic Studies Institute. US Army War College.
16. The US Air Force. The Iraq Effect: The Middle East after the Iraq War. RAND Project Air Force. 2010.
17. The speech of Prof. F. Fukuyama at the Round Table devoted to the Problems of International Policy and Perspective of Russian-American Relations. The International Foundation for Socio-Economic and Political Studies (The Gorbachev Foundation). 11 July 2007. https://www.gorby.ru/en/presscenter/news/show_25646/ (accessed 09.02.2021)
18. بطرسبرغ سانت . العربي الخليج ومنطقة الاوسط الشرق في الإقليمي الأمن. الورفلي وصال. 2019. Werfelli Wissal. 2019. Regional Security in the Middle East and Gulf Area. Saint-Petersburg).
19. الخليج أمن حول الروسية للمبادرة الغربي تقييم. (Western Evaluation of the Russian Initiative on Gulf Security). (In Arab.). *RT Arabic*. 07.2019. <https://arabic.rt.com/world/1035169> (accessed 09.10.2020)
20. Yetiv Steve A. 2015. Myths of the Oil Boom: American National Security in a Global Energy Market. Oxford University Press.
21. Vasiliev Alexei. Russian Middle East Policy. From Lenin to Putin. London, Routledge, 2018. 543 p. ISBN: 978-1-138-56360-5 (hbk); ISBN: 978-1-315-12182-6 (ebk).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Верфелли Виссаль (Тунис), аспирантка РУДН, Москва, Россия; Тунисский Центр стратегических и дипломатических исследований, эксперт, Тунис.

Wissal Werfelli (Tunis), Post-graduate student, RUDN University, Moscow, Russia; Tunisian Center of Strategic and Diplomatic Studies, Researcher, Tunis.

Поступила в редакцию (Received)
02.05.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
20.06.2021

Принята к публикации (Accepted)
20.08.2021

Кемаль Ататюрк в искусстве республиканской Турции

© Горошков Н.П.^a, Шподарева Ю.С.^{a,b}, 2021

^a Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

^a ORCID: 0000-0002-0541-7679; nikgoroshkov@yandex.ru

^b ORCID: 0000-0002-4583-4522; schpodareva.yu2014@yandex.ru

Резюме. В статье анализируется, как в современном турецком искусстве отображена личность первого президента Турецкой Республики Мустафы Кемаля Ататюрка, 140-летие со дня рождения которого приходится на 2021 год. Его достижениям на военном и политическом поприще деятели культуры посвятили немало произведений в изобразительном искусстве, архитектуре, литературе и кинематографе.

Их творчество многогранно, вдохновение не имеет границ, вместе с ними от запретов с началом новой страницы в истории страны освободилась и культура. Ее достижения стали доступны большому количеству людей, возможность прикоснуться к духовной жизни и творить ее открылась вместе с реформами Мустафы Кемаль-паши широким слоям населения. Характерной чертой этих произведений является личное восхищение автора его деяниями, показан в контексте истории человек, взявший в свои руки судьбы народа.

Но прежде чем дать ответ на вопрос «Кто же Вы, Отец турок?», важно, на наш взгляд, кратко обратить внимание на историческую ретроспективу развития турецкой культуры под влиянием политики государств, которые появлялись, расцветали и приходили в упадок на полуострове Малая Азия.

В статье кратко рассматриваются некоторые особенности политики в сфере культуры последних лет Османской империи и первых лет республики.

Ключевые слова: Турция, Османская империя, Мустафа Кемаль Ататюрк, республика, культура, искусство, изобразительное искусство, архитектура, литература, кинематограф

Для цитирования: Горошков Н.П., Шподарева Ю.С. Кемаль Ататюрк в искусстве республиканской Турции. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 9. С. 79-84. DOI: 10.31857/S032150750014514-7

Kemal Ataturk in the art of republican Turkey

© Goroshkov N.P.^a, Shpodareva Yu.S.^{a,b}, 2021

^a Voronezh State University, Voronezh, Russia

^a ORCID: 0000-0002-0541-7679; nikgoroshkov@yandex.ru

^b ORCID: 0000-0002-4583-4522; schpodareva.yu2014@yandex.ru

Abstract. The article analyzes how the personality of the first president of the Turkish Republic, Mustafa Kemal Ataturk, is reflected in contemporary Turkish art. This year marks exactly 140 years since his birth. To his achievements in the military and political arenas, cultural figures have dedicated many works in the visual arts, architecture, literature and cinema.

The trace of the first president of the Republic of Turkey remained in the works of both his contemporaries and in the works of authors today. Creativity is multifaceted, inspiration has no boundaries, along with them, culture was freed from prohibitions with the beginning of a new page in the history of the country. Her achievements became available to more people, the opportunity to touch the spiritual life and create it opened up along with the reforms of Mustafa Kemal Pasha to wide layers of the population. Immortal works have preserved for posterity the image of the father of the Turkish nation, and a characteristic feature of these works is the author's personal admiration for the deeds of Gazi. This undoubtedly leaves its mark on the work and the way in which a person is shown in the context of history, who took fate and the entire people into his own hands, mired in political, economic, cultural crises.

But before giving an answer to the question "Who are you, Father of the Turks?", it is important, in our opinion, briefly to draw attention to the historical retrospective of the development of Turkish culture under the influence of the policy of two states that appeared, flourished and fell into decay on the peninsula of Asia Minor. The article briefly examines some of the features of the cultural policy of the last years of the Ottoman Empire and the first years of the republic.

Keywords: Turkey, Ottoman Empire, Mustafa Kemal Ataturk, republic, culture, art, fine arts, architecture, literature, cinema

For citation: Goroshkov N.P., Shpodareva Yu.S. Kemal Ataturk in the art of republican Turkey. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 9. Pp. 79-84. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750014514-7

ВВЕДЕНИЕ

В 2021 году исполняется 140 лет со дня рождения Мустафы Кемалю Ататюрка¹ (1881-1938). Образ «отца турецкой нации» достаточно широко представлен в современном турецком искусстве. Начиная с 1920-х гг., многие деятели культуры посвящали свои произведения основателю Турецкой Республики. Каждый житель страны знает об Ататюрке и о его деятельности как военачальника и как президента.

Современное турецкое искусство имеет совсем недолгую историю. Драматизм истории турецкого общества состоял в том, что до XIX в. оно было отгорожено стеной религиозных предрассудков от прогрессивных достижений Запада. Образовавшийся разрыв между традициями средневековых турецких изобразительных приемов и достижениями западноевропейских пластических стилей был огромен.

Грань, отделившая османское искусство от современного, прослеживается очень четко - этой гранью стало начало XX века. После национально-освободительного движения 1919-1923 гг. и провозглашения Республики преобразования окончательно освободили художника от запрета ислама изображать человека.

Ключевая роль в этом культурном перевороте принадлежит основателю Турецкой Республики - Мустафе Кемалю Ататюрку. После его реформ приоритетным направлением во внешней и внутренней политике Турции было западноевропейское. Но в последнее время современное руководство страны заметно стремится отойти от идеологии кемализма во внутренней и внешней политике, которой придерживалась страна еще в начале своего существования. Появление идей неоосманизма, направленность внешней политики в восточное русло, ослабление стремления вступить в ЕС, в конце концов, противоречивое отношение самих граждан республики к основателю государства не сказываются на его популярности даже спустя 100 лет.

К настоящему времени накоплен огромный пласт произведений искусства, в которых, так или иначе, отражен образ Мустафы Кемалю Ататюрка и его роль в истории Турецкой Республики. Мало того, их количество увеличивается, но в современной, даже турецкой, научной литературе этот вопрос освещен в недостаточной степени. До сих пор не создано обобщающего исследования, в котором был бы проанализирован образ Ататюрка в современной турецкой литературе, скульптуре и т.д.

Наследие турецкой культуры, в котором представлен образ Ататюрка, весьма обширно, но о нем известно сравнительно немного, за исключением весьма ограниченных данных, почерпнутых из отдельных монографий и статей.

«БОЛЬНОЙ ЧЕЛОВЕК ЕВРОПЫ»: УПАДОК ИМПЕРИИ

Европейские державы много лет стремились разделить территорию Османской империи. В конце XIX в. планы европейцев начали постепенно превращаться в реальность. В 1878 г. турки потерпели поражение в войне с Российской империей, и это стало поводом к изъятию Боснийского вилайета и Новопозарского санджака, которые были составной частью Боснии и Герцеговины, Сербии и Черногории, под контроль Австро-Венгрии [1]. Совсем скоро управление Кипром переходит де-факто в руки англичан², хотя формальная власть османского султана над островом сохраняется вплоть до Первой мировой войны. Далее власть Великобритании распространяется и на османский Египет, куда вступили английские войска под предлогом подавления восстания [1]. Последовавшие затем Итало-турецкая война 1911-1912 гг. и Балканские войны³, значительно сократили территорию Османской империи⁴. Перед началом Первой мировой войны, ставшей роковой в истории Высокой Порты, государство лишилось почти всех территорий в Европе и Северной Африке.

Начала расти экономическая зависимость Османской империи от иностранных государств. Во время Крымской войны 1853-1856 гг. покрывать расходы пришлось, прибегая к помощи займов у европейских держав. После войны внешний долг страны продолжал стремительно увеличиваться. Главным центром контроля за всеми финансовыми операциями на государственном уровне, включая выплаты по займам, стал учрежденный в 1863 г. «Имперский оттоманский банк». Несмотря на формальный статус государственного центрального банка, его владельцами на деле были французские и английские дельцы. В 1875 г. Османская империя получила статус международного банкрота [2].

Выздороветь «больному человеку Европы» так и не удалось. Недуг оказался смертельным. Последним «вздохом» для Высокой Порты стало участие в Первой мировой войне. Постепенно военные действия пе-

¹ В 1934 г. в Турецкой Республике был принят «Закон о фамилиях». 24 ноября 1934 г. Великое Национальное собрание (Меджлис) присвоило Мустафе Кемалю-паше фамилию Ататюрк (тур. - «Отец турок») (прим. авт.).

² Согласно Кипрской конвенции 1878 г., в обмен на поддержку в военном противостоянии с Российской империей османский султан передал остров в протекторат Великобритании (прим. авт.).

³ Первая - между балканскими государствами, с одной стороны, и Османской империей - с другой; вторая - между балканскими странами, ранее бывшими союзниками, и османами против Болгарии в 1912-1913 гг. (прим. авт.).

⁴ Государство лишилось Албании, части побережья Эгейского моря и Ливии (прим. авт.).

перосли в национально-освободительную борьбу против европейских государств⁵. Главную роль в этом противостоянии сыграл Мустафа Кемаль Ататюрк, который даже спустя столетие остается самым почтаемым персонажем турецкой истории. Об этом свидетельствуют многочисленные произведения искусства, центральным героем которых становился «отец турецкой нации».

НАЧАЛО НОВОЙ ЭПОХИ: КУЛЬТУРНЫЕ РЕФОРМЫ

Современная культура берет свое начало одновременно с появлением Республики. Хотя и в Османской империи не предпринималось попыток распространить границы преобразований на духовную сферу, пестрый национальный состав населения усложнил бы воплощение идеи в жизнь. Попытки реформировать культурные нормы, и таким образом унифицировать их в разных уголках обширной империи, непременно привели бы к недовольству мусульманских подданных султана. Эти нерешенные противоречия стали наследием, которое вместе с другими проблемами перешло Турецкой Республике [3]. Только после 1920-х гг. появился шанс укрепить национальное самосознание, вектор которого до этого времени был предельно слаб. Хотя вопросы культуры входили в повестку дня и до падения Османской империи.

В период Танзимата (1839-1876 гг.)⁶ стали появляться первые зачатки светского образования. Правда, на тот момент начальных, средних школ, которые подчинялись Ведомству просвещения, было совсем немного, и фактически они были подконтрольны духовенству.

Идею изменения духовной сферы страны по западному образцу начали обсуждать младотурки⁷, но конкретных действий так и не последовало [4]. По утверждению турецкой историографии, М.К.Ататюрк находился в гуще дискуссии, что не могло не повлиять впоследствии на его политику. К 1907 г. он окончил обучение в Оттоманской академии генштаба и прослужил два года в Дамаске. Уже тогда, будучи молодым офицером, он имел далеко идущие планы: «Чтобы установить новый социальный порядок, мы должны стереть различия между мужчинами и женщинами. Мы должны заменить письменность, которая является препятствием для нашего приближения к западной цивилизации, на латинский алфавит, мы должны следовать за Западом во всем, вплоть до одежды. Мы уверены, что однажды это случится» [5].

В борьбу за преобразование и обогащение культуры Ататюрк вступил не сразу после провозглашения Республики. Первым делом было необходимо решить наболевшие проблемы в экономике и политике⁸. Широкий размах реформы в духовной сфере приобрели уже в 30-е гг. XX в. Перед основателем государства стояла сложная задача распространить в стране новые культурные тенденции, которые должны были объединить в себе западные ценности и исконно турецкие традиции, чтобы, с одной стороны, страна шла в ногу со временем, а с другой - вернула утраченные под влиянием империализма национальные черты. Трудность состояла в том, чтобы преодолеть сопротивление укоренившихся культурных норм [3].

Первый шаг на пути к воплощению своих идей основатель Республики сделал, приняв в 1924 г. закон *Тевхид-и Тедрисат* («О единстве образования»), которые придал в сфере просвещения светские европейские черты. Далее последовала реформа алфавита, открытие национальных школ, основание светских высших учебных заведений, открытие театров, консерваторий, создание т.н. *халк евleri* (народных домов). Все эти меры были призваны сделать разные элементы культуры - искусство, науку, образование - доступными, придать импульс их развитию и пробудить интерес широких слоев населения [5].

ОБРАЗ РЕФОРМАТОРА В ИСКУССТВЕ

Сняв запреты, которые на искусство налагала религия⁹, реформы открыли перед турецкой интеллигенцией новые горизонты. Вестернизация дала импульс развитию образования, а вместе с тем - возможность талантливым людям профессионально развиваться в живописи, музыке, литературе, скульптуре.

⁵ Союзные войска Великобритании, Франции, Италии и США заняли Стамбул, англичане оккупировали также ряд крупных городов и контролировали черноморские порты (прим. авт.).

⁶ Эпоха модернизационных реформ в Османской империи (прим. авт.).

⁷ Младотурки (осм.-фр. *Jön Türkler*) - политическое движение в Османской империи, которое с 1889 г. пыталось провести либеральные реформы и создать конституционно государственное устройство. Принято различать периоды: «Младотурецкого движения», «Младотурецкой революции» и «Младотурецкого режима» (прим. авт.).

⁸ Страна продолжала оставаться преимущественно аграрной, иностранный капитал господствовал во многих отраслях слабо развитой промышленности, также следовало полностью изменить систему управления государством, сделать шаги в сторону парламентаризма и многопартийности (прим. авт.).

⁹ Ислам не позволяет создавать реалистичные изображения человека и животных, что истолковывается как стремление подражать Аллаху в его творении (прим. авт.).

Национально-освободительная война вдохновила многих писателей, художников. Мустафа Кемаль, главный организатор, вдохновитель и участник событий, стал частым персонажем произведений, посвященных этому важному периоду турецкой истории.

Портрет стал основным жанром, который до сих пор служит турецким живописцам, вдохновленным вкладом, который внес М.К.Ататюрк в становление нового государства. Изменения, произошедшие благодаря кемалистской революции, сделали этот вид живописи доступным художникам.

Первым турецким художником, написавшим портрет полководца в военной форме, стала Михри Мюшфик (1886-1954) [6]. Затем появляются полотна, выполненные Ибрагимом Чаллы (1882-1960), Фейхаманом Дураном (1886-1970), Назми Гюраном (1881-1937). В этих работах проявляется не только мастерство портретистов, но и их стремление передать лучшие черты характера предводителя национально-освободительной борьбы и первого президента: решительность и смелость. Выразительность образу М.К.Ататюрка придает каждый штрих и каждый выбранный оттенок.

Чуть позже художники стали изображать отца нации и на многофигурных композициях. Особенность этих картин в том, что они показывают близость Мустафы Кемалья-паши к народу, единство с нацией, а также подчеркивают главную роль М.К.Ататюрка в событиях первой половины XX в. Наглядный пример - полотно Мехмета Рухи Ареля (1880-1931) - «Ататюрк с жителями деревни»: мужчины и женщины разных возрастов приветствуют первого Президента, за спиной которого находятся военные и гражданские лица.

В 1960-е гг. стали появляться графические портреты Мустафы Кемалья. Самый известный каллиграф, избравший в своих работах основателя Республики, - Этем Чалышкан (р. 1928). Его работы стали образцами для создания портретов, которые вскоре стали появляться на стенах государственных учреждений. Ему также принадлежит один из современных портретов М.К.Ататюрка¹⁰ (см. *фото 1*).

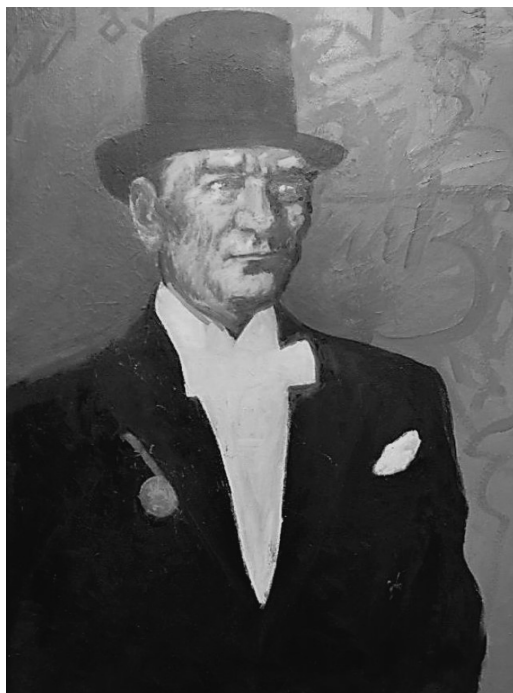

Фото 1. Чалышкан Э. Портрет Ататюрка.
(2016 г.)

Photo 1. Chalyshkan E. Portrait
of Ataturk. (2016)

Другой современный - художник Невзат Чевик нарисовал несколько портретов¹¹. Его работы носят в себе отпечаток строгости и парадности, что достигается за счет контраста фигуры на темном фоне.

Художниками, которые запечатлели Мустафу Кемалья Ататюрка на полотне, в работе двигало стремление показать лучшие черты главного героя национально-освободительной войны. Они создавали свои произведения, чтобы сохранить для потомков образ самого выдающегося деятеля в истории Турции.

Светские преобразования коснулись и архитектуры. В новом государстве не поощрялось строительство религиозных зданий. Для турецкой архитектуры характерно отсутствие преемственности: она начала развиваться заново на основе достижений европейцев.

Самое грандиозное произведение архитектурного искусства - Аныткабир, мавзолей М.К.Ататюрка¹² в Анкаре (см. *фото 2*). Строительство началось в 1944 г. и продлилось 9 лет. Оно совпало с т.н. «Вторым периодом национальной архитектуры»¹³. Тем не менее, ещё долгое время мавзолей был закрыт для посетителей. Только после присвоения ему в 2002 г. статуса музея все желающие получили возможность посетить последнее пристанище Кемалья Ататюрка. Во внешнем виде мавзолея отразились черты той эпохи развития этого вида искусства - симметрия и монументальность.

Каждая деталь строения включает в себе признаки сельджукской, османской культур, отражает исторические события, связанные с именем основателя Республики. Так, 26 ступеней, ведущих вверх, отсылают нас к переломному периоду национально-освободительной войны: 26 августа 1922 г. после битвы вблизи городов Думлупынар и Афьон-Каракисар под контролем турецкой армии оказалась большая часть страны. «Львиная дорога», ведущая к

национально-освободительной войны: 26 августа 1922 г. после битвы вблизи городов Думлупынар и Афьон-Каракисар под контролем турецкой армии оказалась большая часть страны. «Львиная дорога», ведущая к

¹⁰ Etem Çalışkan, son Atatürk portresini sergiledi. <https://www.hurriyet.com.tr/etem-caliskan-son-ataturk-portresini-sergiledi37286122>; <https://sondakika.com/foto-galeri/etem-caliskan-son-ataturk-portresini-sergiledi/> (accessed 28.03.2021)

¹¹ Nevzat Çevik. <https://www.nevzatcevik.com/> (accessed 20.03.2021)

¹² Архитекторы Эмин Онат и Ахмед Арда (*прим. авт.*)

¹³ Второй период национальной архитектуры - стиль, который господствовал в архитектуре Турции в 1939-1950 гг., характеризовался использованием османских и особенно сельджукских мотивов (*прим. авт.*).

мавзолею, «охраняется» 24 львами¹⁴, подобных тем, которые создавали хеттские скульпторы древнего государства, существовавшего некогда на территории Анатолии¹⁵.

Фото 2. Аныткабир (мавзолей). Анкара (см.: [7]). Photo 2. Anitkabir (mausoleum). Ankara.

Эти статуи напоминают о стремлении М.К.Ататюрка привлечь внимание к древней истории земель, которые охватывают границы Турции, потому что именно в республиканский период начались масштабные исследования, стала развиваться археология, открывались музеи, которые рассказывали об истории народов, населявших Малую Азию сотни и тысячи лет назад.

Развитие скульптурного искусства также непосредственно связано со снятием запретов, которые налагал ислам. К тому же только в первые годы Республики государство начало активно поддерживать создание памятников, прежде всего, первому президенту нового государства. Здесь явно прослеживается стремление повлиять на мышление жителей страны, продвигая новые ценности, символом которых был М.К.Ататюрк. Первые годы в развитии турецкой скульптуры характеризуются тем, что памятники заказывались, прежде всего, европейским мастерам¹⁶. Работая вместе с ними, приобретали навыки и турецкие скульпторы, которые стали создавать свои работы, начиная со второй половины 1930-х гг., после того как в Турции появился первый литейный завод в местечке Норманлы.

Фото 3. Монумент «Республика». Стамбул, площадь Таксим. Photo 3. Monument "Republic". Istanbul, Taksim square.

Так, знаменитый памятник «Республика» на площади Таксим в Стамбуле (см. *фото 3*) авторства итальянца Пьетро Каноника, созданный в 1928 г., был изготовлен по заказу правительства и символизирует борьбу за независимость страны - с северной стороны М.К.Ататюрк в походе, одет в военную форму и окружен солдатами, с южной стороны - центральная фигура первого президента, уже в гражданской одежде, находится в гуще государственных деятелей, среди которых можно увидеть советского военачальника Климента Ворошилова и Полномочного представителя РСФСР в Турецкой Республике Семёна Аралова, ближайших сподвижников - Исмета Иненю и Февзи Чакмака.

Работы турецких мастеров отличает патриотическая составляющая. Они трудились уже в те годы, когда необходимость в государственных заказах уменьшалась. Источником вдохновения служила собственная инициатива, личное восхищение автора вкладом М.К.Ататюрка в турецкую историю. В качестве примеров можно назвать памятник скульптора Хаккы Атамулу в Эрзуруме, открытый 1965 г., па-

¹⁴ Символизируют 24 огузских племен, являющихся основателями Османского государства, т.е. прямые потомки современных турок (*прим. авт.*).

¹⁵ Автор скульптур Хусейн Озкан был вдохновлен образом позднехеттской скульптуры Льва, обнаруженной при раскопках в г. Кахраманмараш и находящейся в Стамбульском музее археологии (*прим. авт.*).

¹⁶ Самые знаменитые скульптуры этого периода созданы австрийцем Генрихом Криппелем и итальянцем Пьетро Каноника (*прим. авт.*).

мятник Ататюрку и молодежи в Стамбуле скульптора Явуза Гёрея, или памятники Гюрдала Даяра в г. Ушак и Тамера Башоглу - в Измире. Скульпторы стремились запечатлеть образ отца турецкой нации и память о тех событиях, которые стали точкой отсчета для истории Республики.

Первые опыты турецкого кинематографа, импульс к развитию которого дала вестернизация, были связаны с созданием документальных фильмов, рассказывающих о национально-освободительной войне и исключительной роли в этих событиях Мустафы Кемаля-паши. Они основывались на документальных хрониках. Создание некоторых из них не обходилось без участия самого Мустафы Кемаля.

Ближе к концу XX в. начинают появляться художественные фильмы и сериалы, рассказывающие о деятельности основателя Республики. Яркими образцами турецкого кинематографа можно назвать фильмы «Наш урок - Ататюрк» (2010) режиссера Хамди Алкана и «Прощание» (2010) Зюльфу Ливанели.

События 1920-х гг. вдохновляли и деятелей литературы, и до сих пор вдохновляют. Драматурги, прозаики и поэты часто обращаются к этой теме, не просто рассказывая о кровопролитной борьбе, но и вкладывая свое собственное видение, отношение к вкладу М.К.Ататюрка. Многие были его современниками и свидетелями, можно даже сказать летописцами того периода истории. Ярче всего чувства глубокого уважения, благодарности, восхищения прослеживаются в поэзии, достаточно открыть собрания сочинений таких творцов, как Джемаль Сахир Эрозен (1883-1935), Орхан Шаик Гёкяй (1902-1994) и др.), Дженаб Озанкан (1924-2005), Джейхун Атуф Кансу (1919-1978)¹⁷.

Многие патриотические стихи о М.К.Ататюрке стали песнями. Положенные на музыку, они также рассказывают о героизме, мужестве Мустафы Кемаля и народе, который под его предводительством боролся за независимость страны¹⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отметим, что знаменательная фигура основателя Республики проникла во все сферы искусства. Мотивов появления его образа в разных произведениях всего два: государственный заказ, что, прежде всего, характерно для скульптуры, кинематографа и архитектуры, и личная инициатива. Но объединяет все эти области культуры то, каким был показан М.К.Ататюрк в их контексте.

Все авторы стремились изобразить первого президента героем, совершившим подвиг для своего народа и страны, запечатлеть его как носителя положительных качеств, смелого, решительного, умного, образованного человека, и даже спустя почти сто лет эта тенденция остается неизменной.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Kinross John P.D. 1977. The Ottoman Centuries: The Rise and Fall of the Turkish Empire. Morrow. 639 p.
2. Петросян Ю.А. Османская империя. М., Алгоритм, 2013, 304 с.
3. Petrosyan Yu.A. 2013. Ottoman Empire. Moscow, 304 p. (In Russ.)
4. Uluskan S. Atatürk's social and cultural policies. Ankara, 2010. (In Turk.)
5. Шпилькова В.И. Младотурецкая революция: 1908-1909 гг. М., 1977, 294 с.
6. Shpil'kova V.I. 1977. Young Turkish Revolution: 1908-1909. Moscow, 294 p. (In Russ.)
7. Kavcar C. 1988. Atatürk and Cultural Reform. *Virtue*. № 5. (In Turk.). <https://dergipark.org.tr/tr/pub/erdem/issue/44540/552576> (accessed 20.03.2021)
8. Elibal G. Atatürk and painting sculpture. Istanbul, 1973. (In Turk.)
9. Kuru A. 2017. Colorful stone decorations at Anitkabir. *Art history magazine*. № 26. (In Turk.). DOI: 10.29135/std.290790

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Горошков Николай Павлович, кандидат политических наук, доцент, кафедра истории зарубежных стран и востоковедения, Воронежский государственный университет, Воронеж Россия.

Nikolay P. Goroshkov, PhD (Political Science), Associate Professor, Department of History of foreign countries and Oriental studies, Voronezh State University, Voronezh, Russia.

Шподарева Юлия Станиславовна, бакалавр истории, Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия.

Yulia S. Shpodareva, Bachelor (History), Voronezh State University, Voronezh, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
20.04.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
25.05.2021

Принята к публикации (Accepted)
02.08.2021

¹⁷ Atatürk Şiirleri. <https://sakarya.ktb.gov.tr/TR-184266/ataturk-siirleri.html> (accessed 27.03.2021)

¹⁸ Самый яркий пример - «Измирский марш», написанный в годы национально-освободительной войны (прим. авт.).

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% – кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки
и образования

Бюджетные
места

Насыщенная
студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История •

• Философия •

• Политология •

• Социология •

• Международные отношения •

• Зарубежное регионоведение •

• Востоковедение и африканистика •

• Психология •

• Культурология •

• Археология •

• Менеджмент •

• Юриспруденция •

• Экономика •

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/_

vk.com/gaugn

gaugn.ru

E-mail: info@gaugn.ru

Лицензия 90Л01 № 0009385 регистр. № 2323 от 9 августа 2016 г.
Свидетельство о государственной аккредитации № 3207 от 24 июля 2019 г.

БАКАЛАВРИАТ

Востоковедение и африканистика

МАГИСТРАТУРА

Экспертно-аналитическое востоковедение

АСПИРАНТУРА

Обучение в Институте востоковедения РАН

Обучение на восточном факультете предполагает сочетание классического востоковедного образования с углубленным изучением теории международных отношений, политологии, а также философии, религии и общественной мысли Востока.

Основа востоковедного образования — профессиональное овладение одним из восточных и английским языками. **Основные языки — арабский, китайский, корейский и японский.**

Обучение проходит в малочисленных языковых группах, что гарантирует индивидуальный подход к каждому студенту и создает комфортную атмосферу для эффективного усвоения материала.

Изучение обширного комплекса исторических, философских, религиоведческих, политологических и культурологических дисциплин готовит выпускника к исследовательской, переводческой и практической деятельности во всех сферах взаимодействия со странами и народами Азии и Африки.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).